

Х. Сальман

Социальный мир - место новых мистерий

Основы антропософской групповой работы и формирования сообществ

Экз. №003 ©2000, Харри Салман,
издательство КИТЕЖ Нордвик (Голландия),
Москва © Перевод, редакция - И.Добровольский

*Книга посвящается памяти Дитера Брюлля (1922-1996),
пролившего свет сознания на социальный импульс Антропософии*

Место новой социальной этики:

Благо, когда в зеркале человеческой души отражается все сообщество;
И в сообществе живут силы отдельной души.

Рудольф Штейнер (1920)

Во имя Вечного, Бога Израиля:
Да будет Михаил справа от меня,
Гавриил - слева,
Уриил - передо мной,
Рафаил - позади,
И Божье Величие - у моего изголовья.
(Еврейская ночная молитва.)

Неизвестный архангел

(к образу на обложке)

В церкви Спаса Преображения в Новгороде есть фреска, писанная Феофаном Греком в 1378 году - архангел Уриил, буквально - "пламень Господень". Это - один из четверицы архангелов, восседающих вокруг трона Господня и направляющих мировую деятельность. Остальные трое - Михаил, Гавриил и Рафаил.

Уриил изгнал Адама и Еву из Рая, но предупредил Ноя о потопе. Обычно его изображают с мечом, пламенем, светильником или чашей гнева. Здесь он - со щитом, но можно предполагать, что щит этот - зеркало, в котором каждый может узреть свой истинный облик. В свете Уриила отражается наша высшая, социальная сущность. Он ставит перед нами вопрос, хотим ли мы следовать Христу. И нам открываются тогда наши слабости и несовершенства.

Уриил - архангел лета, как его описывает Рудольф Штейнер в своей имажинации Иоаннова дня (GA 229). Он действует в свете и вызывает мощное впечатление Троицы. Его тепло-красный лик - серьезен, взгляд - пристально устремлен на человеческие прегрешения, рукообразные крылья - в жесте предостережения; пресуществи свой грех в подвиг.

Уриил - ведущий Дух первого состояния нашей планетной системы, древнего Сатурна, как Рафаил - второго, древнего Солнца, Гавриил - третьего, древней Луны, и ныне Михаил современной Земли. Правитель Сатурна, Орифиил, ангел гнева Господня - представляет уровень архангельской деятельности Уриила, чей фактический ранг в иерархии архангелов и много выше.

Предостерегающий жест Уриила обращен к нам, когда мы объединяемся с другими людьми в социальной жизни. Он подвигает нас к решению работать над собой, развивая качества, необходимые для социальной жизни. Предмет этой книги - путь социального развития, путь Уриила. Уриил - вдохновитель новых профессий, имеющих свои истоки в социальном импульсе, и ресакрализации в самом широком смысле профессиональной жизни и самой жизни как таковой.

Чтобы реанимировать культуру, мы должны открыть в себе уриилические качества. Уриил нынче - неизвестный архангел. Он взирает на современные духовные движения и воодушевляет людей, которые хотят быть инспирированными духовным

пониманием, чтобы объединиться на основе нового социального импульса. Мы нуждаемся в помощи Уриила для гуманизации социальной жизни и создания новых социальных форм, в которых новое иное сознание сможет сделать вклад в новую культуру.

ПРОЛОГ

Новое социальное видение

Ранним утром 1 января 1923 года у догорающего здания первого Гётеанума рядом с Рудольфом Штейнером стояла Ита Вегман, нидерландский врач, впоследствии основательница духовнонаучной медицины. В это драматическое утро в ней возникает неведомый ей дотоле образ Рудольфа Штейнера: он, кто всегда был готов прийти на помощь другим, в сущности - совершенно одинок... Отныне она понесет этот образ в своей душе, решив полностью отдать себя в распоряжение этого человека. Со временем в ней созреет вопрос о новых мистериях - новых путях к сознательному соединению с духовным миром. Именно этот союз послужил Штейнеру одним из оснований начать движение за обновление духовной жизни.

Сегодняшняя антропософия лишь частично коренится в этих новых мистериях. Она все еще в значительной степени живет в древних формах духовной жизни. Это заметно в том, как антропософы обращаются с антропософией и друг с другом. Это вовсе не упрек. Преобразовать все застарелое в нас самих и в наших социальных условиях - нелегко. Долг путь, ведущий через социальный процесс осознания, в котором мы учимся

сотрудничать с другими. Но этот процесс важен для социальной и духовной жизни именно в инициативах, основанных из антропософии. Они то как раз и являются пробным камнем для того, чтобы определить - что имеет силы для будущего, и что их не имеет.

В конце XX столетия духовная жизнь подвергается определенному испытанию. Порог 21-го столетия сможет перешагнуть лишь то, что действует из новых сознательных социальных сил. Все старое станет добычей сил антагонистических. Будущее каждого духовного движения поставлено на карту. Духовные инициативы имеют будущее лишь в том случае, когда в них развивается новая социальная жизнь. Только тогда они смогут выжить и внести вклад в новую культуру в эпоху современной технократии, которая в противном случае уничтожит основы духовно инспирированных инициатив.

Начиная с середины XX столетия естественные социальные связи между людьми все больше ослабевают. Бюрократия и силы рыночной экономики все больше определяют нашу жизнь. Если мы сами не создадим новый социальный порядок, технократические силы установят свой порядок и уничтожат нашу свободу. Уже в 1920 году Рудольф Штейнер представил своим слушателям альтернативу: или социальное триединство (новая концепция сознательного структурирования социальной жизни), или -большевизм. Сегодня, возможно, он вместо большевизма говорил бы о технократии (в те времена это слово еще не употреблялось). При технократии люди, становясь объектами манипуляции, теряют свою человечность и лишаются возможности определять свою жизнь. Технократия подрывает правовую жизнь, и из социальной жизни постепенно исчезает правосознание. Но именно в сфере права живет истинно человеческий элемент, в том, как люди вместе создают свою жизнь и как они воспринимают права и обязанности по отношению друг к другу.

Уже со времени первой мировой войны Рудольф Штейнер подчеркивал необходимость нового социального видения, которое раскрывало бы нам, как мы можем стать активными и сознательными творцами новой социальной жизни и культуры. Но социальное видение, развитое им, все еще едва ли обнаруживается внутри антропософского движения. Лишь небольшие группы внутри и вне антропософии осознали его универсальное мировое значение. В частности, Дитер Брюльль, специалист в области права и социальных проблем, в своей книге "Антропософский социальный импульс", изданной в 1984 году, показал, как это видение возникло в жизни и мышлении Штейнера и как поддерживается социальным импульсом, который должен расти внутри нас. Попав в мои руки, эта книга вызвала ощущение целой новой области, где могут быть сделаны дальнейшие открытия. С тех пор мое понимание реструктуризации социальной жизни стало более конкретным, особенно в вопросе соотношений социальных изменений и внутреннего преобразования личности.

Начиная с 1971 года мой путь в антропософии вел меня от древних мистерий к новым. Это началось с книги Рудольфа Штейнера "Христианство как мистический факт и мистерии древности", которую я обнаружил как бы "случайно", интересуясь в то время греческими и египетскими мистериями. Около 1989 года я начал ощущать, какую роль играют новые мистерии в повседневной жизни между людьми. На этом пути я обнаружил то, что для меня особенно существенно в антропософии, а именно - поиск новых социальных форм для новой духовной культуры и новой спиритуальности, которая может возникнуть во встречах с другими людьми. Для меня это -существование новых мистерий, инициированных Рудольфом Штейнером в ходе Рождественского собрания 1923 года. На основе сознательного отношения к духовному миру, которое может осуществляться в новых мистериях, мы можем работать для новой культуры. Но эти мистерии нуждаются в оболочке новой социальной жизни и в защите со стороны новых общностей.

Каждый человек, инспирируемый духовными идеями, проходит свой путь внутреннего преображения. Этот путь развития люди должны совместно проходить в социальной жизни, которая в то же время является драмой-мистерией. Духовное сознание, рождаемое в этом процессе в индивидуальной душе, является очень личным. Я лишь тогда могу говорить от имени антропософии, когда это стало живым во мне. Антропософская идея истинна не потому, что ее сформулировал Рудольф Штейнер, но потому, что каждый открывает ее истину. В этой книге я хотел бы говорить из моего собственного опыта. Он раскрывается из социальной практики, которую я мог углубить, исследуя развитие социального импульса в жизни Штейнера и осознавая то, как он соединял этот импульс со

своей духовной наукой. Мы предлагаем читателю самому оценить практическое значение социального импульса антропософии.

Эта книга ставит своей целью помочь найти путь к источнику социального и духовного обновления, которое в высшей степени соответствует социальной жизни современности. В сегодняшнем социальном и духовном хаосе многие люди ищут этот источник. Это - современный путь Парсифаля, новые поиски святого Грааля, ведущие к пробуждению нового, внутреннего человека, который входит в мир с новыми социальными силами и стремится основать новую культуру своими духовными силами. На Рождество 1923 года Рудольф Штейнер вновь основывает Антропософское общество, чтобы объединить людей в сообществе, которое должно сформировать зародыш новой культуры, способной жить и расти лишь тогда, когда древние формы спиритуальности и водительства преодолены. Антропософы должны преобразовать старые социальные формы, все еще весьма распространенные в их среде и строить сообщества, где зачатки новой культуры могут быть защищены новыми формами социальной жизни. С другой стороны, должна быть активирована жизнь души, чтобы мог развиваться человеческий дух.

В последнее время начали развиваться новые профессии, тесно связанные с этими двумя аспектами обновления. Это социальные, художественные и терапевтические профессии, которые прежде всего поддерживают людей на их индивидуальном пути развития, делая видимыми нити и узлы их судеб и помогая им выдерживать жизненные испытания. Вторая задача - в поддержке людей, которые хотят реализовать новые формы ассоциаций и сотрудничества с другими людьми и новые социальные структуры. Эти профессии касаются соединения человека со своей судьбой, упорядочения судьбы, которая пришла в расстройство и прояснения социальных отношений с другими. Развитие в области биографической работы, консультирования, художественной терапии и социального триединства - лишь первые фрагментарные начала в новых сферах работы.

Многие молодые люди ищут этих новых, обычно еще не существующих профессий. Они хотят отдавать свои силы и способности новой культуре, не имея точных знаний, как развивать навыки, необходимые в этой работе. Эта книга, в частности, предназначена также и для них. Автор убежден, что духовная наука - антропософия может каждому открыть путь к новой жизни, которая начинается, когда мы преобразуем старые пути в нас самих и в социальной жизни. В заключение я хочу поблагодарить всех тех, кто на моем антропософском пути пробуждал во мне восприятия того, что я могу свести воедино в этой книге. Особая благодарность членам группы Дитера Брюлля, в которой мы работали с социальным импульсом, где проросли идеи, изложенные в этой книге. Я также выражаю признательность другой голландской группе, работающей по теме "Социальное обновление через антропософию", в которой эти идеи могли быть углублены и стать практическими.

Харри Сальман

Нордвик, Нидерланды, Рождество 1998 года.

ВВЕДЕНИЕ

Книга посвящена рассмотрению антропософского социального импульса и связанных с ним замыслов Рудольфа Штейнера. Он предсказал ускорение процессов социальной дезинтеграции с середины XX столетия и надеялся сформировать движение, которое смогло бы построить новые сообщества и основать новую культуру в среде материализма. С одной стороны, он хотел создать возможность возникновения из социального импульса новых, здоровых социальных условий; с другой стороны - вызвать духовную революцию внутри Антропософского общества. Эта революция должна была вести к новым мистериям как источнику новой духовной культуры.

Эти два намерения не могли быть реализованы, с первых же шагов встретив непреодолимые препятствия. В ходе XX столетия антропософия не развилась в предусмотренный Рудольфом Штейнером культурный фактор. В конце столетия мы встречаемся с неминуемым упадком культуры; духовную жизнь теперь приходится концентрировать на так называемых культурных островах, чтобы подготовить почву для нового культурного расцвета. Эти культурные острова все еще ожидают своих строителей.

Следует предотвратить засасывание антропософских инициатив и учреждений технократической системой и поразмыслить над духовными и социальными намерениями Штейнера.

В первой главе этой книги дан образ Рудольфа Штейнера как представителя современной культуры. Как философ свободы, на рубеже XX столетия он вносит свой вклад в духовное развитие пролетариата, и одновременно читает лекции в Германском теософском обществе как крупный специалист в области эзотерического христианства. Его дальнейшие замыслы раскрываются в последующих главах. Вторая глава описывает антропософский социальный импульс; третья глава - преобразование традиционного Теософского общества в современное Антропософское общество, которое должно привести к новой мистериальной культуре. Четвертая глава раскрывает образ социума, становящегося мистериальным центром, в котором дух непосредственно деятелен между людьми. Здесь мы поднимаемся на новую ступень сознания, где мы в социальной жизни имеем духовный опыт и можем все, происходящее в социальной жизни, пережить и понять как духовную действительность. И, наконец, в пятой главе ставится вопрос - как современное спиритуальное сознание может стать решающим культурным фактором.

I. РУДОЛЬФ ШТЕЙНЕР: МЕЖДУ АНАРХИЕЙ И ТЕОСОФИЕЙ

1. Средняя Европа как духовная родина

Духовным движениям необходимо "русло", в котором они могут "течь". В начале этого столетия роль такого "русла" для антропософии играла средневропейская культура. Средняя Европа была пронизана духовностью, фундаментом которой являлась свободная индивидуальность и образ человека, где различались тело, душа и дух. Эта спиритуальность имела социальный компонент, в котором сознание свободы развило социальные формы, в которых оно могло проявляться. Это сознание - часть свободного порядка, который вдохновлял людей на творение своей социальной жизни из собственного правосознания.

В своем тысячелетнем развитии Средняя Европа была духовной родиной многообразных духовных потоков, таких, как розенкрейцеры, чешские гуситы, немецкое реформаторское движение Лютера, романтизм и идеалистическая философия. Близки к ним и движения, развивавшие новые социальные формы в средневековых свободных городах, в Швейцарской конфедерации и в Нидерландах. В них был активен дух свободы, который стремился преодолеть старые принципы власти и добиться зарождения новой правовой жизни, основанной на равенстве свободных индивидуальностей.

В 20-м столетии Средняя Европа приходит в духовный упадок в результате включения ее в мировую материалистическую культуру и физического (хотя и временного) разделения между Востоком и Западом. Духовная жизнь Средней Европы была почти уничтожена и в ней стали доминирующими силы, которые должны были быть европейской культурой преодолены (иерархическое мышление, централизм, интеллектуализм и т.д.).

В начале XX столетия во многих душах все еще жило духовное наследие романтизма и идеализма, а также наследие эзотерического христианства. Когда австрийский философ Рудольф Штейнер основал новую духовную науку, он сумел соединить ее с этим наследием. Его антропософия охватывала всю средневропейскую культуру и обновляла ее, предлагая каждому, кто желал развивать душу и дух и стать самому творческой личностью, путь внутреннего развития. Раньше творчество было привилегией отдельных гениальных индивидуальностей.

Однако, Штейнер едва ли мог примкнуть к социальной традиции Средней Европы. Сознание свободы и социальный радикализм средневропейцев начала XIX в. в немецкой буржуазии его времени уже угасли.

Так как в наши дни духовное наследие Средней Европы также почти умерло, антропософия со многих точек зрения парит в воздухе. Она не имеет никакого "русла" и может становиться действенной лишь там, где духовное сознание, которое возникло в Средней Европе, еще живо - в Средней Европе или вне ее. Везде на земле свободные

люди обнаруживают, что среднеевропейское сознание, и антропософия в частности, представляет новую ступень в общем духовном развитии человечества, и это сознание развивается там, где духовно открытые люди проявляют духовные интересы. Если они в состоянии развить новые социальные формы - возникают культурные острова, где источник нового духовного сознания может обновить социальную и духовную жизнь нашего времени.

Основание и созидание этой новой душевно-духовной родины - крайне трудная задача, которую мы все еще едва ли способны решить. Но мы должны решиться на это в малых и больших сообществах. Социальный вопрос должен решаться в каждом сообществе. Это ставит нас лицом к лицу с требованием сознательно создавать новую социальную жизнь, где свободные люди сами организуют свои культурные, правовые и хозяйственные отношения. Среднеевропейская традиция указывает здесь на социальный круг, где все равны и равноправны. Это - идея форума граждан, круглого стола, где все принимают участие в политико-правовой жизни.

Рудольф Штейнер - пионер новой духовной культуры. Он освободил среднеевропейский элемент от наследия германизма и славянской подпочвы и вывел его на уровень сознания свободной индивидуальности, на котором каждый человек может жить, развиваясь внутренне до полного человеческого совершенства. Антропософия - наиболее ясное выражение этого нового духовного сознания.

Тот, кто занят обновлением культуры, может, обратившись к Штейнеру, увидеть, как он пришел к пониманию социального вопроса и как он привел в движение и преобразовал старые формы спиритуальности. Штейнер также пытался создавать группы, где соответствующие социальные формы могли бы вместить новую живую спиритуальность. И эта работа должна быть продолжена в полную силу.

2. Социальный вопрос

Во второй половине XIX столетия произошли радикальные преобразования в культуре и социальной жизни Европы. Влияние Запада становится все сильнее и продолжается вплоть до нашего времени. После падения железного занавеса в 1989 году стало очевидно, что страны Средней и Восточной Европы накрыла новая волна вестернизации. Социальная наука описывает это как процесс модернизации и считает западное общество образцовой моделью развития социального преобразования во всем мире. Социальные изменения всегда связаны с конфликтами между основным потоком, ведущим к "современному" обществу, и суб-потоками, которые пытаются построить другое общество. И это общество рассматривается группами, связанными с главным потоком, как незаконное.

Под "современным" обществом здесь имеется в виду такое общество, в котором сферы культуры, политики и хозяйства стали независимыми и развили совершенно определенные черты. Культура освободилась от власти традиций, религия стала частным делом, искусство утратило свое сакральное измерение и наука ограничилась исследованием материальных аспектов действительности. Бюрократическая государственная машина, встроившаяся в правовую сферу, лишь маргинально контролируется парламентской демократией. Экономике современного общества - рыночная экономика, в которой технология должна обеспечивать постоянный прирост.

Появление этих специфических форм культурного, политического и хозяйственного развития Средней Европы может быть исторически документировано. После эпохи немецкого идеализма, которая закончилась в тридцатые годы XIX столетия, особенно с его середины, материалистическая наука обретает твердую почву в немецких университетах, а также в Австро-Венгрии. Либеральная революция, разразившаяся во Франции в 1848 году, порождает в политической сфере бурю протестов против авторитарных режимов в других частях Европы. В парламентах германских государств возросло влияние бюргеров и других групп; в Австро-Венгрии все осталось по-прежнему. Мощь бюрократической машины благодаря собственной динамике неуклонно возрастает. В хозяйственной сфере наблюдается переход к капиталистической экономике, получивший дополнительный стимул от промышленной революции. С 1850 года растет индустриализация Средней

Европы, особенно Рурской области, Саксонии, Силезии и Богемии. Во второй промышленной революции, начавшейся приблизительно около 1875 года, Германия и Соединенные Штаты превосходили уровень Англии, родины промышленного развития. Это стало возможным благодаря соединению науки и технологии с промышленной экспансией.

Современный общественный прогресс Средней Европы, особенно в промышленных областях, означал прежде всего дезинтеграцию традиционного общества. Традиционные формы жизни уничтожались и индивидуальность, которая еще недавно могла существовать во многих культурных, политических и хозяйственных ассоциациях (гильдии, семейные ассоциации, церковные конгрегации и т.д.) - теряет свои связи с ними и попадает в паутину официальных, деловых отношений. В этом разложении связей индивидуума и общества и проявляется так называемый социальный вопрос. Он возникает там, где традиционные сообщества распадаются и встает задача создания нового социального порядка новым, сознательным образом.

Промышленное развитие заставило миллионы среднеевропейцев переселиться из сел в города. Они стали пролетариями, которые не имели внутренней связи с культурой буржуазии. Культура для пролетария была просто идеологией, чем-то таким, что не могло удовлетворить его духовных потребностей. Он также, будучи вынужденным продавать свой труд на рынке труда, чувствовал, что попирается его человеческое достоинство. В городе его не допускали в ассоциации взаимопомощи, что было прежде естественным в социальной структуре деревни; были утрачены также связь с традициями деревенской культуры.

Лишаясь корней, люди пытались поддержать друг друга: они объединялись во всяческие товарищества и профсоюзы, позднее - в политические движения. Социализм рождался из этих попыток решения социального вопроса. В конце XIX века под влиянием идей Маркса и Энгельса среднеевропейский социализм сворачивает на радикальную колею. Марксизм рассматривает технику как средство хозяйственного прироста, который, как считали его идеологи, выгоден и для рабочего. В этом смысле марксисты были представителями основного доминирующего течения модернизации. С этой точки зрения понятно, что капиталистическое общество инкорпорировало рабочее движение. И этот процесс инкорпорации совершается с начала XX столетия.

Истинным основателем среднеевропейского рабочего движения был Фердинанд Лассаль, человек с глубокими корнями в среднеевропейской культуре. В 1863 году он основал первую Немецкую социалистическую партию и вел важные переговоры с прусским канцлером Отто фон Бисмарком. Обсуждаемое ими "социальное царство" возможно и возникло бы, если бы Лассаль не погиб на дуэли в 1864 году. Живущая в Лассале духовность немецкого идеализма могла бы обрести жизнь и в не-марксисте; она могла бы духовно ориентировать социализм. Другие наследники немецкого идеализма, философы права с их идеей федеративного немецкого государства, и профессора парламента Франкфурта 1848-49 годов - были не в состоянии определять развитие Средней Европы из своих собственных культурных традиций. Чтобы решить социальный вопрос, старых идей было недостаточно.

3. Штейнер как философ свободы

Рудольф Штейнер родился в 1861 году в маленькой деревне в Австро-Венгрии (ныне - Хорватия). В 1879 году Рудольф Штейнер был зачислен в Венский технический университет. Своими предметами он избрал математику, физику, биологию, химию и: немецкую литературу. Тремя годами позднее у него состоялась встреча с неизвестным Мастером, который сыграл решающую роль в выборе пути его духовного развития и дал ему важный совет в реализации его жизненной задачи. Этот Мастер сфокусировал его внимание на философии Фихте, философии Я-сознания. Кроме этого, он должен был пройти путь к духу через естественнонаучное мышление. Тогда он мог бы понять материализм изнутри и углубить свои философские мысли и отношении философии Фихте.

Во время учебы и позднее, будучи издателем естественнонаучных работ Гёте, он направлял свое внимание на политические события в Австро-Венгрии; в этом

многонациональном государстве становился все более угрожающим национальный вопрос. В это время он также вращается в венских литературных и научных кругах. Этот период он описал в автобиографии "Mein Lebensgang" (GA 28).

Когда Штейнер начал свою работу в архиве Гёте в Веймаре в 1890 году, он вступил в сферу культуры, которая была в основном ориентирована на прошлое. Но при этом у него была также возможность воспринять труды двух представителей немецкой культуры, которые радикально противостояли буржуазным традициям и идеям - естествоиспытателя Эрнста Геккеля и философа Фридриха Ницше. Штейнер вживается в их материалистические идеи, чтобы найти точки соприкосновения, связующие нити между ними и духовным учением об эволюции, а также духовным образом человека. В это время он написал свои философские работы, в частности - "Философию свободы", в которой открыл мышлению врата сверхчувственного познания и заложил основания морального индивидуализма. В этой этике человеческая деятельность определяется моральными интуициями человека, а не естественными законами или этическими нормами, как прежде. Эти моральные интуиции дают нам возможность действовать свободно на основе познания, не создавая помехи свободной деятельности Других людей.

Штейнер надеялся получить место в университете как философ И специалист по Гёте, но место это ему не предоставили и его путь приводит его в Берлин, где он в 1897 году становится редактором литературного журнала. Он входит в контакт с миром художников, богемой и другими социальными аутсайдерами и с самого начала разделяет образ жизни. И бедность этих бездомных людей на задворках современного промышленного общества. Штейнер публикует статьи и читает лекции на целый ряд тем. Он пишет об эмансипации женщин, выступает против французского антисемитизма в деле Дрейфуса и сражается с сионизмом. Он всегда беспокоился об освобождении человека от подавляющей власти старых социальных форм, таких, как церковь, традиции, национализм, государство и капитализм.

В своих очерках Штейнер пишет также о социальном вопросе. Он формулирует основной социологический закон, показав, что в сформированных в начале культурного развития человечества ассоциациях интересы индивидуальности сначала жертвуются ассоциациям, но дальнейшее развитие приводит к освобождению индивидуальности от интересов ассоциаций и к свободному раскрытию ее потребностей и возможностей.

По Штейнеру - государство не самоцель, но средство: оно должно позволить индивидууму достигнуть наивысшего возможного самораскрытия. Идеал государства - отсутствие какого-либо владычества. Всячески поддерживая эмансипацию индивидуальности, он приходит к выводу, что при реализации идеала социал-демократии (употребление государственной власти для организации справедливого общества) - подавляются все индивидуальности. Государственный социализм противоречит основному социологическому закону и, как он отметил еще в 1898 году, форма господства, найденная социал-демократией - наихудшая из всех видов владычества (GA 31).

Штейнер трактовал свою философию свободы как индивидуалистический анархизм, который ненасильственен принципиально. Индивидуалистический анархист, писал он в письме к своему другу, Джону Маккею, также в 1898 году (GA 31), не желает ограничивать личность в раскрытии ее сил и способностей. Современное правительство основывается на насилии и власти, оно ненавидит индивидуальность и связывает ее свободное развитие, отмечал Штейнер.

Здесь мы видим Штейнера как яркого представителя скрытого культурного течения европейской культуры, которое было движимо идеалами свободы и которое связано с клонящейся к закату средневропейской культурой. Он вращается в кругах, где это течение все еще было живым и, возможна, могло быть спасено. Поэтому он откликается на просьбу лидера социал-демократической школы рабочего образования в Берлине, Вильгельма Либкнехта - прочесть курс в этой школе. Это был курс современной истории а отношении духовной жизни (весна 1899 года). Штейнер был волен высказываться из собственного мировоззрения и приобрел доверие рабочих, читая позднее другие курсы по истории, естествознанию и ораторскому искусству. В 1900 году его приглашают прочесть для нескольких тысяч наборщиков и печатников речь, посвященную памяти первопечатника Гуттенберга; год спустя, будучи докладчиком в Шпандау, он оказывается

рядом с Розой Люксембург, которая также была активна в Школе рабочего образования. Как радикальный социалист, она, очевидно, была в хороших отношениях со Штейнером, как о том свидетельствует ее письмо к нему. Она отмечает, что знает о его успехах в Школе рабочего образования.

Социал-демократическим лидерам эти успехи не понравились. В 1904 году они хотели изгнать Штейнера из школы, но подавляющее большинство учеников не хотело отпускать популярного лектора. Все же в январе 1905 года Штейнер решил оставить школу, поскольку работать в ней приемлемым образом он больше не мог. На собрании, где ему, по всей видимости, собирались отказать, один из пролетарских лидеров заявил: "Мы не хотим в пролетарском движении свободы, мы хотим разумного принуждения". Штейнеру стало окончательно ясно, что развитие свободной индивидуальности в Школе - нежелательно.

В свое время Штейнер был одним из немногих европейских мыслящих людей, из глубокого внутреннего интереса озабоченных духовными потребностями пролетариата и его стремлением к познанию. Рабочие отвергли буржуазную культуру, но взамен получили от своих лидеров поверхностные материалистические идеи.

4. Штейнер и теософия.

На рубеже двух столетий на задворках общества оказались не только художники и рабочие. Духовно бездомными стали также и другие группы, более связанные с подводными течениями, чем с основным потоком модернизации. Специфическим феноменом в широких кругах молодых людей была обеспокоенность. Молодежное движение возникло в поисках самобытности, соединения с природой и истинного человеческого общения. Среди этих молодых людей жила надежда на совершенно иной мир.

Стремление же к духовности и внутреннему развитию преобладало среди более пожилых, которые зачастую происходили из высших слоев общества. Многие из них были членами Теософского общества, основанного в 1875 году в Соединенных Штатах и с 1884 года существующего в Германии. Его целью было сформировать зародыш всеобщего человеческого братства, во всех религиях культивировать семя истины и исследовать духовные силы в человеке и в мире. Но вскоре в этом движении воспреобладал односторонний поворот в буддийско-индуистском направлении.

Граф Брокдорф, лидер Берлинской ложи этого общества, в 1900 году пригласил Штейнера в библиотеку теософского общества прочесть лекцию о философе Ницше; это была его первая лекция. Затем, поскольку он был встречен с интересом и одобрением, его пригласили прочесть вторую лекцию, по Гёте. Штейнер заявил, что он будет говорить только о плодах своего собственного духовного исследования; было также известно, что он занимает критическую позицию по отношению к восточно-ориентированной теософии. Затем последовали циклы лекций о развитии мистицизма в европейской культуре, о христианстве и о мистериях древности. Решающей для дальнейшего сотрудничества была встреча с теософкой Марией фон Сиверс, которая поставила перед ним вопрос: возможно ли развить духовность, которая была бы так же глубока как восточная, но имела бы европейские и христианские основания? В результате в 1902 году Штейнер был провозглашен Генеральным секретарем Немецкой секции Теософского общества, все еще будучи лектором в Школе рабочего образования.

В 1902 году Штейнер, в лекциях в других группах, представляет свое собственное духовное течение, названное впоследствии "антропософией". Антропософия опиралась на европейско-христианскую традицию и большинство немецких теософов захотели войти в нее более глубоко. Однако центральное значение Христа для мировой истории внутри Теософского общества не было признано; Его рассматривали лишь как одного из великих мировых учителей. С 1909 года лидеры Теософского общества даже объявили, что Христос должен воплотиться снова в молодом индусе, позднее известном как Кришнамурти. Штейнер, в начале своего берлинского периода, уже имел свой собственный опыт мистерии Голгофы. Из собственного ясновидческого наблюдения он предсказал новое явление Христа на более высоком плане, чем физический (так называемом

"эфирном"). Он должен был решительно возразить теософам. Это положило начало конфликту, который, наконец, закончился уходом из общества большинства немецких теософов, и основанием в 1913 году Антропософского общества. Рудольф Штейнер, не становясь членом этого общества, остался лишь учителем.

Своей актуальной жизненной задачей Штейнер считал новую формулировку древнего учения о карме и реинкарнации в контексте современной культуры и христианства. Уже в 1902 году, в Теософском обществе, он начал проводить практические кармические упражнения, посредством которых мы, базируясь на конкретных исторических примерах, могли бы проникнуть в свою собственную судьбу и в предначертанные судьбой отношения с другими людьми. Но эта конкретность и отношение к собственным личностям вызывали сопротивление; Штейнер должен был ждать до 1924 года, чтобы это можно было продолжить. Социальный вопрос - также не был приятен для теософов. В трех статьях 1905 и 1906 г.г. Штейнер дал введение в этот вопрос, но отклика на него не последовало и серия не могла продолжаться. Мировая буржуазная и теософская элита не интересовалась миром пролетариата, с которым он активно работал уже в течение пяти лет.

Связь Штейнера со старым теософским течением поставила задачу возрождения течения в таком виде, чтобы оно могло стать каналом: новой спиритуальности. Немецкое Теософское общество было закрытым кругом, в котором эзотерическое знание охранялось и где члены хотели духовно развиваться под личным руководством учителя. Существовал культ тайных Мастеров, посылающих важные сообщения из Тибета и Гималаев, а также тенденция избегать индивидуальной и социальной действительности.

Штейнер напротив, предусматривал, открытое общество, несущее людям духовное знание и практическим путем делающее его доступным переживанию. Он хотел развить новую спиритуальность, основанную на ясном, объективном мышлении современного естествознания и подчеркивал личную ответственность при активации нашего собственного внутреннего учителя. Каждый человек должен идти своим собственным путем упражнений, реализуемым в повседневной жизни, и закладывать в ней основания новой духовной культуры. В наше время мы должны сознательно искать новые социальные формы, в которых может становиться активной новая духовность.

То, что духовная жизнь и социальная жизнь не могут развиваться независимо друг от друга - понимали лишь немногие; отсюда возникло убеждение, что если индивидуальное развитие будет продвинуто достаточно далеко, социальность возникнет сама собой...

II. АНТРОПОСОФСКИЙ СОЦИАЛЬНЫЙ ИМПУЛЬС

1. Что значит - социальное?

Рудольф Штейнер ставит этот вопрос радикально: как мы становимся социальными? Он не имеет в виду социальное в обычном смысле слова, как "общественное". Речь идет о значительно более глубоком, моральном уровне значения этого понятия, связанном с нашей внутренней жизнью.

В современном обществе мы вращаемся во многих социальных объединениях в гораздо большей степени, чем это было в традиционном обществе. Мы социализированы, стали социальными существами, приучив вестя себя определенным образом.

Чтобы определить наше развитие как члена общества, использовались традиции, поддерживаемые нашими социальными "инстинктами". Однако, эти внутренние и внешние средства поддержки во второй половине XX столетия были отброшены, и многим стало значительно труднее приспособляться к общественным нормам. И современным учреждениям представляется чрезвычайно необходимым дисциплинарное принуждение. Оно заменяет традиции и прирожденные социальные инстинкты с тех пор, как с XVIII столетия нас все более решительным образом принуждают быть "социальными". И государство со своими учреждениями становится в этом процессе всемогущим контролером социальной жизни.

В этой ситуации технократический аппарат постоянно оказывает давление на человека.

В то время, как традиции и социальные инстинкты слабеют, люди все больше и больше пытаются проявлять свою власть над другими, использовать других на службе собственным целям. Многие стремятся стать неприступными и неуязвимыми и отступают на свои личные острова. Коммуникация как таковая становится поэтому проблематичной. Мы хотим встретиться и понять друг друга, но истинные человеческие отношения становятся все более недоступными.

Тем не менее глубоко внутри нас живет социальный импульс и Штейнер обращается к нему. Он указывает на то, что наша личность, наше эго в течение последних столетий становится все сильнее и с середины XX столетия все внешние и внутренние помехи его беспрепятственному проявлению -отпадают. То, что мы становимся все более и более антисоциальными, Штейнер считает частью нашего естественного развития. Современное капиталистическое общество с его разнузданным эгоизмом - выражение этой тенденции, и его в этом смысле можно понять. Этот эгоизм, в конце концов, неминуемо приведет к войне всех против всех, если не будет ограничен. Но в подосновах нашей культуры действуют силы, стремящиеся развить социально ориентированное христианство, в котором люди могли бы жить вместе в братстве - не как эго против эго, но на уровне их высшего Я.

Штейнер воспринял эти импульсы и высказал с этой позиции радикальную критику современного мира. В то же время он указывает пути развития из духовного познания новой социальной жизни, в которой может стать действенным социальный импульс. Здесь речь идет об импульсе, который как внутренне, в душе, так и внешне, в социальных формах, освобождает пространство для другого человека, чтобы почувствовать его потребности и позаботиться о них в полном сознании и в свободе. В этом социальном импульсе в наших делах звучит голос нашего сердца. Это - общечеловеческий голос, являющий наше социальное убеждение в стремлении объединиться с другими.

В повседневной жизни современного общества это место для другого человека исчезает. Это пространство в межчеловеческой сфере заполняет наше *это*, а функционирование правовой сферы тормозит властная структура более высоких уровней. Не удивительно, что Штейнер 12 декабря 1918 года (GA 186) заметил, что мы социальны, только когда спим (мы тогда объединены в духовном мире с другими, хотя и не знаем об этом). В нашем дневном сознании мы не социальны.

Дитер Брюльль ввел важное различие между асоциальным и антисоциальным. Мы асоциальны, пишет он, когда мы отделяемся от других, чтобы развиваться самим. И мы - антисоциальны, когда присваиваем какие-либо земные блага для собственного потребления. И то, и другое, асоциальность и антисоциальность - присущи человеку, и в моральном отношении -нейтральны. Дело обстоит иначе, если мы навязываем другим продукт нашего духовного развития - наши идеи, или эксплуатируем других, чтобы больше потребить самим. Тогда право должно ограничить наши асоциальные и антисоциальные возможности, чтобы помешать нам использовать своих ближних в качестве объектов индоктринации или эксплуатации. Ведь право возникает там, где мы задаем себе вопрос - что в отношении к нашему ближнему нам подобает и наоборот. В праве, осуществляемом таким образом, в обществе выявляется новое качество. Мы еще увидим, что формой социальной жизни, в которой это возможно, является социальное триединство.

Штейнер показывает; как социальный импульс может становиться действенным в человеческой душе как плод душевного развития, когда социальный элемент переносится из мира ночного сознания - в дневное сознание. Это зависит от пробуждения Я, которое само большей частью является социальным процессом, как это будет описано в третьей главе.

Штейнер считал свое антропософское движение подготовкой к будущей культуре братства, которая разовьется в Восточной Европе и в остальном мире. В ней сможет получить полное развитие новая социальная жизнь, подготовленная в подпочве современной европейской культуры. Антропософия стремится высвободить эти социальные силы. Как Штейнер себе это представлял, можно уяснить, проследив путь, которым он развивал свои идеи обновления социальной жизни и прочувствовав, как он обращался с другими людьми. Эти идеи формируют ступени развития антропософского социального импульса, как его назвал Дитер Брюльль.

2. Социальный импульс в жизни Рудольфа Штейнера.

Социальный импульс прочерчивает в жизни Рудольфа Штейнера отчетливый след. Дитер Брюльль обнаружил примечательный семилетний ритм, в котором Штейнер шаг за шагом формулировал свое новое видение социальной жизни. Этот ритм начинается в 1884 году, когда 23-летний Штейнер опубликовал небольшой очерк в журнале в Германштадте (ныне Сибиу, Румыния) и кончается 35 лет спустя публикацией книги "Коренной пункт социального вопроса" (GA 23), в 1919 году.

Еще во время учебы в Вене, в 1884 году, Штейнер пристально следит за культурными и политическими событиями в Австро-Венгрии. В своей статье "Свободный взгляд в современность" он пишет о задачах немецкой культуры, размышляет в духовном смысле обо всем, что приходит в науку и в политику из Запада. В этом эссе, опубликованном в 1884 году он приходит к формулировке, которая в 1919 году обретает конкретную форму учения о социальном триединстве: *"Государство не может освободить человека, только воспитание может освободить его, но государство должно позаботиться о том, чтобы каждый нашел почву, на которой может расцвести его свобода."*

В 1891 году Штейнер из Веймара, где он работал в архиве Гёте, приезжает в Вену, чтобы прочесть лекцию на тему "Сказки о Зеленой Змее и Прекрасной Лилии" Гёте. Брюльль предполагает, что Штейнер в этой лекции интерпретирует мотив четырех королей, исходя из социального импульса. Сказка содержит поэтическую картину социального триединства и подчеркивает глубокую радость человеческого общения, беседы.

За этими двумя первыми шагами следуют четыре основополагающих элемента антропософского социального импульса. Они представляют собой основной социологический закон, основной социальный закон, социальный прафеномен и социальное триединство. Здесь они отмечены только вкратце и будут проработаны далее в отдельных разделах.

Основной социологический закон (1898 год) описывает эмансипацию современного человека от социальных связей, которые тормозят его индивидуальное развитие. Фоном этому закону послужил опыт общения Штейнера со свободно мыслящими людьми, художниками и анархистами из Берлина. Это были люди, стоящие вне традиционных ассоциаций и имеющие опыт свободы, люди, ищущие свою духовную родину.

Вскоре после ухода из Школы рабочего образования Штейнер публикует свой основной социальный закон, устанавливающий принцип разделения труда и дохода. В этом конкретизируется его связь с миром рабочих и его стремление утверждать столь важную для теософов идею братства.

Затем Штейнер дал определение социального прафеномена, который составляет основу социальной жизни. Впервые он так назвал его в 1918 году, описывая, что происходит в процессе беседы. Но Брюльль указывает, что начало этой темы может быть обнаружено уже в лекции "Любовь и ее значение в мире", прочитанной Штейнером в 1912 году (GA 143). В социальном прафеномене (беседе - пр. ред.) между людьми становится действенной любовью. И в исполненной любви встрече людей среди них оказывается Христос. Эта лекция о любви занимает особое место в серии важных циклов лекций о Христе и входит в основу темы прафеномена социальной жизни.

В ходе первой мировой войны Штейнер более, чем когда-либо, видит приближение упадка Средней Европы. Особенно угрожающими были события русской революции 1917 года и политическая программа американского президента Вильсона. Штейнер работает над меморандумом и представляет публике главные направления становления социального триединства. Поскольку это имело небольшой успех, он прибегает к политической акции, и в 1919 публикует свою книгу "Коренной пункт социального вопроса"; так был сделан шестой шаг.

Брюльль считает, что антропософский социальный импульс к моменту смерти Штейнера в 1925 году еще не был дан в своей завершённой форме. Он указывает на 1926 год, когда мог бы быть сделан последний, седьмой шаг, что могло бы привести к полному закреплению социального импульса в антропософском движении. В нашем понимании социальный импульс представляет собой путь к построению общности, создающей

пространство, в котором духовные существа могут действовать инспирирующе. Если бы в 1926 году новое сообщество было создано, то семь лет спустя, в 1933 году, антропософское движение было бы лучше подготовлено к встрече со Христом в Его втором пришествии, которое, согласно указанию Штейнера (которому в этот момент было бы 72 года), должно было начаться в этом году.

3. Основной социологический закон.

С конца XIX столетия ученые, исследующие социальный вопрос, пытались применить принципы естественной пауки, особенно дарвинизма - к развитию общества. В обзоре книги Людвиг Штейна в 1898 году (в: "Gesammelte Aufsätze zur Kultur- und Zeitgeschichte, 1887-1901": "Die soziale Frage" ("Социальные вопросы") и "Freiheit und Gesellschaft" ("Свобода и общество"), (GA 31), Штейнер поддерживает поиск специфических законов развития человечества и ожидает смелых и радикальных выводов о правовых последствиях известных фактов. Но людям, подобным Штейну, отмечает Штейнер, этой смелости недоставало и они шли на компромиссы с господствующей позицией государственной власти.

Сформулированный Штейнером в этом обзоре закон социального развития, названный основным социологическим законом, предполагает радикальные выводы о роли государства в обществе. Штейнер пишет: "в начале культурного развития человек стремится к развитию социальных ассоциаций; интересы индивидуальности первоначально жертвуются интересам ассоциаций, дальнейшее развитие - ведет к освобождению индивидуальности от интересов ассоциаций и к свободному раскрытию потребностей и способностей индивидуума." (GA 31)

В силу этого основного закона социальной жизни власть социальных учреждений над индивидуальностью должна уменьшиться, и, в конце концов - прекратиться. Государство и другие социальные структуры должны поддерживать свободное развитие индивидуальности и, насколько это возможно - служить ему. В идеальном государстве господство должно отсутствовать; Штейнер предлагает радикальный индивидуализм, движимый индивидуальным моральным сознанием.

Этот элемент социального антропософского импульса имеет важные последствия. Основной социологический закон включает индивидуальный путь развития человеческого существа в социальные рамки, которые необходимы для свободного раскрытия его потребностей и сил. Мы должны так устроить социальные учреждения, чтобы они становились инструментами и поддержкой нашего развития. Если мы игнорируем этот закон, из прошлого встают силы, препятствующие индивидуальному развитию. Эти неправомерные в настоящее время силы приведут к социальным катастрофам; одна из этих сил - потребность в авторитете. Штейнер увидел ее в марксизме и социал-демократии своего времени: и тот, и другая - делают ставку на государственную власть. Сегодня мы видим это в технократической субординации, подчиняющей людей правилам и резко противоречащей основному социологическому закону.

Построить новые социальные учреждения и сообщества, которые могут поддерживать свободное индивидуальное развитие - задача, ориентированная на будущее, которую еще трудно представить. При засилии все более мощной технократии все еще необходимо создавать свободные зоны, где индивидуальность может следовать своим собственным путем развития. Лишь в них, на основе свободной ассоциации индивидуумов, сможет развиваться духовная жизнь. И мы можем начать их создавать немедленно.

Люди, которые освободились от власти социальных учреждений, могут затем ассоциироваться с другими, чтобы далее помогать друг другу или заботиться о людях, которые не могут управлять самими собой потому, что их души были по различным причинам повреждены. Это перспективы основного социологического закона.

4. Основной социальный закон

Основной социологический закон говорит о свободном раскрытии потребностей и сил индивидуальности; он в первую очередь важен для жизни культуры. Основной социальный

закон, с другой стороны - имеет отношение к хозяйственному сотрудничеству людей. Это весьма спорный закон, претерпевший в антропософском движении множество интерпретаций.

Основной социальный закон имеет дело с соотношением труда и дохода, обеспечивающих основу современной экономики, где человек продает свой труд, чтобы получать доход. Социал-демократия также приняла этот принцип. Штейнер, рассматривая этот вопрос, требует не хозяйственного прироста, а блага человечества. Основной социальный закон гласит: "благополучие сообщества работающих вместе людей тем больше, чем меньше отдельный человек притязает на плоды своей работы для себя, т.е. чем больше он отдает из этих плодов своим сотрудникам, и чем больше его потребности удовлетворяются не из его собственной работы, но из работы других." (GA 34)

Штейнер сформулировал этот основной закон социальной жизни в трех очерках в сборнике "Духовная наука и социальный вопрос" в 1905-1906 годах (GA 34). Он намеревался написать серию очерков, подобную книге "Как достигнуть познания высших миров" (GA 10), из которых мы могли понять основные силы социальной жизни. Первые очерки среди теософов отклика не вызвали, так что он на этом остановился. Рассмотрение мира труда встретило сопротивление среди богатых теософов, живущих на ренту и инвестиционные доходы; многие из них так и не увидели, что духовная деятельность должна идти дальше, чем самосовершенствование.

В этих очерках Штейнер подчеркивает, что духовная наука должна сделать плодотворный вклад в выполнение задач, предложенных повседневной жизнью и что она должна проникнуть во все практические области жизни. Через антропософию Штейнер хотел сделать доступным истинный источник социальной жизни.

Чтобы решить социальные проблемы, подчеркивал Штейнер, недостаточно изменить социальные условия жизни людей. Эти условия устанавливаются самими людьми и являются выражением их мыслей и отношений. Мы можем видеть, что все условия в обществе строятся на личной выгоде; два столетия тому назад Адам Смит даже сформулировал это как основание современной экономики. Если мы хотим решить социальный вопрос с духовной точки зрения, сказал Штейнер, мы должны начать с принципа неэгоистичной, бескорыстной работы и ориентации общества на то, чтобы это было поистине возможным. Штейнер предлагал такие организационные структуры, в которых никто не может в любое время потребовать себе плоды своей собственной работы. Эти плоды должны быть, по крайней мере, полезными всем. С другой стороны, мы должны быть поддерживаемы работой окружающих нас человеческих существ. Важно знать, что работа для других людей и заработанный определенный доход - совершенно разные вещи. Согласно Штейнеру только человек, работающий исключительно для других, может постепенно стать неэгоистичным работником.

По его представлениям, нельзя принуждать людей, чтобы поставить их работу на службу другим. Мы даже в другом человеке должны найти мотив, чтобы работать для него. Если мы ассоциируемся, чтобы работать вместе, то эта ассоциация должна иметь общий идеал, духовную миссию в мире. Только духовное мировоззрение может пробудить в человеке духовные способности, пробудить высшее Я, которое объединит нас с другими. Эти тезисы Штейнера открывают совершенно новые перспективы.

Мы не должны надеяться реализовать основной социальный закон лишь в отдаленном будущем; индивидуумы уже теперь могут работать в духе этого закона и достигнуть оздоравливающего прогресса в социальной жизни. Есть определенные сообщества, которые имеют особую тенденцию работать в этом направлении, говорит Штейнер, существуют и другие сообщества, в чьих установках подготавливается нечто подобное. По Штейнеру каждый может работать в духе этого закона в своей собственной области; от нас самих зависит степень реализации данного социального блага.

Антропософское движение содействовало этому очень мало, обычно из незнания, или же в предположении, что закон касается лишь отдаленного будущего. Многие еще не обратили внимание на то, что положение трудящихся не идет в ногу со временем. Некоторые думают, что подтверждением этого закона является широко распространенное разделение труда, заставляющее людей работать исключительно друг для друга, или что благополучное социальное государство уже в достаточной степени упразднило связь

между трудом и доходом. Последнее имеет место, но произошло таким образом, что это только усиливает эгоизм. Вне антропософской сферы можно обратить внимание на израильский киббуц, где живут люди, пожелавшие все распределять из строго духовного импульса; но этот исходный импульс очень ослабевает из-за отсутствия духовного мировоззрения.

В антропософских кругах основной социальный закон наиболее действенен в лечебно-педагогических учреждениях кемпхилл-движения Карла Кенига. Но часто это происходит за счет нарушения основного социологического закона для молодых сотрудников, поскольку они недоразвиты. Некоторые терапевтические учреждения, вальдорфские школы и хозяйственные инициативы, распределяют общий доход в открытых обсуждениях. Фактически это могло бы быть возможным везде, но в нашем обществе, одержимом духом современной экономики, трудно дать духовно инспирированным инициативам другую основу.

Если антропософия хочет подготовить новую культуру братства, основной социальный закон должен быть принят очень серьезно. Наша работа - все еще товар, который мы продаем другим в духе эгоизма. По Штейнеру здесь - еще один остаток древнего рабства. В будущем работа может стать жертвой, которую мы радостно приносим тому, кто нуждается в продукте нашего труда. Основной социальный закон помогает нам развивать социальные формы, в которых мы можем иметь свою долю в плодах земли, которые мы получаем как братья и сестры. На этом пути мы можем научиться управлять нашими собственными антисоциальными порывами. 21 февраля 1912 года Штейнер дал еще другой мотив для реализации основного социального закона в работе. Как он отметил, реинкарнация и карма никогда не смогут стать действительно основным убеждением при таком мировом порядке, когда средства к жизни человек вынужден зарабатывать своим трудом. (GA 135). Деньги, которые я зарабатываю, становятся стеной между мною и другими; они препятствуют тому, чтобы мои действия исполнялись свободно и могли быть сознательно пережиты, как кармические.

5. Социальный прафеномен

В начале главы отмечалось, что в нашей жизни важное место занимают асоциальные и антисоциальные действия. Они восходят к склонностям, которые изживаются или когда мы развиваемся духовно, или когда мы нечто потребляем; нечто иное происходит тогда, когда мы под действием наших асоциальных склонностей навязываем наши идеи другим, или под действием антисоциальных склонностей эксплуатируем других. Тогда другой человек делается нашим объектом. В этой ситуации нашим склонностям должны быть поставлены границы, так, чтобы наше отношение к другому человеку могло стать социальным, и мы, исходя из социального импульса смогли бы сделать потребность другого человека мотивом нашей деятельности.

Эффект этого социального импульса обуславливается обоими только что упомянутыми законами. Согласно основному социологическому закону, человек эмансипируется от социальных учреждений, чтобы развивать свою собственную (асоциальную) внутреннюю жизнь. Он может оказывать помощь другим в их развитии, например, формируя сообщества, в которых человека поддерживают в его индивидуальном развитии или просто выслушивают без навязывания ему чужого мнения. Основной социальный закон предполагает развитие таких социальных структур, в которых мы предоставляем нашу работу в распоряжение других, вместо того, чтобы их эксплуатировать.

В обеих ситуациях индивидуальный социальный импульс может быть активным только благодаря конкретным встречам, в которых люди могут выразить свои потребности. Основание новой, сознательной социальной жизни заключается в истинной встрече с другими, что неоднократно подчеркивает Штейнер. В лекции 12 декабря 1918 года в Берне (GA 186), он кратко описывает то, что происходит в ходе каждой беседы. И здесь мы подходим к третьему элементу антропософского социального импульса: *"Когда два человека обращены друг к другу, один пытается усыпить другого, а другой постоянно стремится поддерживать бодрственное состояние. Но это, если говорить в гёттевском смысле и есть прафеномен социальной науки."*

В этой лекции о социальных и антисоциальных склонностях Штейнер говорит о возрастающей антисоциальности современного человека и о необходимости указаний духовной науки для сознательного упорядочения социальной жизни. Он говорит в ней о структурах, необходимых чтобы сформировать в нас социальные способности, о развитии интереса друг к другу, о создании образа другого человека, о существе встречи между людьми.

В этой лекции Штейнер сообщает, что мы вполне социальны только во сне; в бодрственном состоянии мы социальны лишь тогда, когда мы вносим нечто из сна в дневное сознание. Затем он описывает беседу между людьми как неосознанный процесс засыпания в другом человеке (слушание) и пробуждения в себе (высказывание). Если я хочу понять, что другой человек хочет мне сказать, я должен быть готовым погасить себя, пока он говорит. Я этим отказываюсь от моего самосознания и вследствие этой жертвы - другой может наполнить меня своим существом. При этом условии я полностью отдаюсь другому, чтобы с полным вниманием воспринять его индивидуальность в его сообщении. В этот момент - я социален; когда же мой антисоциальный импульс не в силах больше его выносить, я выбрасываю другого из себя. Тогда я снова могу нечто сказать сам. И теперь вопрос в том, смогу ли я перенести в "пробуждение" то, что вложено в меня другим. Только в той степени, в которой я могу удерживать это в моем сознании, я прихожу к социальному познанию, которое я могу внести в беседу, то воспринимая слова другого, то усыпляя его.

Речь идет об использовании двух способностей: освобождение внутреннего пространства для другого так, чтобы он мог беспрепятственно высказаться и способность удерживать в сознании то, что он сказал. На практике это оказывается очень трудным, т.к. многие люди не могут слушать, другие же - не могут замолчать. Мы можем засыпать так глубоко, что при пробуждении все забываем. Часто разговор идет не от сердца к сердцу, но от головы к голове (где никто не засыпает), или мы говорим другому эмоциями или волей. В очень многих ситуациях мы не понимаем друг друга и реальной встречи не происходит. Прафеномен социальной жизни только тогда приводит к встрече, когда мы научаемся управляться с сознанием, когда мы можем сознательно следовать движению маятника между засыпанием и пробуждением и находить путь к сердцу другого. Мы должны развивать душевные способности - интерес, способность слушать, присутствие духа, объективность и умение внутренне понять другого. Управлять этими душевными способностями нелегко, особенно в групповой беседе.

Засыпание и пробуждение в обычном смысле, конечно, в разговоре не происходит. Это два жеста: в засыпании мы находим женский жест, жест симпатии и в пробуждении - мужской жест, жест антипатии. В симпатии наша душа открывается другой душе и пытается принять другое существо в наше сердце. Силы сознания должны быть значительно укреплены, чтобы понимать, что действительно хочет сказать другой человек. В засыпании мы переступаем порог духовного мира и нуждаемся в активной, пробужденной восприимчивости, необходимой также в медитации и во сне, чтобы мы могли сознательно переживать в беседе наш духовный опыт. Жест пробуждения означает, что в высказывании я вступаю в контакт с моим Я в другом, то есть в пространстве, которое он создает для меня. В групповой беседе должно создаваться социальное пространство, которое может возникнуть только тогда, когда мы объединяемся в любви друг с другом.

В прафеномене социальной жизни живет сила любви. Мы всегда жертвуем своим самосознанием, чтобы принять в себя другого человека. Другой человек тогда может становиться источником социальности. Во встрече с существом другого человека мы можем, отдавая ему то, что мы слышали, глубже соединиться с ним. Каждый вопрос, который мы обращаем к другому, может обнаружить нечто от его существа, от его внутренней жизни, и открыть перед ним новые перспективы. Как отмечает Брюльль, мы можем мыслить мысли другого человека и переживать их, как дополнение нашей собственной истины, внося этим социальный элемент в асоциальную духовную жизнь. Осведомленность в потребностях другого может дать мотивацию нашим действиям, привнося социальность в антисоциальную хозяйственную жизнь. Социальный импульс, проводимый таким образом, является глубоко христианским. Люди, участь сознательно практиковать социальный прафеномен путем внутренней моральной подготовки, могут

развить сознание присутствия Христа среди них.

Этот социальный прафеномен имеет фундаментальное значение для: обновления человеческой жизни. Мы едва ли можем себе представить, сколь важным это может быть для людей - поистине встретиться друг друга. Лишь в беседе могут действительно осознаваться социальные идеалы; они могут переживаться и превращаться в импульсы, и в их переживании импульсы могут обращаться в слова и выражаться в идеях. Право возникает в человеческих встречах, поскольку в них высказывается наше правовое чувство. Во встречах мы можем учиться понимать других и создавать их образы. Встреча может быть терапевтической и исцеляющей и может "пробудить" другого с помощью вопросов. Встреча с другим человеком - в то же время: и путь к встрече со Христом. Социальный прафеномен во всех этих аспектах имеет такое же фундаментальное значение для обновления духовной жизни. Об этом речь пойдет далее в третьей главе.

Этот прафеномен социальной жизни сам по себе все же не может активировать социальные силы на общественном уровне. Он нуждается для этого в социальной структуре, которая может быть создана только на основе социального триединства.

6. Социальное триединство

Чтобы понять, что Штейнер имеет в виду под социальным триединством, мы должны избежать односторонности политического подхода. Триединство - это не только обеспечение структуры, создание социальных форм и заключение соглашений, но также необходимый социальный процесс. Правовая жизнь в обществе не может быть ограниченной законами и правилами, упорядочивающими общество. Сюда относится все, касающееся создания: межчеловеческих отношений.

В современном обществе отношение человека к человеку становится все более проблематичным. В межчеловеческой сфере мы хотели бы стоять рядом друг с другом как равные, чтобы при этом не могли бы играть роль наши индивидуальные способности и экономические позиции, чтобы не применялась власть; лишь тогда может возникать действительная правовая жизнь. Что трудно уже в малом, становится еще более трудным на более высоких уровнях социальной: жизни, в частности, где речь идет о взаимоотношениях больших групп людей. Право, которое там устанавливается, все больше диктуется экономическими или идеологическими интересами или властолюбием государственного аппарата. Индивидуальный человек исчезает из сознания тех, кто контролирует социальные процессы и определяет правила человеческого общежития. Индивидуальный человек непрерывно теряет возможность на основе равенства упорядочивать совместно с другими социальную жизнь.

В этой связи может быть понято заявление Штейнера в Дорнахе 31 января 1920 года: "Или большевизм во всем мире, или триединство! Может быть, вам не нравится триединство; тогда вы обречены на старый мировой порядок!" (GA 196). Наше будущее будет большевистским (сегодня мы должны сказать - технократическим), если мы не реализуем социальное триединство. Годом позже, 2 января 1921 года, он сказал: "невозможно построить Среднюю и Восточную Европу на других, чем триединство, основаниях" (GA 338). То, что он сказал после первой мировой войны, не потеряло своей правомерности после дезинтеграции коммунизма и усиления бюрократии в европейском обществе.

Реализацией социального триединства Штейнер хотел создать для человека условия, чтобы жить социально, то есть развивать социальные отношения с другими. Он начал не с идеального человека, но с людей, как они есть, с их асоциальными и антисоциальными склонностями. Триединство является теми рамками, внутри которых человек может развивать свои социальные импульсы. Штейнер указывал на инстинктивное триединство, существующее со времен Средневековья; но с усилением мировой экономики прошло то время, когда социальные структуры могли быть построены на основе инстинктов. Важнейшим устремлением нашего времени должно быть сознательное созидание этих структур. Это живет как цель в нашем подсознании, и каждый имеет социальную задачу - работать в этом на своем месте. Уже в школе мы должны развить ощущение того, как должны действовать силы социального организма. Характер триединства не вечен, каждая

эпоха требует других социальных форм. "Триединство сейчас стало необходимым требованием времени; но все же наступит время, когда триединство придется преодолевать. Но это - не сегодня, это будет триста-четыреста лет спустя", сказал Штейнер 28 сентября 1919 года (GA 192). Штейнер разработал основные схемы триединого социального организма в меморандуме 1917 года (GA 24). Он говорит о демонтаже унитарного государства и о создании трех автономных subsystems: духовной жизни (культура), правовой жизни и хозяйственной жизни. Люди будут ассоциироваться на основе своих собственных интересов в сфере духовной жизни, в корпорациях, способных установить свои собственные суды, школы, церкви и т.п.. Каждый сможет свободно вступать в эти функциональные, профессиональные и национальные корпорации. В правовой сфере представительный орган будет заниматься только чисто политическими, военными и полицейскими делами. В хозяйственной жизни - хозяйственный парламент должен упорядочить экономические дела, опираясь на ассоциации делового сотрудничества, которые здесь возникнут. Государство же - должно ограничиться правовой защитой.

Штейнер разработал эту концепцию еще дальше. Он показал, что духовная жизнь имеет дело с раскрытием способностей индивидуальности; политическая жизнь - с отношением человека к человеку (что должно регулироваться законом); и хозяйственная жизнь - с материальным отношением человека к внешнему миру. Последняя формируется в производстве, обращении и потреблении товаров и может организовываться в ассоциациях, в которых Представители этих трех сфер могут наблюдать хозяйственный процесс и ВНОСИТЬ соответствующие решения о ценах, квотах производства, качестве продукции и т.д. В своей книге "Коренной пункт социального вопроса" (1919) Штейнер, конкретизируя эти идеи для условий юго-западной Германии, делает набросок их возможного применения в текущей ситуации. Он утверждает это, базируясь на антропософии, но при этом подчеркивает, что триединство может иметь самые различные формы и исполнение, исходя из различных взглядов и социальных импульсов.

Базируясь на антропософии, Штейнер указывает, что в духовной жизни человек может реализовать импульс свободы: свободы развивать индивидуальные способности, и свободы другого человека, т.е. его защищенности от наших асоциальных склонностей. В правовой жизни человек может постараться реализовать идею равенства. И в хозяйственной жизни сотрудничество людей может базироваться на братстве, когда наши антисоциальные склонности ограничиваются ассоциациями. Так в социальной жизни находят свое место три идеала Французской революции: свобода, равенство и братство. Рудольф Штейнер попытался вмешаться в современность, предлагая идею социального триединства. Германия была втянута в войну, которая приняла в 1917 году критический поворот и Среднеевропейская культура была ввергнута в социальный хаос. Речь шла о жизни и смерти немецкой нации и о связанных с нею духовных задачах европейской культуры. Германской империи, основанной в 1871 году, не хватало какого-либо духовного идеала и она пала жертвой прусского милитаризма. Катастрофическая война грозила Средней Европе затоплением идеями Запада и капитуляцией перед этими идеями. В этом контексте Штейнер предложил Социальное триединство как социальный импульс, принадлежащий существу Среднеевропейской культурной задачи; с 1917 года этой задаче угрожает также противодействующий импульс большевизма.

Между 1917 и 1922 годами Штейнер, уже в новых ситуациях и возможностях действовать, продолжает указывать на эту социальную миссию Средней Европы. Последнюю он понимает как культурную область, образованную Германской империей и областями принадлежащими Австро-Венгрии, а также областями, испытывающими сильное влияние Германской культуры. К этой области принадлежит не только Германия, но также Австрия и Швейцария, Прибалтийские государства, Польша, Чехия и Словакия, а также Венгрия, Словения и Хорватия. И эта область политически расщеплена и культурно уничтожена двумя мировыми войнами.

Программа американского президента Вудро Вильсона, возникшая в 1917 году, цель которой - новое формирование Средней и Восточной Европы на основе западных идей и интересов, обращает на себя пристальное внимание Рудольфа Штейнера. Ее центральной идеей было право самоопределения наций, конкретнее - идея основания определенными

Среднеевропейскими нациями своего собственного государства. В ситуации, когда представители многих наций живут вместе и не существует четких границ (что имело и имеет место в Средней Европе), это могло привести только к хаосу, поскольку каждое новое государство должно было считаться с проблемой меньшинств.

В меморандуме ведущим политикам Германии и Австро-Венгрии (в GA 24) Штейнер выдвигает идею культурной автономии Среднеевропейских стран, а также идею федеративного союза между частями Австро-Венгрии. Исходным пунктом было не право самоопределения наций, а право самоопределения свободных индивидуумов. Он также призывает Германию к уяснению истинных причин войны с включением вопроса о военных долгах, позднее столь важного, и к сопротивлению попытке Вильсона сделать Среднюю Европу подчиненной англо-саксонскому миропорядку. Через влиятельных антропософов Штейнер мотивировал германскому и австрийскому руководству необходимость провозглашения собственной Среднеевропейской программы мира, то есть: "Вместо программы Вильсона - триединство!" Но многим недоставало необходимого для этого мужества.

В 1918 году Германия проиграла войну, что привело в ноябре 1918 года к объявлению республики. Следуя русскому примеру, рабочие и солдатские советы взяли на некоторое время власть в дюжине городов. Известные антропософы - Эмиль Мольт, Карл Унгер и Ганс Кюн из Штуттгарта ищут пути содействия хозяйственным реформам и Штейнер помогает им основать свободные школы, чтобы отделить духовную жизнь от государства. Этим он надеется духовно пробудить немецкую нацию. 5 марта 1919 года он публикует "Обращение к немецкому народу и культурному миру" (GA 23), в котором призывает к роспуску унитарного государства и к реализации социального триединства. Это обращение вскоре подписали многие выдающиеся представители либеральных кругов; 22 апреля 1919 года они встречаются в Штуттгарте и основывают Союз триединства социального организма (Bund fure Dreigliederung des sozialen Organismus).

Штейнер проводит конференции и пытается пробудить понимание триединства в антропософских кругах. Книга "Коренной пункт социального вопроса", опубликованная в конце апреля 1919 года, порождена этим опытом. В этом месяце в рабочих кругах многих городов возникли беспорядки, в Мюнхене была провозглашена советская республика, везде прошли забастовки. Публикацией своей книги Штейнер ставит вопрос - чего действительно хотят пролетарии и приходит к заключению, что они ищут духовную жизнь, где признается их человеческое достоинство и хозяйственную жизнь, где труд не является товаром. Исходя из этих точек зрения, он систематически развивает свою идею социального триединства, в которой вопрос труда - не только лишь хозяйственный вопрос, но проблема, которая должна решаться в правовой жизни.

Пролетариат, казалось, был открыт идеям триединства, но Штейнер стремился завоевать также и буржуазию. В конце апреля он читает многочисленные лекции для рабочих на больших заводах в Штуттгарте и вокруг него. Эти лекции, в которых выразилась его осведомленность в их проблемах, были хорошо приняты рабочими; более чем 12000 человек, среди которых были также представители либеральных и социал-демократических кругов, подписали резолюцию, в которой правительству Вюртемберга предлагалось ввести триединство по Штейнеру. Это не было его инициативой. Однако социал-демократическое правительство и ведущие промышленники были против социального триединства. Штейнер нашел контакт не с ними, а с лево-социалистическими рабочими комитетами.

В этих кругах радикальная система рабочих советов в политике и экономике шла значительно дальше, чем закон о рабочих советах, подготовленный правительством. Штейнер видел в рабочих советах отправной пункт ассоциативной экономики и стоял за революционно-синдикалистскую стратегию рабочих. Он ратовал за производственные советы, в которые бы избирались также инженеры и менеджеры, и за объединение производственных советов Вюртемберга в хозяйственный парламент. Буржуазная публика, к которой адресовался Штейнер, этому сопротивлялась, не веря, что триединство могло бы быть основанием, на котором буржуазия и пролетариат смогли бы найти общий язык, как утверждал выдающийся социалист Дорфнер. Ни предприниматели не приняли ограничения власти, ни левые партии и союзы не пожелали поддержать систему советов,

которые они не могли бы контролировать. Несколько активных антропософов также присоединились к акции триединства Штейнера; но движение независимых рабочих советов потерпело неудачу (GA 331).

В июне 1919 года Штейнер, попытался инициировать движение советов в культурной жизни как соответствующий противовес советам в жизни хозяйственной и политической. Он призвал к тому, чтобы советы культуры взяли на свое попечение образование, изъяв его из сферы действия государства. Не-антропософы, в частности, Томас и Генрих Манн, также подписали этот призыв, но буржуазия присоединиться к нему не пожелала. Из этой инициативы возникла первая свободная школа - вальдорфская школа в Штуттгарте; она была основана для детей рабочих сигаретной фабрики Вальдорф-Астория, по их просьбе.

Новая инициатива триединства возникла в 1920 году, в виде акционерного общества "Der Kommende Tag" ("Грядущий день"), поставившего цель - создать финансовую основу для антропософской работы и объединить различные антропософские предприятия. Штейнер надеялся, что благодаря этому могла бы возникнуть модель для других предприятий, но скоро обнаружил явную нехватку людей с хозяйственными и социальными способностями. Акционерное общество финансово разрушилось, заложив все же основания для других важных инициатив, например - научного исследования лекарственных средств и их производства.

В 1920 году возникает еще одна возможность распространения идеи социального триединства в Верхней Силезии, где конфликтовали немцы и поляки. Штейнер всегда стремился установить триединство там, где это могло бы помочь в решении социальных вопросов. Он согласился сотрудничать с силезскими членами Антропософского общества, но они оказались неспособными создать прорыв в этом направлении.

Непосредственно после первой мировой войны благоприятные возможности для социальных альтернатив все же существовали и Штейнер с сотрудниками по возможности использовали это положение. В последующие несколько лет социальные фронты затвердели и возможности сделать что-либо для введения триединства на социальном уровне - исчезли. В 1922 году Штейнер констатировал, что время больших дел прошло и что движение триединства потерпело неудачу. Некоторые антропософы заключили, что триединство уже потеряло для антропософии свою актуальность, или даже - что Штейнер заблуждался. Другие представляли триединство конечным пунктом долго подготавливающегося развития, разве что ориентиром на будущее.

Что же такое это триединство, в конце концов? Первую помощь в ответе на этот вопрос могло бы оказать замечание, сделанное Штейнером 2 апреля 1923 года. Он сказал, что разговор о триединстве - испытание человеческой души, чтобы увидеть, достаточно ли уже сильна, хотя бы у немногих людей, михаиллическая мысль (GA 223). Эту мысль Штейнер соединяет с импульсом пронизания человеческой воли духовностью и просветления человеческого мира идей. Эта мысль должна дать социальной жизни новый импульс для преобразования в человеческом развитии сил упадка в силы подъема. Рудольф Штейнер здесь говорит о новом празднике Михаила, необходимом для обновления социальной жизни.

В книге "Коренной пункт социального вопроса" Штейнер указывает, что свое познание социального организма он развил на основе его сравнения с функционированием человеческого организма. После более чем тридцатилетнего исследования он пришел к понятию о трех подсистемах, каждая из которых обладает собственными функциями во всем организме человека. Это - нервно-чувственная система, ритмическая система дыхания и кровообращения и двигательно-метаболическая система. Эти системы пронизывают друг друга. Так, например, и вне системы обмена веществ происходит обмен веществ в двух других подсистемах. Идея триединства социального организма вытекает из этого видения человеческого существа,

Штейнер отмечает, что в современном обществе здоровое соотношение трех социальных подсистем нарушено. Унитарное государство развивалось, разрушая подсистемы социального организма или не образуя их. Так государство контролирует важную часть духовной жизни, в частности - образование. Хозяйственная жизнь внедрилась в правовую жизнь и контролирует там общественное правосудие. Эти нарушения границ прогрессируют, поскольку со времени Штейнера хозяйственная жизнь

активно продвинулась и в духовную жизнь. Образование так приспособляется к требованиям хозяйства, чтобы человеческий дух мог становиться человеческим капиталом. В хозяйстве все становится товаром, говорит Штейнер, даже вещи, которые вообще никогда не должны продаваться - труд, права и сам человеческий дух.

Вопрос труда для него - правовой вопрос, он должен быть решаем в правовой жизни. Капитал должен быть предоставлен учреждениями духовной жизни в распоряжение квалифицированных предпринимателей в форме потребительского права. Сельскохозяйственная земля должна управляться обществом и может предоставляться только во временное пользование. Штейнер атакует основания существующего капиталистического порядка, того порядка, в котором коренится само антропософское движение из-за аристократического и буржуазного происхождения многих его членов.

Триединство общества должно особо сфокусироваться на правовой жизни, поскольку в западном обществе последняя в настоящее время почти полностью подорвана и будет полностью упразднена технократией, если этому не сопротивляться. И очень важно восстановить правовую жизнь внутри полярности духовной и хозяйственной жизни. Триединство должно найти свой исходный пункт в средоточии социальной жизни, т.е. в жизни правовой, откуда только и может быть упорядочено целое. Здесь мы находим ее ядро: социальный организм должен иметь сердце, место, где каждый человек может найти себя в полном и принципиальном равенстве с любым другим, где из правосознания может возникнуть право. Это то, что со времени шестидесятых годов живет на Западе как импульс движения демократизации.

Штейнер не указал конкретно, как мы могли бы организовать эту социальную середину - правовую сферу. На каждом уровне она функционирует иначе. Сегодня у нас есть парламенты, но Штейнер не был большим другом английского парламентаризма. В меморандуме 1917 года он возражал против введения этой системы в Средней Европе, поскольку она стала бы инструментом хозяйственных групповых интересов; он считал, что это предоставило бы Среднюю Европу англо-американскому мировому господству. Для здорового функционирования правосознания необходимы совсем другие учреждения, в которых нашло бы свое выражение правосознание народа. Можно подумать, что здесь пригодны формы прямой демократии, подобные референдумам (как они существуют в Соединенных Штатах и в других странах) и гражданским форумам, которые возникали в 1989 году в Восточной Германии и Чехословакии. Но эти страны демонстрируют, как политические партии использовали гражданские форумы для монополизации общественного мнения в интересах тех или иных групп. Отсюда вытекает отчетливая задача триединства: развивать новые формы правовой жизни.

Триединство не заканчивается на уровне общества (макро-уровень). Три его сферы мы находим также внутри учреждений духовной и хозяйственной жизни (уровень мезо-структуры), разве только не с той же степенью автономии, что на макро-уровне. Каждая школа, наряду с весьма существенным для такого учреждения духовным членом (коллегия учителей), имеет никак не менее важный (но обычно не существующий) хозяйственный член, в котором выдвигается вопрос о потребности ребенка в воспитании, и сферу правовую, которая должна быть сердцем учреждения. В хозяйственном члене школы речь идет о конкретной выработке потребности в определенной педагогике, например вальдорфской педагогике. Если невозможна открытая дискуссия между родителями и учителями о педагогических идеях, вопросах и проблемах, школа приходит в упадок. Это верно также и для других учреждений (антропософской) духовной жизни.

В учреждениях хозяйственной жизни, таких как производственное предприятие - наиболее существенна хозяйственная сфера.

Рудольф Штейнер не говорил непосредственно об организации в этой мезо-сфере учреждений в духе триединства, но он косвенно указывал, что мы могли бы начать с триединства немедленно. Мы полагаем, что работа в небольших триединных учреждениях представляет собой школу социального сознания, необходимого для реализации триединства в больших организациях и в обществе.

Некоторые антропософские круги, а также определенные течения движения за триединство считают, что триединство на мезо-уровне неприменимо. По нашему мнению, это неправильно. На этом уровне также может быть сформирована правовая сфера. Из

трех сфер деятельности учреждения могут возникнуть три различных органа.

Решения должны вырабатываться правовыми органами. Только люди, которые отвечают за последствия своих решений, принадлежат к этому Среднему органу и выносят решения. Практика предоставляет много возможностей формировать правовое сообщество. Если, в частности - школа основывается из духовной жизни, ее центральный орган составляют учителя. Активное участие родителей (совет) необходимо в хозяйственной сфере школы. Школа или лечебный центр могут также основываться и финансироваться родителями или пациентами; тогда последние также принимают решения в Среднем органе, но это не происходит без активного консультативного сотрудничества с учителями или терапевтами в сфере духовной жизни. Или обе группы могут принимать решения совместно. Такое правовое сообщество может быть сформировано только со временем, в зависимости от того, кто инициатор и как развито правосознание участников.

В своей книге "Вальдорфская школа и социальное триединство" Дитер Брюльль начертал, в качестве практического примера, базовую форму триединой школы. В предисловии к ней он упоминает о том, что вальдорфская школа родилась из движения за триединство и что Штейнер считал ее зародышем будущего возрождения движения за социальное триединство.

Однако на практике мы видим, что в большинстве антропософских учреждений правовая жизнь едва развита. Решение принимает группа, представляющая духовную или хозяйственную сторону или даже некая четвертая группа или исполнительный орган. Закон часто требует наличия должностного лица или исполнительного органа, представляющего учреждение во внешнем мире. Хотя это всего лишь должностное лицо или исполнительный орган, он может пытаться навязывать свою власть правовому органу.

Советы рабочих, существующие сегодня на многих предприятиях в Европе, также не представляют функцию правового органа. Это значит, что многие люди, экзистенциально связанные с организацией или учреждением и зависимые от них в своем существовании, фактически не могут принимать участия в определяющих жизнь решениях. Исчезновение правовой сферы мы вместе со Штейнером можем назвать большевизмом: индивидуальный человек внутри учреждения становится объектом амбиций и нетолерантности (в сфере духовной жизни), жадности (в сфере хозяйственной жизни) и жажды власти (в псевдоправовой жизни). С другой стороны можно отметить, что мы еще не научились ни строить истинную правовую жизнь, ни обнаруживать, что с помощью социального триединства мы можем эти негативные качества предотвратить. Ведь мы можем обуздывать эти качества в социальной жизни не тем, что люди воспитаны определенным образом, а средствами самой структуры. Триединство необходимо, пока мы не преодолели изнутри эти асоциальные и антисоциальные качества. Мы сможем реализовать триединство, лишь отказавшись от наших притязаний на власть над другими людьми. Сфера права возникает лишь в той степени, в которой мы отказываемся от власти.

Правовая основа и аутентичность учреждений, основанных на спиритуальности, все больше подрывается современной технократией. Во многих странах такие учреждения впадают в зависимость от субсидий и финансирования государством и от контроля продукции. Государственная бюрократия централизует, устанавливает правила и нормы и усиливает свою власть над обществом. С 1984 года этот процесс идет с ускорением. В области здравоохранения, например - в Нидерландах, государство хочет иметь во всей антропософской области только одного партнера. Эти усилия свести: все учреждения в одну совместную ассоциацию имеют целью лишь одно - втащить антропософскую медицину в технократический порядок. Так же обстоит с инициативами почти во всех областях; это может даже привести к возникновению специальной ассоциации, решающей - какое учреждение может называться "антропософским" и какое не может. Вальдорфские школы в Германии попали под юрисдикцию Союза свободных вальдорфских школ. Только школы, подписывающие соглашение с этим союзом, могут называться вальдорфскими школами и удостаиваются государственных субсидий. Дитер Брюльль приводит этот яркий пример технократии в своей книге "Вальдорфские школы и социальное триединство".

Почему антропософское движение не приняло импульс социального триединства? Наиболее важная причина - в антропософском движении слишком слабое правосознание.

Люди полностью заняты своей работой и предоставляют решения духовным авторитетам или хозяйственникам. Смутное правосознание соединилось с общим буржуазным духом, нейтрализующим все радикальные движения, и это стало нормальным в нашем обществе. Радикальные социальные идеи Штейнера нейтрализовались пассивностью антропософов, которые не хотели подвергать опасности свой духовный комфорт действиями, предпринятыми Штейнером совместно с пролетариями. В буржуазии продолжают жить старые римские правовые представления; насаждаются авторитарные и иерархические структуры, в которых могут править личности из духовной или хозяйственной жизни. Сознание свободы в германском праве, которое играло столь важную роль в Средние века и на переходе к современности (свободные города, борьба за свободу крестьян и бюргеров) - исчезло. Правовая жизнь пребывает в плену у древних структур и должна вновь пробудиться из этого плена.

Как уже отмечалось, правовая жизнь охватывает всю сферу человеческих отношений: это - сфера взаимодействия, чисто человеческая сфера, юридический аспект - лишь часть ее. Наряду с заключением соглашений, установлением правил, законотворчеством, формированием социальных форм и структур, правовая жизнь занимается также общей структурой человеческих взаимодействий.

Именно на мезо-уровне, в организациях и группах, у нас есть все возможности для этого, и нам еще надлежит учиться их реализации. Здесь мы пребываем в сфере действия социального прафеномена. В беседе мы учимся облекать свои идеи в слова и помогать другому понимать нас. Только в беседе идея может стать импульсом, когда другой человек воспринимает и: переживает ее в чередовании потоков высказывания и слушания. Социальное триединство также должно вноситься в беседу, в противном случае оно становится идеологией. Но разговор о нем не легок, многие антропософы сторонятся всяких мыслей о социальном триединстве.

Так европейское антропософское движение на макро-уровне научилось жить с коррумпированным правосознанием вместо того, чтобы пытаться оздоровить общество посредством социального триединства. Представители движения предпочли этому достижение привилегированных позиций путем личных контактов с благонамеренными чиновниками. Вместо борьбы за свободу преподавания для всех течений, вальдорфское движение поспешило приобрести в некоторых европейских странах особые привилегии. Благонамеренные служащие движения повсеместно заменены функционерами, которые уже не допускают никаких отклонений и стремятся добиться единообразия, по крайней мере во всей западной Европе или во всех государствах, принадлежащих к Европейскому союзу. Тем не менее, сегодня существует также активный "Европейский форум за свободу преподавания", где антропософы играют ведущую роль.

Аналогичный процесс инкапсуляции происходил не только в сфере преподавания, но также в лечебной педагогике, медицине, земледелии и так далее. Любые новшества в этих областях, осуществляемые антропософией или другими духовными движениями, в новой социальной действительности подвергнутся риску уничтожения, если мы не решимся оставить государственную почву и строить организации и сообщества нашими собственными силами. Это представляется платой за то, что в шестидесятые годы мы пренебрегали борьбой за право дохода, за школьный купон и дополнение к детскому пособию (чтобы иметь возможность финансировать избранную школу), за деньги на образование для студентов (чтобы финансировать собственное образование), за свободу терапии, страхования и так далее. Все это - вопросы правовой сферы и конкретные приложения идеи социального триединства. Вопросы образования и здравоохранения должны решать свободные и зрелые люди, а не чиновники.

Причиной едва развитого правосознания в антропософском движении является весьма слабое понимание социального импульса. Для Штейнера импульс триединства был действительностью. В его сознательных импульсах жили первообразные, архетипические мысли социальной жизни, тогда как в инстинктивных импульсах его современников они жили более или менее бессознательно. Активируя в обществе импульс триединства, Штейнер хотел раскрыть перед современниками возможность: в духовной жизни - мыслить мысли другого человека; в практике правовой жизни - переживать равенство с другим человеком; в хозяйственной жизни - работать, исходя из потребностей другого человека.

Это, как замечает Брюльль - три аспекта социального импульса антропософии, непосредственно связанного с деятельностью Христа внутри нас. Таким образом работа социального триединства - это путь к гуманизации социальной жизни, путь к освобождению человека и к улучшению социального благосостояния.

Благодаря социальному триединству другой человек, который в современном обществе все больше исчезает из нашего поля зрения, ибо он превращается в объект, снова нами осознается на макро- и мезо-уровне. На микро-уровне - он снова появляется в нашем поле зрения как живая реальность, и, чтобы принять его в себя, мы должны быть готовы в беседе с ним внутренне освободить для него пространство в своей душе. Наше сознание должно принести жертву, и это нам не очень нравится. Ведь это совсем не подходит к пути, на котором антропософия понимается лишь как средство для развития сознания. Тогда действительно лишь духовное, а социальное не имеет никакого значения. Чтобы преодолеть эту внутреннюю установку, хорошо бы, как в зеркало, взглянуть на Рудольфа Штейнера.

7. Штейнер как социальный человек

Неудача дела социального триединства была для Штейнера лично большим разочарованием. Его неустанное обращение к этому предмету демонстрирует его готовность действовать в духе времени, сколь неопределенным бы ни был ход событий. Позднее он был вынужден сказать о социальном триединстве: "Я знал, что люди были еще незрелы для этого, но надо было предпринять эту попытку, ибо я все же мог в этом ошибиться."

Эта забота о требованиях времени и беспокойство о нуждах людей, приходящих к нему, даже когда он знал, что они его разочаруют, отличают Рудольфа Штейнера. Многие из его учеников описывали это его социальное отношение в своих воспоминаниях; наиболее впечатляюще из них - воспоминания Андрея Белого, который был близко знаком с ним в течение четырех лет; Белый называет его "важнейшей неожиданной радостью" своей жизни. Но и он описал лишь некоторые аспекты существа Рудольфа Штейнера, как человека. Когда мы достаточно глубоко вникаем в описания Штейнера, перед нами встает образ совершенно свободного, безусловно небуржуазного человека с хорошо проинтегрированными мужским и женским аспектами души, который, в сотрудничестве с женщинами - Марией фон Сиверс, Итой Вегман и Эдит Марион - достиг большого творческого совершенства.

Штейнер был чрезвычайно скромным человеком; свое мнение о других он хранил при себе и никогда никому его не навязывал. Он никогда не судил людей, но лишь, когда это необходимо, оценивал их действия или отношения. О нем писали как об общительном и веселом человеке, радовавшемся обществу других. Белый указывает на его неограниченную любовь, сострадание и терпение, которое он проявлял к другим. Мало кому известно о его привязанности к родителям, о его заботе о брате и сестре. В себе Штейнер видел учителя свободы. Он оставлял людей свободными, когда они должны были принимать решение, себе он позволял лишь советовать. Он никогда не мешал свободе других, даже когда дело касалось важных вещей. Он скрывал свои личные намерения и интересы, свои симпатии и антипатии, чтобы подвести других к переживанию свободы и к реализации их духовных возможностей. В одном из своих писем он писал, что хотел бы привести своих учеников на путь развития. В первой главе "Как достигнуть познания высших миров?" Штейнер писал: "учитель духовной жизни ни коим образом не применяет власть над другими людьми. Он не желает какого-либо ограничения независимости." В прологе к "Акаша-хронике" (GA 11) Штейнер отвергает любые претензии на непогрешимость. Посвященный также может ошибаться, обычно он не может воспринять или описать все аспекты проблемы. Снова и снова он обращается к нашему "здоровому смыслу" и естественному чувству истины. Мы не должны принимать что-нибудь из его авторитета, но должны учиться быть верными своей собственной мудрости. Мы можем у него поучиться тому, что только наш собственный опыт может быть авторитетом в духовных вопросах.

Штейнер непрерывно стремился быть полезным другим. Он радовался, когда люди

приходили к нему с вопросами и оставлял все дела, чтобы им помочь. Белый сообщает, что благодаря помощи Штейнера он "обрел крылья". Фридрих Риттельмайер пишет, что Штейнер, прощаясь с ним, поблагодарил его за предоставленную возможность помочь ему. На лекциях Штейнера многие обращали внимание на то, как он воспринимал их жизненную ситуацию и давал им ответы, в которых они нуждались.

Это в концентрированной форме происходило и в его личных беседах. Штейнер, внутренне освобождаясь для другого человека, "засыпал вовнутрь его", и другой чувствовал себя полностью понятым и принятым Штейнером.

Шотландский антропософ Даниэль Николь Дэнлоп в 1935 году вспоминает, что Рудольф Штейнер, казалось, возвышался над всей своей природой, чтобы понять другого человека; он находил у других людей возможности, а не неудачи, и таким образом пробуждал в них высшее. Согласно Дэнлопу, Штейнер так встречал людей, что узнавшие его могли становиться людьми в полном смысле слова. Многие, внутренне пробужденные Штейнером, писали, что они в беседе с ним вновь обретали связь с самим собой и вдруг ясно усматривали, что они должны делать со своей жизнью. Белый пишет, как в первой встрече со Штейнером ему открылась скрытая подпочва его воли. Перед ним встал образлика его души; явление Штейнера был зеркалом его собственного высшего Я. Эти переживания говорят о том, что встречи между людьми могут открыть неизвестные доселе измерения. Многие имели этот опыт благодаря Штейнеру; но подобный опыт возможен также и в любой встрече. Намерение этого краткого "славословия" - вовсе не в том, чтобы описать Штейнера как человека необычайного; это - лишь пример для каждого желающего развивать свой социальный импульс. Человечность Штейнера лишней раз подтверждает достоверность его социального импульса и побуждает нас на нашем пути внутреннего развития вырабатывать такое отношение к другим людям, как это делал он.

Социальный импульс побуждает меня внутренне освободить пространство для других людей, чтобы они могли выразить свои потребности и я мог бы свободно и сознательно относиться к их нуждам, исходя из моих собственных возможностей. Это требует определенного развития души, но Штейнер показал также, как антропософия могла бы создать в социальной жизни пространство, в котором _ люди могли бы проявить свои человеческие потребности. Так образ другого человека может снова появиться в нашем социальном сознании. Этого стремится достичь в обществе антропософский социальный импульс.

Значение образа другого человека будет рассмотрено в следующей главе.

Дитер Брюль в своей книге описывает социальный импульс как импульс-Христа нашего времени. Социальный импульс живет также и вне антропософии, зажигаясь непосредственно во встречах между людьми, поскольку Христос может быть среди них. Ни одна из антропософских инициатив не сможет выжить без социального импульса, поскольку он - сердце антропософии. То же верно и вообще для всех инициатив, имеющих спиритуальную основу. И вообще, без социального импульса социальная жизнь будет становиться все более бесчеловечной.

В социальном импульсе антропософия обрела путь развития для сил нашего сердца. Мы знаем антропософию как путь развития сознания, в котором мышление и воля взаимно пронизывают Друг друга. В социальном импульсе мы должны жертвовать своим самосознанием снова и снова, чтобы допустить другого человека в себя. Это происходит во внутреннем нашего существа, в нашем сердце, а собственный путь развития нашего сердца - не мужской, не путь познания, но - женский: путь сочувствия, эмпатии и социального чувства, всегда ориентированного на другого человека, достигающего в нем чрезвычайной чистоты. Интерес к другому и сострадание к нему углубляется затем до силы любви.

Этот социальный путь приводит нас к будущей культуре братства, в которой человек, как писал Штейнер, допускает другого человека в свое собственное существо. Здесь мы видим некое будущее социально фокусирующееся манихейское христианство (основанное в 3-м столетии иранским пророком Мани), занимавшееся оказанием необходимой помощи другим людям. Мы видели, как основной социологический закон может привести к сообществам, которые помогают отдельной индивидуальности на ее пути, в то время, как основной социальный закон может нас продвинуть настолько, что мы будем

рассматривать нашу работу как жертву, которую мы предлагаем другому. Импульс создания социальных форм будущего соединяется с манихейством, где может иметь место истинная христианская жизнь, (доклад от 11 ноября 1904 года (GA 93)). Выражением этого является социальное триединство.

Чтобы развивать социальный импульс, необходимо внутренне работать. Мы не можем быть социальными из нашего эго, но - только из нашего высшего Я. Пока мы еще не социальны, мы можем, следуя идее социального триединства, создавать для социального поведения условия, в которых наши асоциальные и антисоциальные порывы не смогут быть пагубными. Но это еще не делает нас социальными существами. Социальные формы, несомненно, могут помочь стать социальными. В конце концов, прийти к самосознанию и пробудиться духовно, это - социальный процесс, в котором мы можем взаимно поддерживать друг друга и для которого мы должны создавать определенные социальные формы. Это - основа новых мистерий, нового пути к соединению с духовным миром.

III. ОТ ДРЕВНИХ МИСТЕРИЙ - К НОВЫМ

1. Революция в духовной жизни

После подготовки, длившейся 21 год, Рудольф Штейнер решает инициировать революцию в духовной жизни. Это произошло на Рождественском собрании 1923 года. В собрании участвовало около 800 из 12000 антропософов. В ретроспективе представляется, что лишь немногие из них понимали значение духовного обновления, осуществляемого в то время Штейнером. В течение девяти месяцев после собрания он работал *п* совершенно новой антропософии, но Антропософское общество в течение этого времени этого импульса обновления не приняло. И сегодня многое из старой духовной жизни все еще живет и действует в тех социальных формах, в которых развивается антропософия. То, что начал Штейнер, все еще ожидает своего завершения.

Когда в 1902 году Штейнер стал Генеральным секретарем Немецкой секции Теософского общества, он в своей первой лекции повел речь о практических упражнениях в карме. Карма не дитя случая, кое-что мы создаем сами. Это - наша жизненная судьба, которая формируется, осуществляется и может перестраиваться в конкретных взаимоотношениях с другими людьми, Штейнер хотел, обсуждая карму исторических личностей, помочь своим слушателям просматривать свою собственную судьбу. Теософами это основное намерение было отвергнуто и он должен был ждать годы, пока для этого не созреет время; это наступило лишь в 1924 году. Свободное понимание и упорядочение кармы (позитивной и негативной), которую мы разделяем с другими, создает возможность совместной работы в новой культуре.

Штейнер рассчитывал собрать группу людей и сопровождать их в их развитии, чтобы они могли совместно заложить фундамент новой духовной культуры. Он связывал это с инспирациями, исходящими от духа времени -Михаила. Штейнер указывал, что, согласно духовной традиции, архангел Михаил является духом времени в течение 354 лет, начиная с 1879 года.

Михаил помогает нам преобразовать наше мышление в инструмент, с помощью которого мы можем вступить из мира чувств в мир духа. Он рассчитывает на нашу смелость и энтузиазм в борьбе с материализмом, рассчитывает на людей, которые действуют из внутренней моральности и возжигают в себе внутреннее солнце импульса Христа. Инспирации Михаила усилились, поскольку эра пяти тысяч лет духовной тьмы (так называемая Кали-юга) в 1899 году истекла и духовный свет может снова струиться на землю. Это приблизительно совпадает с началом развития антропософии.

Пока Штейнер выступал как учитель в Теософском обществе, он должен был скрывать свои намерения. Он вращался в кругу представителей аристократии и высшей буржуазии, которые в современном обществе вовсе не чувствовали себя как дома. Каждый из них искал свой собственный духовный опыт и Штейнер, как учитель, помогал им личными указаниями и большой преданностью. Лишь немногие из них испытывали потребность в том, чтобы соединить свое духовное развитие с повседневной жизнью и тем самым

сделать ее плодотворной. С Рождественского собрания 1923 года все должно было стать иным. Люди, пользуясь плодами своего духовного развития и в сотрудничестве друг с другом, должны были строить новую культуру. Вот почему Рождественское собрание является началом новой мистериальной культуры, новой духовно инспирированной культуры.

Перед эпохой Кали-юги храмы мистерий были истинными центрами культуры, где люди проходили внутренний путь, ведущий к посвящению (раскрытию соответствующих органов восприятия). Религия, искусство и наука - формировали целое и культивировались жрецами, которые, будучи посвященными, имели связь с миром божественных сил. С началом Кали-юги (3101 до Р.Х.) эти связи были постепенно утрачены, вплоть до их полного и повсеместного исчезновения в последнее столетие перед Рождеством Христовым. С этого времени религия, искусство и наука идут все более расходящимися путями. В эпоху Михаила мы снова можем их объединить в новой духовной культуре, в которой люди еще раз смогут найти врата в духовный мир, но теперь уже на основе сознательного отношения к духовному миру. Это возможно в новых мистериях, где принцип посвящения снова станет активной силой во всех областях человеческой жизни.

В противоположность древним мистериям, в которых каждый шел индивидуальным путем, новые мистерии происходят в социальной жизни. Они вносят в духовную жизнь социальный принцип. С другой стороны, социальный импульс антропософии вносит в социальную жизнь духовные принципы. Штейнер основал новые мистерии, но не смог довести их до завершения. Мы убеждены, что социальный импульс является основой новых мистерий и его элементы, обсуждавшиеся в предшествующей главе, имеют значение также и для духовной жизни.

Когда Штейнер, формулируя в 1898 году свой основной социологический закон, говорит об освобождении индивидуума от интересов ассоциаций, он указывает на поворот в мировой истории, который был достигнут, когда Христос преодолел смерть. С этого момента в человечестве становится активной новая сила, впервые пережитая в духовном возрождении первого празднования Пятидесятницы, когда высшее Я человека активировалось в сообществе с другими. Человек, который переживает рождение в себе своего высшего Я, дающего направление его жизни - больше не нуждается во внешнем авторитете. Дух действует в нем изнутри. И это означает также, что должна прекратиться любая духовная опека.

В древних мистериях наше высшее Я еще не было активным. Люди были под властью авторитета учителя (или, в индийской традиции - гуру) и полностью им направляемыми. Собственное высшее Я в собственное сознание не вносилось, но передавалось учителю. Высшее Я учителя проявлялось в ученике, который затем пытался действовать из намерений своего учителя. В азиатских школах внутреннего развития это еще обязательно, но у современного человека это может лишь привести к прерыванию его собственной биографии. На Средневековом христианском пути развития учитель играл другую роль. Он был посредником, ведущим ученика ко Христу. Со времени позднего Средневековья учитель розенкрейцерского пути все больше становился другом, чей авторитет основывался на внутреннем согласии. Штейнер продолжает эту линию, указывая на отношение доверия между учителем и учеником и на нашу способность суждения в практике духовных упражнений. Действительный учитель живет в нашем сердце, и это - Сам Христос.

Следующий шаг Штейнер делает семь лет спустя, когда он формулирует основной социальный закон - разделения труда и дохода. Он считал, что если этот закон не будет применен, то в мире никогда не сможет развиваться истинное убеждение в перевоплощении и карме. Важно отметить, что в статьях, где он впервые формулирует этот закон, Штейнер указывает на практическое значение духовной науки для социальной жизни. Всеобщее братство, о котором говорит теософия, должно реализоваться в конкретной социальной жизни; однако немецкие теософы не захотели идти этим путем. Многие желали только культивировать собственные духовные потребности и переживать нечто из "высшей" жизни. Штейнер позднее сетовал на зачастую имеющее место у теософов незнание мира. Он хотел пробудить у них сознание великой культурной миссии духовной науки в мире.

Древние мистерии происходили в уединении храмов. Новые мистерии больше не

связываются с определенным местом или временем медитации. Они разыгрываются во всей жизни, в "социальных храмах", где духовное может быть сделано практически везде и в любой момент дня. Прежде у нас не было вопросов о судьбе или о кармических связях с другими людьми. Теперь, если мы хотим объединиться с другими в духовной жизни и сообществах, чтобы достичь духовных познаний и развить инициативы, мы должны ставить вопрос о карме. Поэтому необходимы кармические упражнения.

Третьим элементом социального импульса является социальный прафеномен. Он имеет близкое отношение к вышесказанному. Во встречах мы учимся понимать друг друга и вместе с тем - учимся лучше понимать самих себя через другого. Когда, внимательно слушая другого, мы "засыпаем" в нем, чтобы принять его в себя - он может "пробудиться" в нас. То, что он потом в нас высказывает, мы можем принять в нашу душу, и возратить ему это назад - уже из нашего внутреннего переживания. И тот, кто таким образом получил обратно нечто от самого себя, но уже прошедшее через сопереживание другого - чувствует себя признанным и укрепленным. При этом иногда он получает совершенно новое видение самого себя и совершенно новую перспективу. Во встречах с другими наше высшее Я может пробудиться совершенно новым образом. При этом возникают новые связи между людьми и новые формы сообществ, принадлежащие уже новым мистериям.

В древних мистериях люди не искали встреч друг с другом. Во встречах мы должны явить друг другу нашу человеческую сторону, открыть нашу душу. Мы не можем по-настоящему встретиться с теми, кто занимается только своим собственным развитием. Для теософов личное было лишь иллюзией (майя) и несущественным, учитывалась только "духовная" жизнь. В древних мистериях другого человека по существу не понимали, и даже у теософов это еще часто имеет место из-за иерархически напечатленных форм общения (из-за их формального и иерархического поведения). Они хотели реализовать самих себя и в другом человеке не нуждались. Это приводит к эгоизму, который снова придется преодолевать на пути внутреннего развития. В духовном опыте, в духовном переживании можно встретить световой облик, который представляет нас в нашей совершенной сущности. В духовной науке этот облик именуется большим стражем порога. Если мы хотим с ним соединиться, нам сообщается, что это возможно лишь тогда, когда мы помогаем нашим человеческим братьям и сестрам на их пути развития. И это исходный пункт новых мистерий: мы уже занимаемся не только исключительно нашим собственным развитием, но мы как бы посвящаем друг друга в новых социальных формах, мы помогаем друг другу воспринимать духовный мир во встречах и в практической работе в группах.

В отношении импульса социального триединства Штейнер разъясняет, что социальная жизнь только тогда становится человеческой, когда мы создаем социальные формы, новые сообщества, где каждый человек может развиваться своим собственным путем. В духовной жизни этот формообразующий принцип означает, что мы должны сознательно развивать социальные формы, в которых действительно могут жить новые мистерии: формы, где люди могут встречаться и пробуждаться, формы групповой работы и построения новой культуры. Эта работа началась с Рождественского собрания 1923 года и продолжается с тех пор в небольших кружках. Это - новые социальные формы, которые должны нам помочь поддерживать наши душевные силы в то время, как мышление, чувство и воля - все более основательно разделяются. Это одна из причин, почему столь необходим триединный социальный организм. Мы тогда можем в трех составляющих социальности сознательно переживать три различных душевных качества и интегрировать их силами нашего Я.

Исследуя таким образом значение социального импульса для духовной жизни, мы уясним некоторые основные аспекты новых мистерий. Это социальные мистерии, которые исходят из человеческой свободы и пробуждения сознания высшего Я; они происходят там, где люди стремятся помочь друг другу осуществить свои духовные импульсы в совместных инициативах. Эти мистерии происходят открыто и каждый может принять в них участие по своей собственной инициативе, тогда как древние мистерии были доступны только избранным. Современный человек должен сознательно объединиться с другими людьми и задавать им вопросы, исполненные глубокого интереса к людям, как это делал Парсифаль во время поисков Грааля. Тогда между людьми может открываться духовный мир.

В новых мистериях антропософия больше не является мировоззрением с собственными догмами, которое можно было бы культивировать в форме секты со своим собственным языком и субкультурой, но - живое познание духовного мира в нашей собственной душе. Как высшее духовное сознание, антропософия хочет рождаться в душе индивидуального человека. Этот процесс требует глубокого внутреннего преобразования.

2. Путь к новым мистериям

Со времени мистерии Голгофы в мире действует сила, которая обновляет все древнее в нашей душе: "Се, творю все новое" - говорит Христос в Откровении Иоанна. Этим импульсом мы можем из нашего Я, в котором живет Христос, обновить все то, что в нас устарело. Прежде это была большей частью индивидуальная работа. Теперь это все в большей степени может приноситься также и другими. Сама Земля благодаря импульсу Христа находится в процессе преобразования - из космоса мудрости в космос любви, как сообщает Штейнер. Космическая мудрость живет в древних мистериях; в новых мистериях должна становиться все более действенной сила любви.

В греческой культуре мудрость мистерий вступила в философию, буквально - в "любовь к (утраченной) мудрости". 20-е столетие начинается с перехода от философии к антропософии, в которой мудрость мистерий снова становится доступной. Штейнер говорит о существовании Софии (мудрости), которая с исчезновением древних мистерий смолкла и скрыта завесой. Лишь в конце 19-го столетия она снова пробуждается архангелом Михаилом и возрождается из существа человека как антропософия (человеческая мудрость). Штейнер понимал термин "антропософия" как осознание истинной человечности. Это - возрождение силы Христа в душе человека. Благодаря этой силе мы можем из переживания нашей свободной индивидуальности прийти к деянию из любви; это сила, которая делает нас свободными человеческими существами.

Теософское общество представляло течение старой мистериальной мудрости, поддерживающейся, в частности, азиатскими источниками. Благодаря вопросам Марии фон Сивере Штейнер смог внести импульс Христа в Теософское общество и работать над трансформированием этого древнего течения мудрости в течение любви. Так возможно, по выражению Штейнера, переживать любовь как плод возрожденной в Я мудрости; только в индивидуальной человеческой душе мудрость может преобразоваться в любовь.

После окончательного разрыва с Теософским обществом в 1913 году Штейнер смог далее подготавливать новое течение внутри нового Антропософского общества. Новые мистерии могли начаться только после вопроса голландки Иты Вегман. Вегман, врач по профессии, была связана со Штейнером уже с начала его теософского периода.

Вопрос об обновлении мистерий был поставлен в критический момент. В 1922 году Штейнер переживает интенсивную атаку на антропософию со стороны внешнего мира. В Мюнхене он чуть не становится жертвой покушения. Внутри Антропософского общества также назревают конфликты. С конца первой мировой войны весьма возрос приток новых членов. В Штуттгарте возник бюрократический аппарат, который начал довольно самовластным образом управлять делами общества. Инициативы начали отделяться от своей "матери" - Антропософского общества. Но наиболее беспокоящими были внутренние конфликты. С одной стороны, еще с теософских времен, стояли более старые члены, которые мало интересовались внешним миром и в которых жило скорее сектантское настроение. С другой стороны стояли молодые люди, которые хотели непосредственно практически применять антропософию в жизни. Их духовная глубина была все еще недостаточна и они зачастую вносили научное мышление в антропософию, вместо того, чтобы из антропософии обновлять науку.

Деревянный Гётеанум, живой центр антропософского движения в Дорнахе, был сожжен в новогоднюю ночь 1922/23 года, как раз в разгаре этого кризиса; он пал жертвой поджога, осуществленного врагами антропософии. Согласно Штейнеру, это стало возможно потому, что члены Общества не были достаточно пробужденными и Общество стало внутренне опустошенным. В эту огненную ночь в жизни Иты Вегман произошел поворот, впечатляюще описанный в ее биографии Эммануилом Зейльмансом ван Эммиховеном. Ита Вегман привыкла все осуществлять своими собственными силами и на протяжении

многих лет получала в этом помощь Рудольфа Штейнера. Во время пожара она вдруг поняла, что он - совершенно одинок, и нет никого, заинтересованного его жизненными целями. С этого момента она решила безоговорочно посвятить себя его делу.

В конце августа 1923 года Штейнер читает цикл лекций в Уэльсе. Здесь Ита Вегман ставит перед ним вопрос о духовной медицине, какой она была во время древних мистерий. В храмах мистерий посвященные обладали большими медицинскими познаниями и Вегман задала вопрос, не сможет ли антропософия открыть эту мистериальную мудрость современному человеку с его научным сознанием. Штейнер ответил, что мистериальная медицина должна снова возвратиться в жизнь. В интенсивном сотрудничестве они заложили основание антропософской медицины.

В этом же году Штейнер пытается разрешить кризис внутри общества. В начале 1923 года он говорит о "внутренней оппозиции" его целям. В конце февраля он решает - для молодых антропософов и для тех, кто не чувствовал себя в иерархическом обществе как дома - образовать, наряду со старым обществом, новое, Свободное антропософское общество, которое существовало до 1931 года. В различных странах основывались национальные общества и Штейнер ожидал от них пожеланий и предложений в отношении грядущего Рождественского собрания. Он даже размышляет над уходом из общества, чтобы сформировать род ордена с 48 учениками. Наконец, он решает стать председателем нового Всеобщего антропософского общества, основанного на Рождественском собрании 1923 года.

Рождественское собрание послужило началом исполнения миссии Рудольфа Штейнера, а именно - основания новой мистериальной культуры, принесенной сообществом людей, активно участвующих в практической области и принявших антропософию в свою душу. Новое общество должно было стать социальным организмом, где новое, сознательное отношение к духовному миру могло бы развиваться в новых мистериях. Внутри этого Общества Штейнер учредил Свободную высшую школу духовной пауки. Она была разделена на секции и должна была работать в трех классах, где под его управлением должны были развиваться новые мистерии. Каждый, желающий представлять антропософию в мире, мог просить допуска в эту школу.

Само Рождественское собрание было мистериальным актом, участники которого поставили цели Общества и приняли его статуты. Первая статья статутов гласит, что речь идет об ассоциации людей, "которые хотят культивировать душевную жизнь в индивидуальном человеке и человеческом обществе на основе действительного познания духовного мира". Участники этого собрания должны были сознательно заложить фундамент этого нового Антропософского общества в своих сердцах, чтобы найти в себе самих силы, в сотрудничестве друг с другом связать практическую работу в мире с глубочайшей спиритуальностью. Штейнер принял из духовного мира Медитацию камня основы, чтобы заложить краеугольный камень духовной работы в почву (эфирного) сердца. Он назвал эту медитацию, доступную всему человечеству, современной версией древнего афоризма - познай самого себя. Медитация призывает современную душу познать самое себя и преобразовать себя в Чашу Грааля, чтобы в ней мог родиться высший человек, активизируя новые жизненные силы.

Нисхождение духа в человеческое сообщество нам известно как праздник Пятидесятницы. Рождественское собрание 1923 года можно переживать как основание нового сообщества, которое получает новое, сознательное соединение с духовным миром во имя нового пробуждения человечества. София (небесная мудрость) - хочет рождаться в людях как Антропо-София, чтобы позволить духу действовать в культуре. Этот мотив звучит на протяжении всего Рождественского собрания. Штейнер призывает нас пронизать наше сердце Антропо-Софией, чтобы смочь внести в мир новый дух (GA 260).

Антропософия, которая таким образом, в духе Пятидесятницы, вносится в мир, может быть только антропософией сердца. Это - новая антропософия, после Рождественского собрания она должна говорить на мировом языке и быть внутренне переживаемой людьми. Здесь непригодны ни теософская мистика, ни интеллектуальная антропософия молодых ученых, ибо они не могут помочь людям пробудиться. К этому может привести только живущее в сердце духовное сознание. Мысли должны получить путь к сердцу, так, чтобы наше сердце начало мыслить. Если мы хотим преодолеть материализм и пробудить

внутреннюю жизнь в людях, мы должны в эту эпоху Михаила взять на себя задачу - развивать интеллект сердца, внутреннюю силу Софии.

Но после Рождественского собрания 1923 года такая антропософия не возникла. Из-за проблем, которые будут описаны далее, она осталась лишь начальной попыткой. После смерти Штейнера в 1925 году в окружении Марии Штейнер фон Сивере жило убеждение, что попытка основать на Рождественском собрании новую мистериальную культуру потерпела неудачу. Этот круг ограничился охраной данных Штейнером зародышей новой культуры. Другой круг, который в течение лет все увеличивался, считал Рождественское собрание и Камень основы неразрушимым источником инспираций, из которого можно постоянно черпать. Это всегда было убеждением Иты Вегман. Эти две различных оценки говорят о внутренней конституции людей на их путях от древних мистерий к новым. Этот переход для одних значительно легче и быстрее, чем для других. Кроме того, для многих этот путь еще достаточно темен. Это особенно характерно проявляется в отношении тем: пробуждение в другом человеке и социальная структура Антропософского общества. Оба вопроса существенны для поиска пути к новым мистериям, и оба они тесно сплетены с социальным антропософским импульсом.

3. Пробуждение в общении с другим человеком

Процесс пробуждения начинается в Ите Вегман, когда она и Рудольф Штейнер, глубоко потрясенные, наблюдают после полуночи 1 января 1923 года пожар первого Гётеаума. Этот процесс содержит в зародыше тему данного раздела. Перед Итой Вегман встает образ Штейнера как человека; она видит, как он один стоит со своей задачей, как все посещают его, казалось бы - для помощи, но никто ему не помогает. Из сострадания и пробудившегося в ней социального импульса она решает полностью посвятить себя Штейнеру и его намерениям. Здесь и в последующих встречах, в ней возникает картина предшествующих жизней, в которых Штейнер также был ее учителем. Штейнер объясняет это просветлением ее кармы, как пишет Зейльманс в своей биографии Иты Вегман. В их беседах ее дух все более пробуждается, и благодаря этому становится возможной их совместная работа в медицине.

Благодаря ее вопросу об обновлении мистерий Штейнер мог сообщить ей, как он хотел бы построить новое общество под своим руководством. Когда он в ноябре 1923 года все еще пребывал в сомнениях относительно этого, она сказала ему, что он не может оставить общество на произвол судьбы. Биограф Иты Вегман сообщает: Штейнер встал, подошел к ней, взял ее за руки и тепло сказал: "да, если вы поможете мне - я отважусь на это." Здесь мы видим, что современный посвященный не может выполнить своей задачи без сотрудничества с другим, который его понимает и ставит ему соответствующий вопрос.

Благодаря этой глубокой встрече и дальнейшему последовательному сотрудничеству для Штейнера возникают новые возможности духовного исследования. Он указывает на это в цикле "Сознание посвященного" 1924 года (GA 243). Последние лекции этого цикла описывают новый путь к исследованию внешнего мира, который люди проходят совместно, в кармическом сообществе с кем-либо. Согласно Штейнеру, у древних посвященных этот путь встречал серьезное сопротивление, так как он был основан на чистом, объективном мышлении современного естествознания. Это - путь исследования для тех, кто из совместного импульса хочет достичь познаний в области природных явлений. Сотрудничество между Штейнером и Вегман показывает, сколь необходим при этом процесс, обнаруживающий и проясняющий кармическую связь. Показательно, как Штейнер и Вегман, как равноценные партнеры, разработали на этом пути начала новой, мистериальной медицины. В своей работе Бернард Ливехуд называет этот путь "путем Сатурна", а древний путь индивидуальной работы - "путем Луны".

Постепенно, шаг за шагом, Штейнер готовил путь к новым мистериям, вовлекая членов Общества в процесс построения духовной общности. Было нелегко объединить вместе людей, идущих своим индивидуальным духовным путем, чтобы подготовить будущую культуру братства. Абстрактная идея братства должна была стать конкретной. 23 ноября 1905 года, когда Штейнер формулировал основной социальный закон, он говорил о совершенно новых возможностях, которые возникают из такого социального устройства,

когда отдельный человек бескорыстно живет в других и творит свою силу. Не только из самого себя, но и благодаря другому. Тогда в эти ассоциации могут низойти высшие духовные существа, чтобы действовать через отдельных людей (GA 54). Здесь проявляется основной принцип новых мистерий: самосознающие личности приглашают духовных существ им помогать и инспирировать их к созиданию новой культуры, в то время, как в древних мистериях люди становились слугами этих высших существ.

Около 1912 года Штейнер часто говорит о сочувствии как о силе, объединяющей людей, и средстве сопереживания внутреннего существа другого человека. Мы можем оживить в нас то, что живет в другом. Другой человек хочет быть понят и на этом мы можем развивать чувство братства. В этой связи Штейнер дает следующую современную версию слов Христа: "Что вы поняли о малейшем из братьев моих, то вы поняли обо мне." Все это обретает широкую перспективу в лекции "О любви и ее значении в мире" от 17 декабря 1912 года. В ней Штейнер говорит о сущности импульса любви как о солнечной силе в человеческом мире и об опасности духовной науки, если в ней не может действовать творческая сила любви (GA 143),

Некоторое время спустя, когда идея социального триединства уже сформировалась, Штейнер еще более конкретно подходит к развитию новых душевных качеств, необходимых в социальной жизни. Современный человек, говорит он, становится чрезвычайно одиноким и контакт между людьми становится все более трудным. Поэтому мы должны сознательно работать над межчеловеческими отношениями, чтобы учиться лучше понимать друг друга и развивать друг к другу интерес. Должны быть созданы сообщества, где люди могли бы братски жить и сотрудничать друг с другом, подготавливая новую культуру.

Осенью 1918 года Штейнер несколько раз говорит о том, что мы можем конкретно переживать во встречах. 9 октября 1918 года он указывает на возможность воспринимать образ божества, скрытый в каждом человеке. Когда у нас есть более глубокий интерес к другому человеку, в нас вливается определенная тайна - кто есть другой человек. Встречи тогда приобретают характер таинства. Импульс к этому исходит из сферы ангелов (GA 182).

7 декабря 1918 года Штейнер отмечает, что в нашем общении с другим человеком формируется новое социальное качество, когда мы учимся позволять возникать в нас образ, имажинации другого человека. Это не должен быть образ, окрашенный симпатией или антипатией, но сияющий и очищенный образ, выражающий то, что живет в этом человеке. Мы можем приобрести способность формирования таких образов, оглядываясь назад на свою жизнь и проводя перед своим внутренним взором людей, которые играли определенную роль в нашей жизни. Когда мы переживаем другую личность как образ - мы обогащаем нашу душевную жизнь, и когда мы носим других людей в нашей душе, мы развиваем братство в самом конкретном смысле

(GA 186).

В лекции этого же цикла от 12 декабря 1918 года Штейнер подчеркивает, что социальная жизнь должна культивироваться сознательно, что интерес человека к человеку, который прежде был инстинктивным - теперь должен приобретаться сознательно. Он называет интерес к другим людям основным нервом всей социальной жизни. Этот интерес позволяет нам перебросить мост через пропасть, отделяющую нас от других. Только из истинного интереса к другому человеку и готовности освободить в себе место для него можно сделать сознательно действенным социальный феномен, очерченный Штейнером в этой лекции.

Мы не можем развиваться исключительно из наших собственных сил. Поступая так, мы застреваем в эгоизме. Беседа с другим может помочь нам в дальнейшем пробуждении, особенно в ситуации, когда социальный феномен применяется в определенной мере сознательно и другой человек воспринимает то, что живет в нас. Тогда мы сами можем лучше понять себя и развить свое Я-сознание. Просматривая назад нашу жизнь, мы осознаем, сколько других людей решающим образом содействовало нашему развитию - был ли это педагог, друг, вдохновитель или даже противник. Все они - акушеры нашего высшего Я. В связанных с нами людях мы встречаем бессознательные аспекты нашего Я, которые в общении с ними мы можем усвоить. 27 декабря 1918 (GA 187) Штейнер

сообщает, что наше высшее Я присутствует во всех тех, которых мы встречаем вовне, и менее всего - в нас самих. Оно приходит к нам извне, в людях, к которым мы имеем отношение и с которыми мы связаны кармически.

В этих встречах мы можем переживать пробуждение нашего Я в ежедневной жизни как социальный процесс. Преобразование человека древнего в человека нового (внутреннего, духовного человека в нас) происходит постепенно в отношениях с другими благодаря обновляющей силе Христа. В этом процессе возникает самоосознание и предчувствие того, что заложено в нас как наши высшие возможности и жизненные задачи. Мы могли бы назвать это краткое пробуждение высшего Я в нашей душе моментом Пятидесятницы. Пятидесятница - праздник как свободной индивидуальности, так и сообщества; праздник рождения высшего Я в индивидуальной душе и одновременно - рождения новой социальности. Это возможно, поскольку в нашем высшем Я индивидуализируется дух, и этот дух - один и тот же для всех. Мы поистине социальны только в нашем высшем Я; и очень важно позволить этому высшему Я шаг за шагом рождаться в конкретной совместной жизни и сотрудничестве. Это должно поддерживаться работой в нашей собственной душе.

В кризисной ситуации в Антропософском обществе а 1922-23 годах Штейнер попытался перебросить мост через различия между разными группами, указывая путь к построению сообщества, путь к новой социальности. Новые мистерии не могут функционировать без несущего их сообщества. Многие антропософы не могли испытывать в антропософии переживания общения и стали искать его в "Общине Христиан", - движении религиозного обновления, основанной в 1922 году. Штейнер, желая указать им, что антропософия имеет собственную возможность построения общности, описывает это в лекциях от 27 февраля и 3 марта 1923 года (GA 257), Мы еще увидим, что антропософское построение общности включает в себя два пути, которые должны быть связаны между собой: путь индивидуального расширения сознания и путь социального развития, основа которого - во встрече с другими людьми.

Штейнер отмечал, что с начала XX столетия люди имеют элементарную потребность пробуждаться в переживании души и духа другого человека. Эта потребность пробудиться в переживании глубочайшего внутреннего существа другого человека к высшему сознанию, к повышенному бодрственному сознанию, становится все более настоятельной. Люди должны подойти ближе друг к другу; они должны стать пробуждающими людьми, способными пробудить высшее Я в общении с другим человеком. Это имеет большое значение для антропософии, ибо если люди не смогут пробудиться к высшему сознанию в общении с другими людьми, они поистине не смогут понять ни антропософию, ни друг друга, - говорит Штейнер в этих лекциях.

Когда мы собираемся в духе спиритуального идеализма, чтобы поговорить об антропософских идеях и совместно пережить их, когда мы пронизываем эти идеи глубоким чувством, энтузиазмом и волей, тогда мы, говорит Штейнер, можем пробудить друг друга. Скажем, кто-то сообщает нечто по теме, которая нас также занимает, или мы слышим нечто совершенно новое, или другой человек освещает наши идеи совершенно новым образом. Мы открываем нечто, что долго дремало в нас, но не могло быть высказано, пока другой не начал говорить, или же мы вдохновляемся на определенные деяния.

В этом состоянии *пробуждения в общении с другим*, говорит Рудольф Штейнер, мы поднимаемся нашей душевной жизнью в сверхчувственную сферу и можем переживать нисхождение в нас духовного существа. Тогда мы объединяемся в духовное сообщество, и переживание этого сообщества соединяет нас с духовным существом. Штейнер говорит об обращенном культе, о культе познания, в котором люди сознательно переживают подъем их мыслей и чувств в сверхчувственный мир. Это противоположно культу христианской церкви с ее четырьмя элементами. В церкви культовая конгрегация хочет создать такие условия, чтобы ангелы небесные могли нисходить в культовое пространство. Переживания общения с духовными существами в этих двух ситуациях (духовная работа и участие в культе) - весьма различны. В христианском культе переживание общения с духовными существами через посредничество священника и через внутреннюю деятельность членов общины - как бы дар свыше. И напротив, переживание общения с духовными существами в познавательном культе должно быть достигнуто каждой индивидуальностью путем работы

с духовным содержанием снизу вверх, в процессе познания.

Со времени Рождественского собрания тема построения общности имеет еще один, совершенно иной аспект. Антропософы должны работать вместе, чтобы создать основания новой культуры. Новые сообщества должны возникать в практической жизни, в которой в общении между людьми может открываться духовный мир. Раньше духовное познание открывалось отдельным людям, посвященным. Этот путь откровения сверху вниз, из сферы Бога-Отца, постепенно прекращается. С 1899 года, с окончания Кали-юги, это может достигаться путем снизу вверх. Этот путь начинается с пробуждения в общении с другим и ведет к высшему сознанию в культе познания, к пробуждению внутреннего человека. На этом пути мы можем совместно работать над духовным содержанием и развивать наши душевные силы.

Это культивирование душевной жизни в дальнейшем может быть углублено, если мы будем говорить о нашем отношении к этому духовному содержанию и о том, что этим содержанием пробуждается в нашей душе. Когда мы говорим об этом, наша душевная жизнь становится сознательной и упорядоченной и благодаря этому наш внутренний человек пробуждается далее и мы пребываем уже не в сфере Бога-Отца, но в сфере Сына. Христос действует в преобразовании души и в процессе индивидуализации. Там, где группы культивируют душевную жизнь, Он может привести к рождению нового внутреннего человека. Эти группы должны быть душевно-духовной родиной, куда стремится каждый, ибо в беседах на духовные темы, в переживании радости - люди познают друг друга, тем самым - лучше познавая самих себя. Но, чтобы процессы преобразования душ вообще могли происходить - группы должны быть небольшими.

В антропософских кругах стало обыкновением - читать вместе циклы лекций Штейнера. Но если мы механически повторяем идеи Штейнера и ссылаемся на его авторитет, душевная жизнь не культивируется; напротив, она приходит к полному застою. Тема - и это не обязательно должно быть книгой, это может быть любым феноменом времени - должна быть поводом для беседы, в которой мы высказываемся о наших духовных переживаниях и о собственном отношении к этой теме. С шестидесятых годов это стало обычным во многих спиритуальных кругах. В атмосфере толерантности каждый имеет возможность высказаться по теме и по отношению мыслей других членов и принять сказанное в свое чувство и волю. В 1923 году Штейнер часто указывал на то, что мы должны обращаться к определенному художественному и религиозному опыту. Почему бы не спеть вместе, или не попрактиковать эвритмию, не заняться живописью, театром или не пережить моменты душевного развития в музицировании? Разве он не сказал 1 января 1923 года, что антропософия начинается с науки, что идеи оживают художественным образом и это заканчивается религиозным углублением? (GA 257). Тогда антропософия может охватить всю душу.

Работа во многих группах, все еще весьма традиционна и поэтому зачастую действует даже патологически. Участники остаются в отношении друг к другу незнакомцами, высказываются лишь немногие, мысли остаются абстрактными и бессвязными. Много о групповой работе и о душевных преобразовательных процессах антропософская работа могла бы почерпнуть из современной психологии. Между прочим, Штейнер рекомендовал молодым членам уже упомянутого Свободного антропософского общества рассказывать друг другу о своей жизни и ассоциироваться друг с другом: кармически.

То, что Штейнер высказал о пробуждении в общении с другим человеком на языке 1923 года, перед Рождественским собранием, звучит весьма торжественно. Но это соответствовало стереотипам поведения теософского времени, когда не очень охотно говорили о происходящем в собственной душе. Мы живем в другое время и ведем себя более непосредственно. Сегодня меньше сдержанности среди людей, особенно молодых. Мы хотим узнать другого человека: почему он занялся антропософией, как он живет, чем занимается и что читает, и это касается также предметов, которые раньше никогда не обсуждались. Контакт друг с другом стал менее формальным, чем это было принято раньше (и все еще зачастую имеет место) в антропософских кругах. Встречи и отношения в спиритуально ориентированных группах могут быть теперь значительно более глубокими на человечески-социальном уровне. Начинается новый этап построения сообществ.

Этот процесс выводит межчеловеческие ассоциации из жесткой сферы идей и начинает

охватывать всю сферу душевной жизни. Мы входим в личную жизнь и судьбы других людей, когда происходят глубокие встречи и мы можем тогда пытаться сотрудничать и упорядочивать взаимную карму - как это имело место между Штейнером и Вегман. Беседы приобретают другие качества, если нам удастся преуспеть в сознательном применении социального прафеномена. Если мы можем поистине слышать другого человека, он может пробудиться в нашей душе на более высоком уровне и прийти к самому себе. Когда я говорю и другой человек сознательно "засыпает во мне", я могу пробудиться в другом, в душе другого. Это - нечто отличное от пробуждения в простом общении с другим, когда только расширяется наше сознание. Для участников глубокой беседы открывается новая сфера, сфера Пятидесятницы Святого Духа, сфера новых мистерий.

Когда кто-то может говорить в моем пространстве сознания и он пробуждается во мне, я позволяю себе быть заполненным его высшим Я, егг духовным существом. Я могу приобрести глубокое прозрение в то, что живет в нем и иногда "слышать" больше, чем *то*, что он говорит и о чем он отдает себе отчет. Если я настолько восприимчив и способен это удерживать, я могу отдать это ему обратно и донести это до его сознания. Этот процесс может быть взаимным; глубокая встреча, таким образом, дает нам возможность взаимно изнутри активировать наш дух. На этом пути встреча может на самом деле стать таинством, мы можем пережить момент Пятидесятницы, момент живого общения с духовным миром.

В Голландском издании своей книги об антропософском социальном импульсе, Дитер Брюльль указывает на внутреннюю связь индивидуальных элементов этой сознательно переживаемой беседы и четырех частей литургии.

Истинная беседа начинается с очищения, когда затихают эгоистические порывы; благодаря жертве самосознания я могу наполнить себя другим человеком; принятие того, что живет в другом - сравнимо с преображением; и, наконец, то, что я отдаю обратно в слове или деле, является причастием.

Этот род беседы не только дает возможность пробудить друг друга, она может также привести к ответам на определенные запросы времени или к решению проблем. Рудольф Штейнер и Ита Вегман переживали откровения духовного мира и ответы из него в беседах преимущественно на медицинские темы. Не требуется обязательно быть посвященными, чтобы получать эти ответы в группе.

В беседе и в сотрудничестве мы можем своими сердечными силами создавать сверхчувственное, социальное пространство, можем строить социальный храм, в который могут нисходить духовные существа, и где может проявляться духовный мир. Так завершается культ познания, который начинается беседой о духовных идеях, общим исследованием сотрудничающих людей, которые таким образом могут получать откровения духовного мира. Благодаря дальнейшему развитию сил сознания, то, что возможно в беседе двоих, становится возможным также и в групповой беседе. Тогда древний путь откровения из сферы Бога-Отца может быть заменен новым путем откровения, на котором мы в совместном исследовании можем осуществлять духовное познание из сферы Святого Духа.

Таким образом, новые мистерии, являясь результатом процессов пробуждения, ведут к новым сообществам как в духовной, так и в социальной жизни. Пробуждение происходит, когда мы в общей беседе на духовную тему расширяем наше сознание и когда мы объединяемся благодаря сочувствию, интересу и любви, благодаря развитию образов друг друга. Каждый должен идти своим индивидуальным путем развития, чтобы развить свои душевные силы, самосознание и моральное сознание и раскрыть органы восприятия духовного мира. Здесь могут быть полезными индивидуальные упражнения, беседа о духовном содержании и так называемые классные уроки антропософской Высшей школы духовной науки. Однако, возникают совершенно новые возможности, когда мы, наряду с индивидуальным путем развития, следуем и социальным путем развития; когда мы учимся сознательно применять социальный прафеномен, ассоциироваться в социальной жизни, иметь глубокие встречи с другими, постепенно упорядочивать взаимную карму и формировать сообщество. Таким образом пробуждаются социальные импульсы. Об этом социальном пути речь пойдет далее.

Культивирование душевной жизни, при котором душевные силы ориентируются на свет

сознания и преобразуются - основа пробуждения. Благодаря этому возникает так называемая душа сознательная с двумя своими аспектами, которые должны быть объединены. Мужской аспект души сознательной хорошо известен: он связан с абстрактным мышлением, объективностью, целевой ориентацией, практическим смыслом, силой решения и энергией. Он фокусируется вовне и объединяет мышление и волю. Женский аспект - сфокусирован более вовнутрь и формирует сердечные силы, такие, как восприимчивость, жертвенность, глубокое уважение, благоговение, преданность, смирение, почитание, сердечную интеллигентность. Благодаря этому аспекту мы можем соединяться с внешним миром в любви, принимая его в себя, и внутренне питать другого человека при встрече, возможно даже лучше, чем он сам смог бы выразить это в словах.

Мужской аспект живет в процессе пробуждения и расширения сознания, которым начинается культ познания. Мы поднимаемся в сверхчувственную сферу, но духовный мир не может открыться без помощи женского аспекта души сознательной. Мы должны быть способными засыпать и становиться восприимчивыми к тому, что живет в другом, подобно неуловимому оттенку голоса в беседе. То, что открылось, должно облечься в слова мужскими силами познания, чтобы быть внесенным в сознание и понято другими. Духовная беседа с высшими мирами живет в этой смене засыпания и пробуждения, восприятия и мышления, чувствования и: понимания. В этом участвуют силы Логоса и силы Софии. Силы Логоса - силы слова, которыми сознание открывается себе и другим. Силы Софии - женские, в противовес мужским силам души сознательной. Это силы интеллигенции сердца, внутренняя мудрость, которая является нашим органом восприятия духовного мира в нас самих. Штейнер называл одухотворенную душу сознательную Софией внутри нас. Насколько мы развиваем эти силы Софии в связи с силами сознания Логоса, настолько оживает в нас Антропо-София.

В определенном смысле мы можем понять платоников и последователей Аристотеля, о которых столь много говорилось в антропософских источниках, как представителей этих женских и мужских сил. Мы говорим здесь о типах души, а не о "древней" душе (которая имеется лишь у очень немногих) и душе "молодой", и не о сравнительно небольшом числе членов школ Платона и Аристотеля. Платоники, как душевный тип, исходят из сферы древних мистерий Бога-Отца. У них - естественная открытость духовному миру, но также и тенденция к мистике, которая: может трансформироваться Я-сознанием в конфронтацию с практической жизнью. Они часто живут в субъективном мире и не любят работать в группах. Для них было бы важным объективировать свой внутренний мир с помощью "мужской" силы сознания. Души аристотелевского типа живут в культе познания и ищут вход в духовный мир, Их подстерегает опасность застревания в интеллектуализма и пренебрежения связью мышления с силами сердца. А ведь, лишь только когда эта связь достигнута - душа может раскрыться силам: Софии и создать в себе пространство для откровений из сферы духа. В антропософском движении: они должны сотрудничать с душами платонического типа, чтобы реализовать новые мистерии. Сотрудничая с людьми, которые имеют другие душевные качества, мы получаем импульс к развитию этих качеств в себе.

Новые мистерии ведут к новым путям исследования, возникающим из общности. Это - пути исследования внешнего мира, как показали Штейнер и Вегман, пути исследования внутреннего мира и пути исследования мира социального. Эти пути исследования открыты как для пар партнеров, так и для групп, где духовные существа участников соединяются: в социальном пространстве и каждый может высказать определенные интуиции, которые получает вся группа - подобно "чаше". Благодаря этому возникает возможность снова, уже в социальной жизни, получать откровения, которые раньше даровались лишь посвященным.

6 января 1924 года Штейнер рассказал о том, как в позднем Средневековье семь членов розенкрейцерского братства собирались вместе в своей комнате для медитаций. Трое из них получали определенные символические откровения из духовного мира, которые должны были интерпретировать четверо других (GA 233a). Здесь мы видим, как "женские" и "мужские" качества сознания сотрудничают в подготовке новых мистерий. В этих кругах сформировалось, как говорит Штейнер, внутреннее душевное братство, братство в познании, где одна личность полагается на другую. Розенкрейцеры переживали, как

духовный мир постепенно становился недоступным их сознанию. После Средних веков сознание сильно укрепилось, и для Рудольфа Штейнера и Иты Вегман, как современных розенкрейцеров, стало возможным в сменяющемся течении объективной беседы создать современную мистериальную медицину.

Если мы хотим войти в новые мистерии и работать с другими, нам нужны группы, в которых культивируется душевная жизнь и поддерживаются процессы нашего пробуждения. Но мы должны не только научиться пробуждаться; мы должны суметь сознательно "засыпать" в другом человеке. Мы должны постичь "мужские" и "женские" силы сознания, часто вызывающие различные коллизии в группе (а не просто мыслить по-мужски или переживать по-женски) и интегрировать их в душе сознательной, где может жить антропософия. Это развитие души является задачей групповой работы. В беседе между духовно пробужденными людьми антропософия входит в современность и находит сообразный нашему времени язык. В этих беседах, где люди открывают свои души духу, новые мистерии постепенно реализуются в конкретных областях работы и могут помочь решению вопросов нашего времени.

В 1923 году Антропософское общество было все еще лишь на пути к новым мистериям. Штейнер тогда призвал к осмыслению и построению сообщества. Внимание членов общества было сильно ориентировано вовнутрь, на свое собственное пробуждение. Но ведь только из социального импульса мы можем начать обнаруживать, что другой человек нуждается в нас, чтобы пробудиться и быть призванным к деянию. Это открыла Ита Вегман в ночь пожара Гётеанума.

Социальный импульс разрушает старые структуры, готовя почву для обновления. Как же Штейнер обновил Антропософское общество и как эти импульсы обновления приняло Общество? Судьба Общества - пример многим духовным движениям, в которых делается попытка преобразовать древние силы и освободить новые импульсы.

4. Карма Общества

Социальный импульс обращает вспять обычные для нашего времени перспективы. Мы: уже занимаемся в первую очередь не своим собственным развитием, но развитием других. Важно уже не то, что мы лично считаем таковым в нашей групповой работе, но - как мы можем выйти на животрепещущие вопросы нашего времени. Ита Вегман задает Рудольфу Штейнеру решающий вопрос, обнаруживающий: то, что живет в самом Штейнере как импульс. Отсюда возникают новые мистерии. Чтобы участвовать в этих мистериях, мы должны произвести в нас самих это изменение перспективы и войти во внутренний процесс преобразования.

Все больше и больше людей стремятся проходить этот процесс совместно. В двадцатые годы этот процесс протекал преимущественно в сфере идей, в рамках иерархии и авторитета. Люди хотели пробуждать друг друга в мире идей, переживая при этом расширение сознания и ощущение общности. Сегодня мы больше ищем встреч человека с человеком в ситуации равенства. Мы ищем прямого отношения к другому человеку и пережитому им опыту вместо дистанцирования, связанного с простым принятием к сведению его идей. Этот поворот к конкретным встречам с людьми, с которыми мы хотим сотрудничать характерен для новых мистерий.

На Рождественском собрании 1923 года Штейнер развивает социальные формы вновь основанного Антропософского общества, которые способствовали бы новому, сознательному отношению к духовному миру. Оно пришло на смену старому, бюрократическому Обществу, члены которого испытывали помехи сотрудничеству друг с другом; их обуревала потребность в иерархии и власти, и их духовная жизнь протекала в уединении. Из этого теософского наследия Штейнер надеялся создать "самое свободное и современное общество из всех возможных" и антропософское движение должно было найти в нем свой дом.

Структурирование, проведенное Штейнером в новом Обществе, являлось выражением социального триединства. Новое Антропософское общество представляет межчеловеческую сферу, сферу душевного элемента, сердце социального организма антропософии. Здесь все члены были равны и могли создавать, исходя: из своих встреч,

новые ассоциации и развивать никем не контролируемую Деятельность. Целью Общества, согласно 9-му параграфу его статута, является поддержка исследования в духовной области. Наряду с этим мы находим Свободную высшую школу духовной науки, которая должна развивать духовную жизнь новых мистерий и осуществлять само духовное исследование. Здесь входит в силу принцип авторитета, но авторитета, принятого свободно. Наконец, во всеобщем Антропософском обществе мы находим хозяйственную жизнь, основанную позднее для чисто служебной задачи, которая единственная должна была получить официальный юридический статус. Штейнер никогда ясно не выражал своих намерений касательно этих социальных форм, но они могут быть дедуцированы из его действий. Тем не менее, возникли серьезные проблемы, которые не решены и по сей день.

В ходе Рождественского собрания Штейнер обсуждал статуты Антропософского общества со всеми присутствовавшими членами; приняты они были в третьем чтении. Эти статуты необычны. Штейнер хотел исключить из них все, что могло указывать на официальное общество. Они были не фиксацией обычного содержания, но описанием - каким должно быть отношение человека к человеку и отношение между форштандом (букв, "представительство") и членами, и каким предполагался быть этот форштанд. Все, что было связано с администрированием, было опущено. С этими статутами никакие силы не смогли бы создать помехи в жизни общества. Каждый, кто видел нечто обоснованное в наличии такого учреждения, как Гётеанум в Дорнахе - Свободная Высшая школа духовной науки - мог стать членом Общества и познавать на опыте, как в нем культивируется душевная жизнь. Ничья свобода не могла подвергнуться какому-либо ограничению. Этой открытостью и свободой Штейнер хотел основать самое современное сообщество в спиритуальной жизни и ожидал участия в нем сотен тысяч и даже миллионов людей.

Первое представительство (Форштанд) - не избиралось и не назначалось, но формировалось при единодушии членов Общества. Форштанд должен был развивать инициативу, быть полезным членам в том, что считалось важным и помогать им, советуя и инспирируя. Члены Общества были вольны делать то, что они считали правильным. Таким образом, они могли развивать свою личную антропософию без подчинения какому-либо авторитету, в сотрудничестве с людьми, с которыми они хотели соединиться для этой цели. Исключение из Общества было невозможным, ибо никто не вправе был выносить суждение о внутренней связи людей с антропософией.

В Свободной Высшей школе духовной науки это обстояло иначе. Здесь каждый подчинялся авторитету Рудольфа Штейнера и мог утратить членство. Штейнер предполагал основать три класса. Первый (для неограниченного количества участников, принимающих серьезно антропософию и желающих для этого внутренне объединиться) под управлением Иты Вегман, второй (36 членов) под управлением Марии Штейнер фон Сивере и третий (12 членов) под его личным руководством. Так Штейнер это объяснил в беседе с Людвигом Польцер-Ходитцем 11 ноября 1924 года (опубликованной в журнале "Erde und Kosmos" ("Земля и Космос"), 1986/4). Он лишь частично сформировал первый класс с девятнадцатью так называемыми уроками.

На Рождественском собрании Штейнер определил отношения между Форштандом Антропософского общества и Бауферайном (строительным объединением) Гётеанума. Последний существовал с 1911 года, осуществив строительство первого Гётеанума и подготавливая строительство второго. Так как Штейнер был уже лично связан с новым Обществом, он стал также председателем Бауферайна Гётеанума. Это произошло 29 июня 1924 года, когда было принято решение преобразовать Бауферайн в хозяйственно-юридический носитель наиболее важных антропософских учреждений. Он занимался также управлением издательством Марии Штейнер фон Сивере, клиники Иты Вегман и администрацией Антропософского общества и здания Гётеанума. Все это в целом получило название "Всеобщего антропософского общества" и было зарегистрировано 3 марта 1925 года со статутами, установленными 8 февраля 1925 года. Но у Штейнера никогда не было намерения регистрировать официально Общество, основанное на Рождественском собрании 1923 года (Антропософское общество). Ибо оно было чисто духовным сообществом в смысле "идейного союза" и не нуждалось ни в какой

регистрации.

Административное общество (ВАО), члены Форштанда которого были одновременно и членами Форштанда духовного общества (АО), имело совсем иные статуты. Как административное объединение, оно, естественно, имело ограниченное число членов, имеющих право голоса. Они управляли на основе экспертных оценок. Здесь это давало возможность исключать членов, которые не могли пристыковаться к согласованной административной деятельности других. Каждый, давая пожертвование, мог потребовать членства, но не права голоса, которое резервировалось для круга соответствующих членов. Незадолго до своей смерти Штейнер дополнительно назначил в этот закрытый круг семь администраторов, но из-за неразберихи, которая вскоре возникла, они никогда уже не были способными действовать.

Со времени Рождественского собрания Штейнер мог свободно говорить о закономерностях кармы и о положительных или отрицательных кармических связях, которые возникли в прошлом между группами, представленными в Обществе. Он надеялся, что это могло также содействовать разрешению открытых и латентных конфликтов в нем. Но уже вскоре он обнаружил, что импульс новых мистерий члены Общества не приняли. Пробуждение, необходимое, чтобы упорядочить и сгладить старую (лунную) карму, чтобы выйти на новые кармические связи (солнечную карму), указывающие на будущее - не состоялось.

Своими письмами к членам Общества после Рождественского собрания (GA 260a) Штейнер хотел их инспирировать, чтобы позволить действовать в себе новым импульсам. Антропософия должна жить в сердцах людей, она может рождаться каждый раз заново, когда один человек обращается к другому. Члены Общества должны найти путь от души к душе в душевном тепле и заинтересованности в других людях. Люди должны встречаться и быть в состоянии давать друг другу антропософию, как она живет в их душах. Общество должно быть открытым, чтобы люди могли свободно войти и познакомиться с антропософией. Мы здесь видим, что Штейнер стремится способствовать пробуждению людей *друг другом и друг в друге* и воссоздать закрытые "теософские" ветви внутри открытых групп членов АО, где люди смогли бы понять свои намерения и жизненные задачи. Совместно прочитанное или услышанное должно быть предпосылкой дальнейшего развития душевной жизни индивидуальности. Став на Рождественском собрании председателем Общества, Штейнер соединил свою карму с кармой членов Общества. Поскольку среди них было много конфликтов, это, вероятно, воздействовало и на него. Мария Штейнер фон Сиверс писала, как эта карма членов излилась на него в конце Рождественского собрания, 1 января 1924 года, и он вдруг сильно заболел. Некоторые источники даже говорят об отравлении. Здоровье Штейнера было уже значительно ослабленным пожаром первого Гётеанума. Даже при его способности восстанавливать свои силы¹ за несколько часов он оставался очень уязвимым для всего, что исходило со стороны членов АО. Все больше и больше людей приходили со своими личными проблемами и истощали его. Несмотря на огромное напряжение, которое он испытывал после Рождественского собрания, он никого не хотел разочаровывать. За девять последующих месяцев члены Общества так и не приняли новый импульс, и силы его исчерпались. 28 сентября 1924 года он прочел свой последний доклад.

Штейнер предупреждал, что импульс Рождественского собрания может улетучиться. В течение своей болезни он все еще надеялся, что члены все-таки пробудятся; но этого не произошло, и в конце его жизни даже триединая структура социального организма Общества была подорвана. После того, как 8 февраля 1925 года были окончательно утверждены статуты административного Всеобщего антропософского общества и Штейнер подписал заявку на регистрацию, ему стало ясно, что никто не понял, что это Общество отличается от духовного Общества, основанного на Рождественском собрании. Участники последнего едва ли были информированы о существовании административного Общества и ближайшие сотрудники Штейнера также были все еще приучены мыслить в рамках унитарных структур, в которых и духовная жизнь также является административным делом. Они были, как и столь многие люди в их (а также и в наше!) время, в плену определенного представления об Обществе.

Тогда же, 8 февраля 1925 года, стало ясно, сколь глубоко спящими были люди вокруг

Штейнера в области социального строительства. Альберт Штеффен, вице-президент, думал, что теперь каждый член Общества (Рождественского собрания) может иметь право голоса в делах административного Общества (Это ясно из записи в его дневнике 9 февраля 1925 года, включенной в документы (GA260a)), в то время, как в зарегистрированных статутах указано, что это право имеют собственно только 15 членов. 22 марта 1925 года сообщение относительно собрания Форштанда Всеобщего антропософского общества было доведено до сведения членов Антропософского общества, основанного на Рождественском собрании. Это сообщение было написано не Штейнером, но "Форштаном Всеобщего антропософского общества" и гласило, что четыре упомянутых учреждения интегрируются во Всеобщее антропософское общество. Члены, по-видимому, должны были думать, что это было новое Общество Рождественского собрания, и четыре учреждения теперь включались в это духовное Общество. Это было прекрасным заблуждением, ибо то, что действительно в данном случае произошло, было как раз обратным этому, а именно: включение духовного общества в общество административное. И т.к. административный аппарат распространил свою власть на духовную жизнь Общества, это привело к остановке самого сердца антропософского движения.

Это сообщение от 22 марта 1925 года подготовило конец духовного общества, основанного на Рождественском собрании. 30 марта 1925 года уходит из земной жизни Штейнер - очень неожиданно, как отмечает Ита Вегман 19 Апреля 1925 года (в своей статье "An die Freunde" ["К друзьям"]). Остальные члены Форштанда были совсем неопытными и не готовыми к своей новой задаче - сообщать спасать импульс Рождественского собрания. В течение рождественских дней 1925 года проводится второе собрание, которое ликвидирует Общество, основанное Рождественским собранием 1923 года. Все его члены фактически переводятся из духовного Общества в административное Общество, которое имеет совершенно другую цель и совершенно другие статуты. И это - исторический факт. Теперь говорится, что духовное Общество также должно быть зарегистрировано, что со статутами Рождественского собрания оно уже недействительно и поэтому теперь оно входит в административное Общество. Это восходит к Гюнтеру Ваксмуту, секретарю Форштанда, который в 1950 году утверждал, что все это происходило в согласии с самим Рудольфом Штейнером (в статье "Notwendige Abwehr" ("Необходимая защита")). Документы, подписанные Штейнером - недоступны. К тому же это противоречит стратегии освобождения духовной жизни от древнеримского государственного мышления, заложенной в статутах Рождественского собрания. Руководители Всеобщего антропософского общества следуют пониманию Ваксмута. Немецкий юрист Манфред Лист в своей статье в 1989 году (в приложении к журналу "Гетеанум"), писал, что члены Общества Рождественского собрания 1923 года двумя годами позже стали членами другого Общества. Без их уведомления об этом, конечно, но все же при их "активном участии", согласно сообщению форштанда от 22 марта 1925 года.

Из-за этого прогрессирующего помрачения сознания, частично связанного с болезнью и смертью Штейнера, Антропософское общество получило новые статуты, к которым, между прочим, члены Общества получили доступ только в 1935 году. Непригодные статуты неоднократно корректировались, но в существенных пунктах оставались противоречия исходным статутам, которые сегодня называются "принципами" - нечто такое, чем они не могут быть согласно их фактическому характеру. Из-за этой путаницы в статутах конфликты и борьба за власть между членами приводили к исключениям, невозможным в духовном Обществе. Административное Общество имело в своих статутах параграф об исключении, которым воспользовались, когда после смерти Штейнера конфликты в Форштане разгорелись настолько, что антимихайлические демоны свободно царили в нем и могли разорвать его на части. Это помрачение сознания произошло и 14 апреля 1935 года в ходе общего собрания, на котором Ита Вегман и Элизабет Вреде были исключены из Форштанда, голландское и английское национальные Общества и некоторые немецкие рабочие группы были исключены из Общества целиком, а также несколько отдельных членов. На этом общем собрании только Людвиг Польшер-Ходитц имел присутствие духа и мужество открыто выступить против этих исключений и напомнить о намерениях Рождественского собрания 1923 года. Большая трагедия Общества, которое

может лишь духовно жить между людьми и теперь становится полностью "земным", звучит в его словах. Эта речь была вновь опубликована в 1986 году в журнале "Erde und Kosmos" ("Земля и Космос").

Вместе с Итой Вегман, которая уже в 1931 году отделила свою клинику от ВАО, Общество покидают также другие представители новых мистерий. В 1924 году новые импульсы не были восприняты и со смертью Рудольфа Штейнера новые мистерии снова были сокрыты. Общество попятилось к древним формам духовной жизни. Это могло привести лишь к недопустимому в наше время применению власти в духовной жизни и нарушению человеческой свободы и достоинства, например - путем "исключения без указания причин". Бюрократический аппарат овладел духовной жизнью и "двойник" (темный теневой дух, захватывающий власть в группе или обществе при убывании сознания) смог действовать в Обществе, изгнав живого духа антропософии. Это не должно нас удивлять. В социологии это известно как нормальный феномен: духовная жизнь втягивается в процесс институционализации и бюрократизации. Когда инспирирующий учитель уходит с земного плана, среди учеников возникает борьба за власть и рутина занимает место энтузиазма. Это происходило во всех духовных течениях, включая христианство. Штейнер хотел это предотвратить, творя из социального импульса триединый социальный организм мистерий. 28 февраля 1923 года он сказал, почему это было необходимо: "на почве духовной науки мы объединяемся дифференцируясь и индивидуализируясь, а не централизуясь" (GA 259). Духовное движение может тогда избежать описанного социологического процесса.

Штейнер сильно сопротивлялся некоторым тенденциям, которые он ощущал в Обществе уже перед Рождественским собранием. Это были -централизм, односторонний "мужской" интеллектуальный подход к антропософии и иерархическое мышление. После его смерти эти тенденции усиливаются. Из-за поглощения духовного Общества административным Обществом, узурпировавшим духовное, средняя область триединого организма, область культивирования душевной жизни, область человеческой встречи, она же - область правовой жизни, где мы стоим лицом к лицу, как равные -исчезает. Эта сердечная область - сфера живого Христа, который живет между людьми и участвует в их процессах развития. Этот элемент социальной жизни весьма уязвим, он постепенно уничтожается современной технократией. Следующим шагом Всеобщего антропософского общества было обретение им законченной унитарной структуры, когда, после Второй мировой войны, президент Альберт Штеффен был назначен собранием членов Общества руководителем Школы духовной науки. Штейнер не назначил преемника, что было только в его компетенции. Это позволило сделать следующий шаг к технократическому управлению делами Общества.

Штеффен и Ваксмут, которые, согласно записке Штейнера Польцер-Ходитцу (11 ноября 1924 года) должны исполнять административные задачи в секциях Школы (вместе с Элизабет Вреде), после исключения Вегман и Вреде, и после того, как они Марию Штейнер фон Сивере также устранили от дел Форштанда, они прибрали к рукам все Общество. Форштант стал полностью мужским, в то время, как предыдущий Форштант состоял поровну из мужчин и женщин. 3 марта 1925 года Штейнер обратил внимание Польцер-Ходитца на то, что он считает это равенство решающим, чтобы парализовать иезуитизм, который сильно прослеживался в Обществе. Это был иезуитизм, который не следует отождествлять лишь с орденом иезуитов; имеется в виду течение, ведущее борьбу против духа и с этой целью исключаящее из развития женский элемент (культивирование души и переживаемого духовного опыта). В этом течении продолжает жить древнеримское правовое мышление, легко распознаваемое там, где люди хотят управлять и оценивать, судить и исключать друг друга в сфере духовной жизни. Например, из этой установки высказывается Форштант, решая - кто является истинным антропософом и какие инициативы можно считать "антропософскими". Тогда власть в нем берет старая иерархия.

Социальный храм, который Штейнер хотел построить с членами нового Общества для новых форм связи с духовным миром, был разрушен. Импульс, ведущий к новым мистериям, которые должны были происходить в этом храме, был теперь обращен вспять во всех аспектах. Новое Общество оставило бы членов свободными решать, что принимать от Форштанда. Однако, вопреки этому, Форштант пожелал определять, что

должны делать члены. Центр мог бы в новом Обществе оживляться, если бы периферия (группы членов) активировала бы это сердце своей деятельностью. И совершенно неверно, когда центр считает себя насосом, приводящим весь аппарат Общества в движение. То же мы находим в отмене публикаций выступлений Рудольфа Штейнера на Рождественском собрании, а также, например, в руководстве Школы духовной науки, присвоившем духовный авторитет Штейнера, авторитет, который был свободно принят членами. Вследствие этого обращения вспять духовного импульса с 1925 года стали возникать структуры, подобные ложам, контролируемым иерархическим аппаратом высокопоставленных лиц, способных к исполнительной власти и знающих больше, чем нижестоящие. Общество потеряло связь с духовным миром. Антропософия больше не могла свободно зливаться в мир. Мышление сведено к вопросу "правильного метода", сердечные силы в сфере чувствований были заблокированы и волевые силы антропософского движения были парализованы.

Эти три фатальные тенденции - возникновение унитарной структуры с ее иезуитизмом, исключение женского элемента и построение иерархического аппарата власти - вызвали в Обществе большое сопротивление членов, ориентированных на обновление духовной жизни. Большая часть их была исключена в 1935 году.

После смерти Рудольфа Штейнера Всеобщее антропософское общество не могло больше претендовать на то, чтобы быть земным носителем антропософского, т.е. михаилического движения. Из-за рассеивания импульса Рождественского собрания Общество смогло лишь частично выполнять роль, предназначенную ему Штейнером. Антропософия должна была стать культурным фактором, источником новой духовной культуры и помочь людям нашего времени рассмотреть деятельность материализма в их душах и излечиться от ее последствий. Это должно было бы произойти на основе культивирования душевной жизни в отдельном человеке и в человеческом обществе. Именно эта душевная жизнь иссыхает в абстракциях и атрофируется в авторитарных и иерархических учреждениях и ассоциациях, где едва ли могут происходить истинные встречи между людьми. Это связано с тем, что не была сохранена праформа Общества Рождественского собрания; от этого страдают многие антропософы. Инспирируемые импульсом Рождественского собрания, они пытаются прорваться через застой. Это легче сделать там, где возникли сравнительно открытые национальные Общества, особенно в Нидерландах, Англии и Скандинавских странах.

Часто люди воспринимают Общество, как не имеющее отношения к смыслу современной жизни, в которой люди освободились от старых социальных форм и традиций. В Антропософском обществе они могут легко стать приверженными к внешним формам авторитарности и иерархичности, традиционализма и Догматизма, интеллектуализма и сектанства. Двойник Общества становится тогда невыносимым. Эти люди не ищут новые учения или религии, они ищут живые духовные переживания реальности, которые они могут выразить на современном языке. Они ищут открытое, современное Общество Рождественского собрания 1923 года, в котором люди, смотрящие на современную спиритуальность как сознательное отношение к духовному миру, могли бы найти свое духовное прибежище.

Михаилический дух - также живет вне антропософии. Многие люди и группы во всем мире (например, в организации защиты прав человека -Международной амнистии, в Гринписе) несут импульсы, которые не находят места в Антропософском обществе. Часто эти импульсы заключены в старые силы и формы, которые нуждаются в преобразовании. Духовные импульсы движения "Нью Эйдж", например, облачены в "ветхие одежды" и частично извращены. Миллионы людей не имеют духовной родины, чтобы развивать обновляющие импульсы, с которым они родились.

История антропософского движения все же свидетельствует о том, что духовная инициатива, родившаяся на Рождественском собрании 1923 года, обладает собственной динамикой. Как и каждый важный импульс, она повторяется через 33 года и через 66 лет, и через 100 лет - подлежит обновлению. Отсюда вытекают новые возможности осуществить триединство Антропософского общества и активировать действие антропософии в мире. При первом повторении, в 1956 году, обсуждалось аннулирование исключений 1935 года, инициированное Зейльмансом ван Эммиховеном, президентом Голландского

национального общества. Через несколько лет это привело к примирению Голландского и Английского национальных Обществ с ВАО и включению их обратно в его состав. Небольшая группа людей, среди них - Рольф Зааке, в это же время поставили также вопрос о первоначальных статутах. Это привело к различным исключениям в 1963 году.

В 1989 году прошло 66 лет с момента Рождественского собрания. Это совпало с большими изменениями в средней Европе и с началом социальной работы антропософских групп в восточной Европе. Большинство стран средней и восточной Европы строят свои Общества по западному образцу. Только в Польше молодые антропософы сознательно ищут инспираций Рождественского собрания.

Вопрос статута снова становится актуальным, особенно после публикации в последние годы многих неизвестных ранее материалов, которые освещают намерения Штейнера. (Смотрите, например исследование группы Ахберга о Вильфриде Хайдте, книгу Гзенгера, статьи Герхардта фон Бекерата и Рольфа Зааке, а также предисловие к третьему тому биографии Иты Вегман, в котором Зейльманс ван Эммиховен занимался этой проблематикой особо). Во многих странах члены ставят вопрос о структуре их Общества, но руководители обычно не очень рады таким дискуссиям. В них явно проявляется страх перед необходимостью преодолеть прошлое Общества и сфокусироваться на его карме. Нельзя отрицать проявление несовершенства и зла внутри Антропософского общества. Это важно для развития Общества и должно быть частью процессов преобразования, которые должны вести к воскрешению Общества Рождественского собрания. Мы должны объективно описывать события и факты, пробуждаться ими и учиться на них.

Импульсы Рождественского собрания обретают новую жизнь во многих людях. После 1956 года стали необходимыми структурные изменения, чтобы создать для этих импульсов подходящие рамки. Члены групп пытаются развивать новые формы беседы, где могут происходить встречи и люди могут лучше понять друг друга. В этом развитии душевной жизни постепенно снова возникает Общество Рождественского собрания. Возникают также импульсы к сотрудничеству - в первом классе и в секциях в определенных областях специальных знаний в духе новых мистерий. Таким образом, Школа духовной науки, осиротевшая со смертью Штейнера и существующая просто как административная структура, без каких бы то ни было претензий на статус мистерии - вновь воссоздается снизу. В каждой области или городе, где существуют антропософские инициативы, педагоги, терапевты и другие специалисты могут объединяться в группу Школы, чтобы вместе работать над практическими вопросами в духе новых мистерий и координировать свою собственную работу. В принципе, каждая группа, занятая духовным исследованием - является группой Школы духовной науки.

Триединое Общество может снова стать реальностью, если работа групп, благодаря обновлению культивации душевной жизни, ведет к воскрешению Общества Рождественского собрания; если Школа также освобождается от Е1ласти административного аппарата и воссоздается снизу; и если возникает административное Общество, которое ограничивается своей фактической задачей - обслуживанием экономико-правовых функций в целом (включая антропософские инициативы и учреждения). Так сегодняшнее Общество могло бы снова найти путь к социальным формам Рождественского собрания и тем самым построить рамки нового антропософского движения, которое могло бы многое значить для культуры, особенно для миллионов людей, ищущих новой духовной жизни.

Рудольф Штейнер, как председатель, был связан с Обществом Рождественского собрания; но он не смог реализовать свои намерения внутри этого Общества. Более того, в год его смерти это Общество было упразднено, и его члены были переведены в другое Общество. Сегодняшнее Общество - общество административное и Штейнер может соединиться с ним только в той мере, в которой оно воскресит Общество Рождественского собрания. Эти размышления приводят нас к последней части главы.

5. Крестный путь Рудольфа Штейнера

Русские антропософы особенно отчетливо ощущали жизнь Рудольфа Штейнера как христианский путь. Андрей Белый в своих воспоминаниях о Штейнере писал о его

крестном пути, о принятии им на себя "креста наших болезней". В своей книге о Штейнере и новых мистериях, Сергей Прокофьев упоминает о четырех великих жертвах, принесенных Штейнером, чтобы служить духовному миру.

Родившийся в Санкт-Петербурге Валентин Томберг прочел в 1938 году на антропософской конференции в Роттердаме ряд докладов о внутреннем развитии человека. Один из них был о жизненном пути Штейнера. Он сравнил события жизни Штейнера со ступенями средневекового христианского пути посвящения. Всю свою жизнь Штейнер занимался проблемами других (омовение ног). Он постоянно стоял между враждующими позициями, чтобы удерживать место для Христа в середине (бичевание). Он взял на себя нелегкую миссию - быть представителем духовного мира в наше материалистическое время (возложение тернового венца). Когда он в 1923 году стал председателем нового Общества, соединив свою карму с кармой членов Общества, это была его крестная смерть (распятие). Люди потеряли внутреннюю связь с ним и уже больше не были доступны новым откровениям духовного мира; все, данное им - содержалось в архивах, оставалось только все это изучать (погребение). Томберг тогда сказал, что надежда на воскресение Штейнера есть, если люди воздвигнут ему памятники в своем внутреннем существе (вместо надгробных камней), сохраняя воспоминания о нем постоянно живыми. Штейнер сможет выполнить свое обещание оставаться связанным с антропософами, если у людей найдется мужество непосредственно соединиться с ним в духовном мире.

Духовная революция на Рождественском собрании 1923 года, на котором Штейнер основал новые мистерии, потребовала его смерть в уплату. Он не мог больше оставаться на земле, поскольку духовного пробуждения членов Общества не произошло и взаимные кармические конфликты не разрешались. Ровно через 33 года после того, как Штейнер соединился с теософским Обществом, Всеобщее антропософское общество распалось: положение во гроб было завершено.

С тех пор многие антропософы переживают крестный путь Штейнера и страдают в Обществе. Но Форшланд часто совсем этого не воспринимает. Они остаются членами из своей верности Штейнеру, не зная, что Общество, с которым он был связан, существовало лишь в течение двух лет. Зная это, члены Общества могли бы свободно определять свое отношение к нему.

Рудольф Штейнер не может сам воскреснуть в антропософском движении, это зависит от людей, которые серьезно воспринимают его инспирации. Он должен ждать людей, которые внутренне пробудят к жизни импульс Рождественского собрания и приведут его в действие внутри антропософского движения. То же, что дает Штейнер со времени Рождественского собрания, может быть использовано для развития практической антропософии, имеющей огромное значение для социальной жизни. В следующей главе делается попытка дать очерк этой новой антропософии.

В заключение хотелось бы напомнить слова, полученные графиней Иоганной фон Кайзерлинг от Рудольфа Штейнера из духовного мира в утро его кремации. Они включены в книгу "Кобервитц, 1924", изданную ее сыном Адальбертом фон Кайзерлинг (стр. 177):

"Моя миссия - закончена."

"Что я мог дать для зрелости человека, я дал."

"Я ухожу, ибо не нашел ушей, которые могли бы воспринимать за словом - духовное Слово."

"Я ухожу, ибо не нашел глаз, которые могли бы видеть за земными образами - духовные образы"

"Я ухожу, ибо не нашел людей, которые могли бы осуществить мою волю,"

"Мистерии остаются сокрытыми, пока я не приду снова."

"Я приду снова и открою мистерии, если мне удастся заложить в духовном мире алтарь, храм для человеческих душ. Тогда я приду снова. Тогда я готов продолжать раскрытие мистерий."

"В моей смерти виновны те, кто препятствует культуре сердца."

"Если бы люди проникали в глубины через свое сердце, они нашли бы силы удовлетворить требованиям времени."

IV. СОЦИАЛЬНЫЙ МИР - МЕСТО МИСТЕРИЙ

1. Долгий путь к лету

Как показал Рудольф Штейнер в 1923 году, антропософия имеет собственный ритм развития. В свой первый период (1902-1909) антропософия развивалась в пределах Теософского общества, и несколько основополагающих трудов Штейнер написал еще на языке теософии. В следующий период (1909-1916) антропософия освобождается от теософских лесов и активно развивается в эзотерико-христианском направлении. На этот период приходится начало художественного развития антропософии: в драмах-мистериях, в строительстве первого Гётеанума и в эвритмии. В третьем периоде (1916-1923) антропософия больше выступила вовне, как в науке и социальной жизни, так и в новой педагогике и терапевтической деятельности. Этот период завершается Рождественским собранием 1923 года, которое положило начало осознанию кармы антропософского движения. Этим был задан тон новому периоду.

Часто усматривают связь этих трех периодов с развитием трех душевных сил. В первом периоде речь идет об укоренении антропософии в человеческом мышлении, во втором - о связи ее с чувством в искусстве и в третьем - о рождении антропософии в воле. Но прежде всего - это антропософское отношение к трем душевным силам самого Штейнера. Каждый соединяется с этим своим собственным путем.

В развитии антропософии мы переживаем еще и другое движение, а именно - смену времен года. Полный цикл этого движения составляет уже не три семилетних периода, а четыре. В 1923 году антропософия еще не созрела, так как она должна была пережить еще одно время года: лето. Штейнер умер в 1925 году, когда антропософия лето еще не пережила, и это заметно на качестве межличностных отношений участников антропософского движения.

Спиритуальная традиция знает, что каждое время года имеет собственного архангела, и каждый из этих четырех архангелов связан с определенной планетой. Михаил - архангел осени и регент Солнца. Архангел Гавриил связан с зимой и с Луной. Рафаил - архангел весны и принадлежит сфере Меркурия. И, наконец, Уриил - летний архангел, и действует он из сферы Сатурна. Эти четыре архангела, называемые здесь их древнееврейскими именами, представляют космические течения, которые мы находим также и в антропософском движении. В своем развитии антропософия приняла эти сечения в себя, за исключением течения Уриила.

В первом семилетнем периоде действовало, в частности, влияние Михаила, имя которого означает "Лик Божий" (ранее - Ягве, ныне - Христа). Буквально имя это значит: "Кто - как Бог". Михаил был правителем космической интеллигенции до того, как она стала земной. Эту интеллигенцию, которая теперь живет в нашем мышлении и материалистически инспирируется сатаной (или Ариманом) мы можем снова спиритуализировать и возратить Михаилу. Предпосылки спиритуализации интеллигенции Штейнер подготовил в своей книге "Философия свободы" в 1894 году и эта спиритуализация может осуществляться в антропософии в той мере, в которой эта философия действительно оживает в нас. Антропософия оживает в средоточии нашей души и в искусстве. А это - сфера Гавриила ("Сила Божия"). Этот архангел имеет дело с формами, которые мы создаем в искусстве и в социальной жизни. Принцип триединства как в человеке так и в обществе, как принцип формы - гавриилческий принцип.

Затем приходит период Рафаила ("Целение Божие"). Исцеляющие импульсы, которые необходимы, чтобы вылечить нашу культуру от материализма, исходят из Рафаила. Совершенно конкретно мы встречаем Рафаила в антропософской медицине и терапии, в биодинамическом сельском хозяйстве и лечебной педагогике.

Рождественское собрание 1923 года происходило в конце этого периода Рафаила и привело антропософию в сферу Троицы, которая празднуется в конце весны, в мае или июне. В Троице мы идем навстречу лету. Со многих точек зрения праздник Троицы - все еще праздник будущего, так как в наших сообществах все еще рождено слишком мало духа, который может вноситься в мир индивидуально. Рождественское собрание было событием Пятидесятницы, которое могло инспирировать антропософов идти в мир,

создавая новую культуру. Кроме этого, было необходимо пробуждение к реальности кармы, которое все же не произошло. Вследствие этого антропософия отступила назад - во время до Пятидесятницы. После смерти Штейнера антропософское движение так же пребывает между Вознесением и Пятидесятницей, как когда-то - апостолы Христа. Оно стоит перед вопросом, как из боли потери и из заботы о будущем может родиться дух, который огненным путем мог бы распространяться в мире.

Когда в человеке рождается дух, мы касаемся активности Уриила, имя которого означает - "Свет Божий". Уриил представляет Сатурн, сферу, которая связана с нашими глубочайшими интенциями, нашими кармическими импульсами. В этой сфере мы связываемся с другими, чтобы разрешать определенные кармические связи в нашей судьбе или вступать в новые. Уриил направляет на нас серьезный взгляд. Он делает, как сказал Штейнер 13 октября 1923 года, напоминающий жест, призывающий человека претворять свои ошибки в добродетели (GA 229). Это имеет место там, где мы - в обществе других. Тогда в связях между людьми могут возникать новые качества, которые коренятся в социальных и религиозных импульсах, исходящих от Уриила. Этими импульсами исполнены формы, инспирированные Гавриилом.

Новые мистерии Рождественского собрания открывают дверь в мир Уриила. Совершенно конкретно мы переживаем это на исследовательском пути, открытом Рудольфом Штейнером и Итой Вегман. В ночь пожара она понимала Штейнера и видела в отношении к нему свои ошибки и весьма незначительную помощь, которую она до сих пор ему оказывала. В этой ситуации - так я это переживаю - она стояла лицом к лицу перед тем, кто в эзотерической терминологии книги "Как достигнуть познания высших миров?" называется "большим стражем порога" и который являет нам, в свете Христа, нашу идеальную сущность. Это переживание освободило в ней сострадание И силы любви, которыми она могла полностью соединиться со Штейнером. В этот момент ее дух пробуждается и в ней зарождается то, что позднее становится вопросом о новых мистериях. Штейнер называл этот вопрос "вопросом Парсифаля"; он возникает вследствие того, что сострадание ведет нас к пониманию.

Путь индивидуального посвящения ведет сначала к конфронтационной встрече с "малым стражем порога", который показывает нам нашу истинную природу с ее отрицательными и положительными качествами. И напротив - пути исследования, осуществляемые в сообществах, имеют в качестве главного ориентира встречу с "большим стражем", который спрашивает нас о другом человеке и побуждает нас к тому, чтобы помогать ему и принимать его нашим существом. Каждая глубокая встреча с другим человеком, с которым мы хотим соединиться из социального импульса, позволяет в какой-то мере вспыхнуть встрече со Христом, который показывает нам конечную цель нашего развития, как человека. Это приводит нас к переживанию наших собственных несовершенств, и мы видим, что мы должны еще проработать в нас самих. На индивидуальном пути - наоборот: он начинается с переживания наших негативных сторон, а затем может вести к встрече с "большим стражем".

Различие между индивидуальным и социальным путями развития может быть проработано еще дальше. Индивидуальный путь представляется нам типично западным. Это означает также и то, что этот путь - скорее для мужчины или для человека с "мужской" душевной предрасположенностью. Он начинается с конфронтации с самим собой, которая, разумеется, сглаживается, насколько это возможно, но может выступить снова в конфликтах с людьми, с которыми мы живем и работаем. Если нам позволяет самовосприятие, мы можем сознательно идти социальным путем развития, на котором мы развиваем социальные силы. Социальный путь больше подходит для жителя восточной Европы, а также для женщин или "женских" типов души. Встреча со страданием других людей пробуждает у них социальный импульс помощи. Тогда может оказаться, что собственных сил недостаточно, что мы весьма несовершенны или приносим жертву без надлежащего развития личности. Мы тогда должны дальше работать над собой. В русском фольклоре во многих рассказах присутствует мотив встречи с "большим стражем": например крестьянин встречает на пути человека, который просит о помощи, и после того, как он получает эту помощь, он оказывается Самим Христом. В развитии каждой индивидуальности оба пути должны быть, в конце концов, сведены вместе.

При глубоких встречах в сфере Уриила дух начинает струиться между людьми; кажется - между ними сияет солнце. Святой, исцеляющий Дух в это время становится активным между людьми, и из таких встреч может родиться новое сознание, прежде лишь дремавшее в душах. Только в свете и тепле летнего солнца люди могут объединяться, чтобы основывать новую духовную культуру. Переживанием лета ход антропософии через времена года завершается.

На этом пути через времена года свое место в антропософии могут обрести представители течений четырех архангелов, каждый, естественно, со своим собственным подходом к социальному вопросу. Как связаны архангелы двумя осями - осью Михаила-Рафаила и осью Гавриила-Уриила, так же связаны и в антропософии группы их представителей. Группа Михаила несет внутренний огонь мышления, зажженный Штейнером в его "Философии свободы". Группа Гавриила представляет художественный элемент и принцип формирования, центры тяжести которых представлены Марией Штейнер-фон Сивере. Группа Рафаила обладает волей исцелять, которая жила в Ите Вегман. И, наконец, группа Уриила - изживает социальные и религиозные импульсы, которые мы находим у Альберта Штеффена, хотя его, по нашему мнению, едва ли можно назвать представителем импульса Уриила. Группа Уриила не получила в антропософии какого-либо ясного профиля. Частично ее можно обнаружить в движении социального триединства, в новых формах социальной работы и в определенных кругах христианской общины, и вне антропософского движения.

Эти четыре группы, в которых, естественно, не каждый антропософ найдет свое определенное место, должны объединиться, чтобы помочь антропософии вливаться в современную культуру. В конце XX столетия духовная ситуация радикально отличается от положения в начале столетия. В течение XX столетия социальный мир стал центром мистерий, в котором добрые и злые силы выступили открыто. Антропософия является скрытой мудростью, живущей в нас, в нашей душе, мудростью, которая хочет проявиться в нашем сознании, чтобы мы могли понимать происходящее вокруг нас и ориентироваться в мире. Тогда мы сможем развивать новую спиритуальную культуру, которая будет действовать исцеляющим образом в материалистическом мире.

Эта проблема имеет четыре аспекта, набросок которых сделан в этой главе. Сперва должен быть поставлен вопрос, как действует в социальном мире духовный мир. Затем следует рассмотреть вопрос, как мы можем понять нашу жизнь как драму-мистирию, в которой встречи с другими людьми приобретают все большее значение. В-третьих, нам следует выяснить, как мы можем научиться сотрудничать в группах и приводить в действие новые социальные процессы. И, наконец, речь пойдет о вопросе - какой путь развития мы можем найти в сотрудничестве друг с другом, чтобы активировать в нас социальные силы.

2. Духовный мир открывается

С конца XIX столетия духовный мир все больше проявляется в повседневной жизни. В то же время изменяется и наша внутренняя конституция. Это ведет к тому, что социальная жизнь все чаще ставит нас в ситуации, которые прежде имели место лишь в замкнутости храмов мистерий или на тщательно охраняемых внутренних путях духовного развития. Мы должны сознательно переживать эти посвятельные ситуации.

После первой мировой войны Штейнер часто говорил о бессознательном переходе всем человечеством порога духовного мира. Он имел в виду процесс, который состоялся между 1841 и 1879 годами, когда Михаил очистил околосемную сферу от злых, отставших властей. Низвержение их на землю восстановило связь между чувственным и сверхчувственным мирами. Кроме этого, с 1899 года - конца Кали-Юги, становится иной наша конституция, соотношение и качества наших тел. Наше жизненное, эфирное тело - медленно освобождается от нашего физического тела, и вследствие этого мы можем развивать новые способности восприятия духовного мира. Порог духовного мира начинает вследствие этого становиться прозрачным.

Этот переход порога имеет большие последствия; с начала XX столетия они еще не были столь очевидными. Переход этот определенным образом подводит к тому, что три

душевные силы - мышление, чувствование и воля, которые прежде еще были естественным образом связаны друг с другом -отделяются друг от друга. Это переживание распада душевных сил может приводить человека в замешательство, так как могут выступить мысли, чувства и волевые импульсы, полностью противоречащие друг другу. И это принуждает современного человека сознательно контролировать душевные силы и восстанавливать гармонию в душе.

Иное развитие происходит в социальной жизни. Старое, инстинктивное триединство социального организма в XIX столетии разладилось. Духовная, правовая и экономическая жизнь в унитарном государстве были сведены вместе и теперь должны быть снова сознательно разделены. 14 декабря 1919 года Штейнер сообщает: "Силы человеческого развития, которые бессознательно вели человека к прогрессу - исчерпаны, и приблизительно к середине текущего столетия совершенно иссякнут." (GA 194). Исчезновение социальных сил освобождает место эгоизму. В этой связи 15 ноября 1919 года Штейнер говорит о национальном шовинизме, который разделяет людей на все меньшие группировки (GA 191). 6 августа 1921 года он предупреждает, что без спиритуального импульса мы в конце XX столетия предстанем перед войной всех против всех (GA 206). И 2 апреля 1923 года: "Смогут ли силы упадка, которые вошли в человеческое развитие, снова быть преобразованы в силы подъема - зависит прежде всего от внедрения импульса триединства." (GA 223). Без нового, сознательно построенного порядка и внутреннего мир человека, и социальный мир - впадают в хаос. Как было отмечено ранее, порядок в социальной жизни поддерживает гармонию также и душевных сил.

В XX столетии многие переживают вторжение в сознание неизвестных сил. Вдруг кто-то видит существо, которого другие вокруг него не воспринимают. Иногда это происходит с детьми, и они могут переживать как ангельских существ, так и существ с недобрыми обликами. Или же кто-то оказывается ввергнутым в необъяснимое, навязчивое состояние и впадает от этого в панику; одни воспринимают свои собственные аспекты, которые они признают весьма неохотно, другие - воспринимают демонические силы и могут становиться настолько ими одержимыми, что это можно прочесть на их лицах.

Речь здесь идет о силах из подсознательной душевной жизни или из внешнего мира, которые ранее не проникали в сознание, но теперь приходят к нам из-за порога духовного мира. Люди реагируют на это по-разному -страхами, нервозностью, депрессиями, бегством в наркоманию, слепой агрессивностью или переживаниями неопределенной тоски или тревоги. Иногда из этого возникают неврозы, психозы и другие состояния, с которыми приходится обращаться к психиатру. Многие в этих случаях могли бы помочь себе сознательным упорядочиванием и укреплением душевной жизни силами высшего Я. Штейнер уже 30 мая 1907 года говорил о тяжелых нервных заболеваниях и об эпидемиях безумия, чему, как кармическому последствию материализма, могут подвергнуться все нации (GA 99). Только духовные импульсы могут сознательно вести нас через порог и действовать исцеляюще (например, при эпидемиях национализма и религиозного фундаментализма).

В XX столетии врата в миры света и тьмы - открыты. Это - начало Апокалипсиса, описанное в Откровении Иоанна. Темные силы овладели человечеством, но мир добрых сил также стал более доступным. Человек стоит между миром добра и миром зла. Созаем мы это, или нет - граница между небом и адом проходит через наше сердце. Современная культура особое внимание уделяет темным силам. Они вступают в наши души через телевидение и манипулируют полуспящими массами. К примеру - рок-концерт являет нам яркую картину сил душевной преисподней.

Открываются нам также и добрые силы. В отличие от темных сил, которые, если они стали действовать в группе, прогнать нелегко, добрые силы уважают нашу свободу и если мы их не осознаем, они незаметно исчезают. -С 1910 года Штейнер говорит о явлении Христа в сфере жизненных сил Земли (в ее "эфирной сфере"). Это переживание второго пришествия должно было начаться, примерно около 1933 года - сначала у немногих, но затем все больше людей будут переживать встречи со Христом в эфирном мире. 1 октября 1911 года (GA 130) Штейнер примерно описал, как это могло бы осуществиться. Христос придет помочь, утешить и посоветовать людям, которые впали в отчаяние, и тем, которые

глубоко сочувствуют страданиям других; или тем, кто ищет решения проблем в тесной связи друг с другом. В таких ситуациях мы можем вдруг ощутить Его присутствие или даже видеть кого-то, который скажет нечто и исчезает. И здесь очень важно понимать происходящее в этот момент. В 1933 году подъем национал-социализма затемнил эфирную сферу Христа, но все же много людей всюду в мире в экзистенциальных узловых ситуациях своей жизни испытали помощь, утешение и исцеляющее воздействие Христа. Наша измененная телесно-душевная конституция позволит нам развить новые ясновидческие способности, с которыми мы можем сформировать орган восприятия Его и Его деятельности в эфирной сфере. Упражнение и укрепление сознания также может в этом помочь.

По мере постепенного откровения духовного мира - социальный мир становится ареной новых духовных переживаний. Переживания, возможные рапсе лишь на пути посвящения - происходят теперь во всей жизни. То, что Штейнер описал в книге "Как достигнуть познания высших миров?", мы все больше встречаем в повседневной жизни. В помощи, которую он предлагает в этой книге в форме пути подготовки души, сегодня нуждается каждый. Сейчас в повседневной жизни человек постоянно проходит такие испытания, которые раньше составляли: часть пути посвящения. Люди, уже вставшие на этот путь, встречают жизнь более сознательно и обладают доверием к себе, мужеством и стойкостью, самообладанием и силой суждения, а также - присутствием духа.

Иногда человек может переживать расщепление личности, когда мышление, чувство и воля - разделяются. Это происходит также на пути современного посвящения, на пути антропософии, когда человек сознательно приближается к порогу духовного мира. На пороге этого мира стоит "малый страж", который воплощает все, что мы еще не просветлили и не преобразили силами нашего высшего Я. Во всевозможных "аспектах двойника", которые представляют наши негативные и еще не изученные стороны, мы встречаем этого стража и в повседневной жизни. Это касается также "большого стража", который являет наш чистый будущий образ, из которого к нам обращается Христос, чтобы указать нам нашу задачу по отношению к другому человеку.

Эти переживания приобретают все большую реальность в ходе новых мистерий, в которых мы сознательно соединяемся с духовным миром. В новых мистериях мы переживаем эти встречи со стражами сознательно и на этом учимся. Помимо помощи, которая при этом приходит к нам от других, мы должны прежде всего учиться: приводить в движение собственные душевные силы. Особенно важно, чтобы мы понимали, что происходит, и чтобы мы составляли себе об этом ясное суждение. Тогда мы постепенно научимся понимать повседневную жизнь как драму-мистирию, мистирию совместного духовного развития.

3. Повседневная жизнь как драма-мистирия

В интервью еженедельнику "Шпигель" об антропософии известный немецкий художник Йозеф Бойс в 1984 году заявил: "Мистерии происходят на вокзале, а не в Гётеануме". Многие антропософы еще должны к этому привыкать. Повседневная жизнь стала местом встречи добрых и злых сил, и каждый человек причастен к этой конфронтации. Большей частью ситуация так запутана, что мы не вполне отдаем себе отчет, какие силы мы здесь воспринимаем. Много лет мы переживали драму "холодной войны": одна сторона представлялась доброй, другая - злой, и обе были ввязаны в дьявольскую гонку вооружений. Когда эта "война" наконец закончилась, на мировой сцене разыгралась новая драма: война в Персидском заливе и затем в Югославии. С помощью средств массовой информации душам сотен миллионов людей навязывался в определенном настроении псевдovýбор между добром и злом.

Не только на уровне большой политики столь нелегко получить картину истинного положения дел, идентифицируя при этом действительные силы, чтобы совершить моральный выбор. Зачастую это так же трудно сделать в нашем непосредственном окружении. В нашем общении с другими часто скрыто, исподволь, возникают конфликты, напряженность и непонимание. И многие, чья жизнь ввергнута в хаос, вдруг констатируют, что они не знают собственно, чего они хотят и не понимают, что с ними случилось;

ежедневная жизнь для многих потеряла внутреннюю связь. В начале XX столетия, когда жизнь в целом протекала еще в русле традиций и регулировалась социальными инстинктами, такое едва ли было возможным.

Вот почему теософы, с которыми Штейнер был связан с начала своей антропософской деятельности, испытывали слабую потребность заниматься конкретно своей кармой. По большей мере они были заинтересованы только своим духовным развитием. Как свои личные дела, так и дела других были для них несущественны, и они не питали особого интереса к тому, что разыгрывается между людьми. Штейнер не мог их подвести к практическим кармическим упражнениям. Однако для них все же оказалось доступным драматическое изображение душевного развития в кругу людей, кармически связанных менаду собой, которое Штейнер воспроизвел в четырех драмах-мистериях между 1910 и 1913 годами. Эти драмы в художественных образах показывают законы кармы и пути развития души.

Но затем следовало совершить прыжок от сцены к жизни. Все больше людей становятся посвященными самой жизнью и неожиданно оказываются перед испытаниями, к которым они в своем уединении не имели возможности подготовиться, как это происходило прежде. Мы должны пробуждаться в каждой ситуации и помогать друг другу приходиться к суждению. Таков смысл ответа, который дал Штейнер молодым людям, которые спросили его, в конце его жизни, что они должны делать в своих группах. Он сказал им тогда, что они должны говорить друг с другом о своих духовных переживаниях. Когда же они ответили, что таковых у них еще не было, им пришлось от него услышать, что духовные переживания у них бывают каждый день, но они позволяют им проходить незамеченными.

Что это означает? Каждый переживает ситуации, в которых его дух на короткое время пробуждается: в душе возникает предположение, вопрос или прозрение, или мы вдохновлены неким идеалом; или говорит наша совесть; или мы чувствуем связь с духовным существом; или нас пробудил определенный образ, имеющий для нас особое значение. Каждый имеет такие переживания, если он для этого открыт. Мы можем также ощущать действие эфирного Христа в нашей жизни, а также то, как наш ангел сопровождает нас в нашей жизни и вызывает определенные повороты судьбы. Упражнениями мы можем развивать наши способности восприятия еще дальше, пока мы постепенно не сможем, в медитативной жизни, воспринимать в наше сознание имажинации, инспирации и интуиции из духовного мира.

Повседневная жизнь насыщена событиями, в которых могут возникать духовные переживания, переводящие нас через порог духовного мира. Это могут быть: потребление наркотиков, кризисные ситуации, душевные потрясения, болезни, безработица, одиночество или смерть, а также творческие моменты и религиозные переживания. Драмы-мистерии Штейнера могут при этом служить примером. Духовный наставник истолковывал переживания персонажей, тогда как мы - сами должны находить свой путь сквозь лабиринт жизни между противоборствующими силами. Мы должны в беседе друг с другом объяснять наш духовный опыт, учиться очень конкретно понимать процессы развития души и духа и стремиться сделать хитросплетения нашей жизни прозрачными.

Антропософской литературе недостает ясного обозрения процессов, которые касаются нашего душевного развития (в мужском и женском вариантах) и которые ведут к рождению человеческого духа. Изучение может быть полезным, но мы должны достичь этого в конкретных ситуациях повседневной жизни. Наследие Рудольфа Штейнера многому может в этом: помочь, но оно должно еще найти путь из мира идей к области конкретного опыта. Оно должно быть пройдено собственной душой и жить как собственная, добытая нами самими антропософия, прежде чем обретет свое истинное значение.

Со времен Штейнера много авторов писали с возрастающей наглядностью о развитии души и его отклонениях; назовем здесь Зейльманса ван Эммиховена, Бернарда Ливехуда и Рудольфа Трайхлера. Но пробуждение духа, с другой стороны - еще почти неизвестная территория. Если и говорится о духе или высшем: Я, то зачастую - весьма абстрактно и без всякого отношения к душевным процессам, которые все же должны поддерживать деятельность духа. - Социальные импульсы также возникают в нас не сами собой. Для этого необходим длительный путь подготовки души. До тех пор, пока мы не развили достаточно нашу душу и еще не интегрировали "мужское" и "женское" начала в нас самих,

разговор о "высшем" в человеке остается по меньшей мере абстрактным. Тогда у нас еще нет ключа к пониманию мистерии, происходящей в повседневной жизни.

В уже упомянутых докладах от 27 февраля и от 3 марта 1923 года о построении антропософской общности Штейнер говорил о том, что в XX столетии все сильнее будет выступать потребность пробудиться в другом человеке и о необходимости, становиться для другого человека тем, в ком может пробудиться этот другой. Индивидуальный путь становится все труднее по мере того, как люди со своей личностью, со своим эго - оказываются в тупике, Они ищут встречи друг с другом, но из-за анти- и асоциальных склонностей это становится все более трудным.

Пробуждение в присутствии другого и в другом - постепенный процесс, который может состояться в действительных встречах. В своих докладах Штейнер описывает ситуацию, в которой, если кто-то говорит, то другие люди пробуждаются его словами или в дальнейшей беседе с ним. В зависимости от того, насколько сказанное слово пронизано силами сердца, наступает пробуждение из сферы идей в мир непосредственных переживаний. Это имеет значение также для импульсов другого человека, в котором мы можем пробудиться. Мы: должны пережить их, прежде чем мы сможем сознательно их принимать. Чтобы прийти к действительному переживанию, мы должны быть в состоянии оживлять идеи и импульсы в нашем чувстве.

Истинно также и то, что мы можем по-настоящему пробудиться, лишь будучи уже хорошо связанными с нашей душой и с нашим! телом. В первый 21 год нашей жизни мы осваиваем всяческие возможности, предлагаемые нам нашей телесностью (физической, эфирной и астральной). Затем развивается наша душа. При этом возникает наша личность с ее anti- и асоциальными склонностями, которая, тем не менее, дает нам возможность занять наше собственное место в мире. Каждый развивает свою собственную односторонность и достигает, наконец, предела, дальше которого он уже не идет. У некоторых этот предел может лежать уже на ранней стадии развития, так что большая часть души остается неразвитой и уже не осознаваемой. Другие все больше замыкаются в своей личности и начинают чувствовать себя одиноко. В этой ситуации в середине жизни, в возрасте около тридцати пяти лет, в душе может проявиться активность новый источник сил: высшее Я, которое создает для себя пространство в душе; так что в возрасте около 40 лет в душе может родиться индивидуальный дух. И в дальнейшем, согласно Штейнеру, дух оказывает гармонизирующее и интегрирующее влияние на проблемы мужской и женской односторонности человеческой души.

То, что в нас может родиться дух и это может становиться в нашей душе праздником Пятидесятницы, стало возможным лишь со времени мистерии Голгофы. До этого момента дух действовал извне, теперь же дух может действовать изнутри и пробуждаться в нас как индивидуальный дух. В нашем духовном деятельном бытии мы можем постоянным расширением сознания достигать свободы и становиться новыми людьми. Апостол Павел впервые указал на этого "нового человека" в нас. "Древний человек" в нас связан тройственной телесностью. Новый человек - "духовное дитя в душевном лоне". Чтобы смочь родить это дитя в эфирном сердце, мы должны отпустить древнего человека и дать ему умереть (что означает - прохождение через Голгофу) и соединиться с ребенком, с силами детства в нас самих. Сила воскресения Христа делает возможным этот процесс преобразования старого в новое, несвободного - в свободное. Если наше самосознание в середине нашей жизни укрепилось, мы можем проводить этот процесс более сознательно. Сначала должно быть расширено наше сознание, и это происходит также тогда, когда мы пробуждаемся в другом человеке; но с пробуждением нашего индивидуального духа пробуждаются также социальные силы в нас. Тогда мы можем сознательно принимать другого в нас, и ставить друг другу в беседе правильные, пробуждающие вопросы. Чтобы быть социальным и открытым для других, мы должны тем не менее сначала сформировать наше собственное душевное пространство, т.е. развить нашу собственную личность.

В этой связи мы можем говорить также о "старой" и "новой" антропософии. "Старую" антропософию мы принимаем извне, от авторитета. "Новая" антропософия - Излучается из наших сердец вовне, как результат нашей собственной духовной деятельности, как лично усвоенная антропософия, осуществляя себя в социальной жизни.

События драмы-мистерии повседневной жизни касаются наших собственных душевных

процессов, преобразования старого в новое. Каждая ситуация может одарить нас новым озарением, которым мы в большой степени обязаны другим. В зависимости от нашего самосознания в этот момент, для нас становятся более или менее отчетливыми наши несовершенства. В конфликтах с другими эти взаимные несовершенства часто играют очень большую роль. Нас раздражают наши собственные негативные аспекты, которые мы спроецировали на других и которых в себе мы не желаем видеть. Эти аспекты образуют наш "двойник", который находится в тех областях нашей тройственной, телесности, которые еще не соединены с нашим Я. Двойники постоянно всплывают в межличностных отношениях. В этих, время от времени возникающих трениях между нами мы учимся овладевать конфликтными ситуациями. Они могут способствовать нашему пробуждению II наводить порядок в нашем "собственном доме". Каждая конфликтная ситуация - еще одна возможность внутреннего развития.

Современное развитие души ведет нас через конфликты с другими и борьбу с несовершенством в нас самих. В этих очистительных процессах именно из несовершенств возникают новые духовные силы. Среди задач нашего времени - понять и принять также глубины и темные стороны пашей души. Мы должны признать также наш эгоизм, чтобы понять и нашу ответственность по отношению к другому человеку. Только тогда мы можем быть сознательно социальными. Мы должны также учиться сознательно иметь дело с силами подсознания. Иначе они останутся бессознательно действующими в нас. Чем больше человек духовно развивается, тем глубже он должен спускаться в собственную душевную "преисподнюю", чтобы в свете сознания морально управлять этими силами.

Во встрече с другим человеком могут освещаться совершенно новые аспекты повседневной жизни, в том числе и в сфере кармы. Встреча предлагает особые возможности, чтобы пролить свет на вещи, происходящие с нами. Когда мы рассказываем другим, что мы переживаем, то в беседе об этом события могут проясняться. Другой человек может помочь, вживаясь в нашу ситуацию. Так постепенно мы можем прояснять все более обширные области повседневной жизни и вследствие этого обретать в своей жизни силу и устойчивость.

Рассказывая о нашей жизни другому человеку, мы можем лучше понимать, что происходило в нашей жизни и в чем смысл определенных событий. Мы можем тогда по-новому упорядочивать нашу жизнь и освободить путь для новых ее этапов, на которых мы будем действовать более сознательно. Таким образом, мы можем открыть нечто от кармы, от судьбы, которая действовала между нами и другими; мы тогда можем несколько упорядочивать наши отношения с другими и учимся сотрудничать и создавать возможности новых, сознательных кармических связей. В действительных встречах мы учимся ставить друг другу более глубокие вопросы. В вопросах, которые другой человек задает мне, может высказываться моя карма; в вопросах, которые ему задаю я - может высказываться его карма. Когда я выхожу на глубокие вопросы другого человека, с которым я чувствую себя связанным, моя жизнь может измениться. Такие вопросы не приходят случайно - они возникают только, если мы глубоко связаны с другим человеком.

Встречи имеют определенный прообраз, который возникает чаще всего лишь в ходе целого ряда встреч. Каждая встреча начинается подготовкой. Мы приспособляемся к другому человеку, готовим для него внутреннее пространство, принимаем его в себя, как он является нам внешне и задаем ему вопрос. Затем мы слушаем с благоговением и терпимостью, что он нам скажет. Другой человек наполняет при этом наше сознание и оставляет там образ самого себя и своей ситуации. Позднее, в третьей фазе, мы можем внутренне обработать этот образ, воспринять его духовную действительность, которая выражается в этом образе, и получить первую идею кармы, которая выражается в этой ситуации или существует между нами. Кармическими упражнениями мы можем еще более углубить это впечатление (об этом можно прочесть в докладе Штейнера от 9 мая 1924 года, GA 236). Наконец, мы в состоянии возратить то, что мы восприняли и внутренне проработали, или присоединить к этому совместную деятельность. Мы можем то, что мы услышали и поняли, выразить в словах, так что и другой человек может это воспринять, как верное или неверное. И мы имеем возможность исходя из обстоятельств встречи действовать в свободе, создавая новую карму.

Встреча может быть взаимной, когда мы одинаково вслушиваемся в слова друг друга,

или в определенной степени односторонней, если другой человек хочет только нечто сообщить и объяснить. Это имеет место также и при новых формах душевно-социальной работы, когда люди хотят создать образ своей биографии или нуждаются в терапевтическом уходе. В биографической беседе мы можем рассказывать другому историю своей жизни, так что мы можем упорядочивать события, можем различать фазы жизни, делая душевную жизнь более осознанной, и можем раскрывать смысл событий или дел, которые мы не можем или не хотим понять. Таким образом, мы можем обретать новые силы для дальнейшего развития. Другой человек помогает нам в этом, рисуя картину нашей жизни и демонстрируя ее нам. В беседе мы можем помочь другому в смысле социального импульса тем, что его дух пробуждается и он реализует в своей жизни нечто новое. Если это удастся, он может с новыми силами действовать дальше и уже по-новому упорядочивать свою судьбу. Еще больше требуется от нас, если мы хотим терапевтически сопровождать другого человека на его пути, так как мы должны тогда частично замещать его Я-функции. В обеих ситуациях односторонность до определенной степени преодолевается взаимной доверительной беседой, в которой мы проявляем также и себя, лучше познавая самих себя через другого - как в нашем несовершенстве и ограниченности, так и в наших реальных возможностях.

В той мере, в которой мы можем отдаваться встрече с другим человеком, встреча получает характер таинства и культового пути, какой мы находим также в литургии. В каждом качании маятника социального прафеномена, при каждом жесте засыпания в другом человеке - мы переходим порог духовного мира. Другой человек вводит нас в духовный мир. Если мы научаемся сознательно выполнять эти движения в беседе и в пробуждении удерживать то, что мы услышали в фазе засыпания в другом человеке, встреча с другим может стать неистощимым источником духовного опыта и прозрений. Вследствие этого становится возможным более глубокий способ формирования общности, чем тот, о котором говорил Штейнер еще в 1923 году. Это - общность будущего, возникающая между людьми, которые из глубокой моральности и внутреннего переживания собираются вместе во имя Христа. К этому формированию общности мы еще вернемся в последней главе.

Движимые социальными импульсами, люди во встречах и в сотрудничестве могут становиться на сторону друг друга, и оказывать друг на друга целящее воздействие. Они могут друг друга поддерживать и помогать друг другу в их карме. Такая общность может помочь индивидуальности нести ее карму. Кто имеет другого в своих мыслях, молится за него, создает себе его образ из того, что он несет в душе как волевой импульс, этим он может помочь другому человеку, если в определенные моменты жизни тот больше не знает, чего он действительно хочет. Мы тогда придерживаемся жизненной задачи другого человека, которую мы восприняли в ходе встречи. Когда мы становимся для другого спутником и товарищем по судьбе, драма-мистерия повседневной жизни приобретает совершенно другой характер. Жизнь становится более прозрачной, и мы можем играть в ней более сознательную роль благодаря помощи, которую мы получаем друг от друга.

В социальных отношениях тогда возникают новые качества, позволяющие людям содействовать большему самопознанию и самосознанию и вследствие этого приводящие к духовному опыту. Это могло бы быть смыслом современного Партнерства, в котором два человека взаимно поддерживают друг друга в процессе роста. В кельтском христианстве существовали отношения, которые назывались "душевная дружба". Монах дружил с монашенкой как душевной сестрой и наоборот; они помогали друг другу на их пути ко Христу. Говоря на современном языке - они любовно "отражали" друг друга. В более поздние средние века мы видим этот феномен в дружбе Франциска Асизского и Клары, Абеяра и Элоизы, трубадура и его дамы, и так далее. Сегодня такие отношения между людьми становятся все более важными для развития души и для живого отношения к духовному миру. Они показывают нам малые "места мистерий", созданные двумя людьми и указывают на совершенно новые формы сотрудничества, которое может охватывать и больше людей.

4. *Учиться сотрудничеству*

В новых мистериях нельзя быть антропософом только для себя. Мы должны сотрудничать; прогресс в социальной жизни может произойти только благодаря ассоциациям. При этом возникают совершенно новые возможности. Как, к примеру, Штейнер и Ита Вегман вместе писали книгу об антропософской медицине. Они совместно обсуждали темы, затем Вегман писала первую версию, которая затем прорабатывалась Штейнером. Он хотел, чтобы новая медицина проходила через ее душу и формулировалась в ее сознании, еще не искаженном интеллектуализмом. Здесь мы видим новые мистерии в действии: двое (или больше) людей посвящают друг друга в определенную область духовного опыта. Духовное восприятие одного находит отклик при этом в душе другого и ведет к новым прозрениям. Отношение учитель-ученик здесь исчезает.

В новых мистериях мы должны медитативно заложить Камень Основы: в собственное сердце и на этом Камне строить группы сотрудничающих антропософов; на это указывал Рудольф Штейнер в последний День Рождественского собрания. Духовный Гетеанум может строиться так повсюду. В тех местах, где работают эти группы, они могут строить духовно-социальные храмы мистерий будущего. И туда может вступать существо Антропософии, инспирируя их.

Тем не менее, основывать такие культурные острова - весьма непросто. Идеи и волевые импульсы - всегда сталкиваются друг с другом, где встречаются люди. Здесь также надо находить путь к сердцам, где идеи могут переживаться нашей внутренней мудростью, а волевые импульсы - соединяться с чувством. В пространстве наших сердец мы можем встретить другого человека с глубоким интересом к нему. В наших сердцах один человек может жить в другом. И основание для построения сообществ, которое необходимо для новых мистерий заключается в новом качестве наших встреч.

Есть люди, интенсивно живущие в мире идей и лишь с трудом переходящие от этих идей к деяниям. Здесь встречи необходимы, чтобы перевести идеи в сферу переживания, чувства. Тогда идеи могут спускаться еще дальше, до воли, где они ведут к практической деятельности. В сфере идей есть вообще все; дело в том, что мы должны эти идеи усвоить и соединиться с ними в наших сердцах, чтобы они могли стать плодотворными для практики. Другие люди - больше склонны к практике и устремляются вперед со своими волевыми импульсами. Чтобы смочь разделить эти импульсы с другими, они должны прибегнуть к беседе, чтобы другие могли присоединиться к ним в своих чувствах. Тогда эти импульсы могут быть выражены в словах и поняты всеми участниками беседы. Так между идеями и волевыми импульсами может возникнуть непрерывное движение, проходящее через сферу чувства, где люди связаны друг с другом.

Эта сфера чувства - не свободна от симпатий и антипатий, и поэтому мы здесь всегда находим конфликты, которые, естественно, также имеют место при столкновении идей и волевых импульсов. В жизни чувств мы имеем возможность преобразовать симпатии и антипатии в глубокий интерес, но для этого необходим высокий уровень самосознания. Вследствие этого в группе возникает атмосфера, где живут силы сердца и где члены группы находят силы удержаться вместе в попытках понять друг друга и себя, согласовать идеи друг с другом и найти общий импульс к действию. Без такой атмосферы группы долго не существуют. Если же эта атмосфера существует, то между людьми может возникнуть доверие, и они могут познавать друг друга во всем их своеобразии. Особо важно, чтобы здесь "мужское" и "женское" начала в нас самих и каждой другой души взаимно познавались во всем его своеобразии, так как именно это является основанием для любого человеческого сотрудничества.

Одни группы преимущественно концентрируются на развитии идей, другие - на осуществлении определенных импульсов. Такие изучающие и инициативные группы не могут существовать, если в них в сфере встречи не культивируется жизнь общения. В группах третьего рода заботятся только об этой жизни общения: это - социальная группа, в которой люди собираются, чтобы встретить и узнать друг друга. Самыми различными способами люди в этих группах знакомятся с самими собой, вплоть до собственной кармы. Встречая другого человека, мы постепенно выходим на след собственной кармы и кармы другого. Мы знакомимся с людьми с совершенно различными намерениями. Во встрече с другим человеком нам открывается, как в образе другого человека может высказываться

то, насколько другой (да и мы сами) находится в плену старой кармы и как может завязаться новая карма. Мы учимся смотреть сквозь двойника другого человека и видеть его действительное существо, которое хочет реализоваться. В конфронтации с другим мы можем, если мы бодрствуем, также наблюдать некоторые аспекты нашего собственного двойника.

То, что мы так переживаем в группах, постоянно предоставляет нам новые возможности оглянуться назад и учиться на собственном опыте. Это также помогает нам понимать других и объединяться с ними, особенно если они поведали нам о своей жизни и личном развитии. Мы начинаем тогда понимать, почему другие люди таковы, как они есть, и что в них живет.

Когда мы живем и работаем с другими людьми, мы находимся в сфере права, ибо мы должны устанавливать с ними наши отношения. В праве речь идет не об индивидуальном человеке и его личных моральных интуициях, но

о взаимной защите людей. Сфера права не является самоочевидной. Она существует только там, где люди осознают друг друга и могут видеть друг друга как равных при всем их своеобразии. Только сознательно воспринимая друг друга, мы можем развивать правовое чувство и правосознание. Поэтому мы должны культивировать взаимодействие между людьми. Но в больших объединениях для этого часто не хватает времени. Мы видим тогда других преимущественно в их компетентности и способностях или в их отрицательных аспектах, но мы не видим их в их чисто человеческих качествах, которые становятся видимыми только во встречах. В правовой жизни мы переживаем переход порога, так как мы временно должны покинуть позицию нашего эго, чтобы перенести себя в другого человека. Многие не хотят переживать этот "момент смерти", и не желают отказываться от контроля над ситуацией.

Там, где во встречах между людьми правовая жизнь не коренится в сознании фундаментального равенства, ситуация подпадает под власть компетентности и интересов. Это можно наблюдать при необходимости вынесения решений. Являются ли все участники равноценными партнерами, или люди решают в силу своей компетентности или руководясь интересами? В этих случаях в правовую жизнь врываются асоциальные силы (компетентность, способности, идеи) или антисоциальные силы (интересы, эгоизм, деньги). В большинстве случаев мы этого ясно не осознаем, но из нарушенного правового чувства возникает отчетливое неприятное ощущение и сознательная склонность противодействовать тому, что решалось таким образом.

Во встречах с другими мы можем учиться это воспринимать и тем самым пробуждать правосознание. Чтобы защищать правовую сферу, мы нуждаемся в социальном триединстве. Идея эта сама по себе еще никакой действенной силы не представляет. Она может действовать, лишь опираясь на определенный опыт и конкретные возможности. Сам Штейнер обратил внимание на социальное триединство лишь как на ответ на жизненные вопросы, которые он в тот момент воспринимал, и в пределах возможностей тогдашней ситуации. В сегодняшней ситуации мы уже можем собрать очень важный опыт в мезо-социальном триединстве, в конкретных культурных и экономических инициативах. Можем ли мы правильно общаться друг с другом, можем ли мы переживать друг друга как равных, можем ли мы активировать правовую жизнь? На макро-уровне мы можем из актуальных политических вопросов предпринимать акции, чтобы пробудить правосознание и влиять на политические решения. Основание этой работы лежит в том, что мы учимся сотрудничать и учимся открывать другого человека как собственно источник права.

Чтобы работать в триединой социальной структуре, которая построена из новой правовой жизни, нам еще не обязательно быть социальными (или морально совершенными). Последнее стоит перед нами на нашем собственном пути духовного развития как возможность. Да никто и не может принуждать нас быть социальными. Социальное триединство ограничивается тем, чтобы заботиться о том, чтобы могли быть социальными наши отношения к нашему сотоварищу. Конечно, оно может поддерживать нас в том, чтобы мы становились социальными и развивали социальные импульсы. Триединство нас тем не менее ни к чему не принуждает и оставляет нас свободными в его содержательном формировании. Триединство хочет создать возможность наличия свободной от господства правовой сферы, где в процессе формирования решений люди

могут переживать себя по отношению друг к другу как равные. В духовной жизни и в хозяйственной жизни равенство, как принцип - не существует. Это области *свободы* (в духовной жизни) и *братства* (в хозяйственной жизни).

В жизненном или производственном сообществе правовая жизнь с развитыми формами и структурами возникает не вдруг. Она может возникнуть только в течение времени, после того, как в жизнь войдет правосознание. Социальный процесс создает собственные социальные формы: совещания, договоренности, правила, процедуры, законы. Сначала они подвижны, пока не наступит застой и они не станут окончательно формализованными. Социальный процесс вязнет тогда в бюрократической рутине. Когда исчезает подвижность, правосознание должно снова активироваться по-новому. Ясно, что построение социальных форм, которые отражают социальное поведение людей и поддерживают активность правосознания, является социальным искусством, которому следует учиться. Как однажды отметил Рудольф Штейнер, это - королевское искусство.

Сначала мы часто склонны выводить правила из рассудка или из делового интереса, пока не открываем, что мы далее не можем жить с определенной договоренностью и у нас возникает вопрос - нельзя ли ее упразднить. Тем не менее, исходным пунктом должен быть вопрос: может ли другой, для которого форма создается, также в ней жить и защищен ли он этой формой от моих анти- и асоциальных наклонностей. Так что суть дела - в моем социальном поведении по отношению к другому, которое выражается в определенной форме. Эта форма, например - правило, что я чего-то не должен делать - ставит меня перед свершившимся фактом. Наталкиваясь на это, я осознаю мою неспособность придерживаться этого и могу на этом воспитываться. В прежние времена правила и законы давались людям "сверху", воспитывая их таким образом. Теперь они должны приходиться изнутри, и мы, также и в социальной жизни, должны воспитывать себя сами.

Но в наше время присоединяется еще кое-что, ставящее под вопрос все юридическое мышление будущего. Это голос совести, заменяющий поток законов. Совесть возникла лишь в первые столетия перед Р.Х. как орган восприятия Христа. Она является голосом Христа в нас, и вместе с тем - также голосом в нас другого человека. Если мы плохо ведем себя в социальном процессе по отношению к другому человеку, мы не только поступаем против правил, но слышим также голос совести. Мы можем видеть здесь жест Уриила, который напоминает нам о необходимости пресуществления наших ошибок в добродетели. В этой связи 12 октября 1923 года Штейнер сказал, что Уриил таким образом активизирует историческую совесть (GA 229). Из этого возникает "внутреннее" право, которое в будущем сделает внешнее право и правовую жизнь излишними.

В социальных процессах мы время от времени обнаруживаем, сколь неудовлетворительно наше социальное поведение. И эти несовершенства могут играть роль аспектов нашего двойника. Социальный процесс - непрерывная практика, в которой мы конфронтируем с самим собой и это дает нам шанс пробудиться. Все же мы никого не можем принуждать быть социальным, решение быть социальным касается только нас самих. Это решение открывает перед нами два пути, дополняющие друг друга: путь внешнего права и путь права внутреннего. Мы можем устанавливать правила, чтобы напоминать другим об их анти- и асоциальном поведении и соответственно самим выслушивать такое напоминание (например, от блюстителя правил и договоренностей). Но мы никогда не сможем полностью связать всех двойников договоренностями и правилами. Поэтому дело в том, как долго другие хотят и могут нас переносить, и наоборот. Путь внутреннего закона гораздо более труден. Люди должны тогда переносить друг друга с их несовершенствами и стремиться рассматривать несовершенства других как свои собственные. Это будущий путь: восприятие у других добрых намерений, прощения и перенесения ошибок и несовершенств других. На "том пути мы учимся принимать несовершенство других как вполне человеческую черту, зная, насколько трудно изменить что-либо в нас самих. Возможно, мы так учимся быть вместе с людьми, которых мы, собственно, совсем не можем любить.

Мы также видим, как сильно люди меняются в социальных процессах, являясь "попутчиками" друг друга и учась лучше понимать друг друга. Мы можем пробуждать друг друга и приходиться к осознанию нашего несовершенства в социальной жизни. Иногда нам удается достичь таких моментов осознания на специальных семинарах или с помощью

практических социальных упражнений. Такие упражнения сами по себе социальными нас не сделают, но ставят нас перед самим собой. Это, естественно, может происходить только в атмосфере свободы, и не может иметь целью привести нас к приспособленному поведению и к социальным способностям. Социальные способности являются стратегиями эго, чтобы лучше управлять социальной жизнью. В социальной жизни мы сами ответственны по отношению к другим, и никто не может нами манипулировать. Сама социальная жизнь является настоящей школой для развития социального поведения изнутри, например - в форме нового социального отношения.

С построением правовой области - середины между духовным и экономическим аспектами жизни, совместная работа и совместная жизнь обретает сердце, где все протекает совместно и где люди могут сообща принимать решения. Тем не менее это не просто, всегда сознать - какой вопрос является в данный момент правовым вопросом, т. е. какой вопрос касается всех. Только осознавая это, мы можем считать целое триединым.

Силы из прошлого действуют вплоть до современности. Принципы власти и иерархии, ранее, возможно - еще в начале XX столетия бывшие правомерными, сегодня разрушают все социальные процессы. Они не допускают ни действительных встреч, ни возникновения свободного правосознания. Эти принципы власти и иерархии все еще действуют, как нечто само собой разумеющееся, даже в антропософских инициативах, и могут быть преодолены только социальным триединством. По мере того, как это происходит, очеловечивается правовая жизнь. Не случайно, что Штейнер говорил именно о праве на самоопределение свободных индивидуальностей, когда Вильсон в 1917 году говорил о праве народов на самоопределение. Речь здесь идет о свободном человеке, который освобождается от какого-либо авторитета и иерархии в правовой жизни и любой формы рабства в трудовых отношениях. Импульс движения демократизации на Западе в шестидесятые годы пришел в антропософские учреждения с большим опозданием и зачастую едва ли там осуществлялся.

В условиях демократического права никто не может действовать в организациях самовольно, не учитывая воли других. Все должно быть регламентировано мандатами или полномочиями, которые собрание правовой жизни выдает на ограниченное время определенным демократическим путем квалифицированным людям. Им дается право действовать в пределах их мандата "аристократически" или "республикански", но они подотчетны и обязаны по истечении времени возратить свой мандат. Такую социальную жизнь, которая базируется на недоверии и контроле, должен сменить новый социальный порядок, основанный на доверии.

Когда люди учатся таким образом сотрудничать друг с другом, возникают совершенно новые возможности. Новые мистерии могут тогда начать действовать на определенном уровне. Сотрудничество Рудольфа Штейнера и Иты Вегман являет ясный прообраз того, как люди ведут друг друга к новому духовному опыту, когда их сотрудничество построено ими на основе равенства. Поэтому мы должны столь добросовестно создавать правильные социальные формы. Они должны содействовать духовному опыту, который в старых социальных формах невозможен.

Новые возможности открываются в диалогах и в групповых беседах, когда мы пытаемся сознательно применить социальный драфеномен. Если мы готовы засыпать в другом человеке, то при этом совершенно неожиданно могут возникать определенные интуиции, прозрения и переживания, которые, хотя и живут во многих людях, но были до сих пор совершенно неясными. Это может проявиться в виде беседы, в которой участники хотят в словесной форме постичь свой опыт, ищут решения определенной проблемы или более медитативно пытаются совместно сформулировать определенные прозрения. Автор сам несколько раз наблюдал, как в таких беседах между несколькими участниками внезапно возникали сердечные связи и как этот "эфирный" поток привносил свет и тепло в группу. В такие "моменты Пятидесятницы" - дух веет между людьми.

В происходящем в таких беседах люди делают друг для друга возможным нечто, что можно сравнить, в определенном смысле, с посвящением. Благодаря взаимному обмену переживаниями, восприятиями и идеями, они входят друг через друга в духовный мир, и таким образом между ними возникают прочные связи. Но чтобы прийти к такому переживанию новых мистерий, должны быть выполнены определенные условия. Должен

быть поставлен конкретный вопрос или тема беседы, воспринимаемая мышлением, чувством и волей. Участники, владея объективной способностью суждения, должны также обладать способностью вживаться в другого и внутренне понимать его. В группе должно быть равенство: никаких авторитетов, основанных на компетентности или статусе. Высказываться следует из собственного опыта, без ссылок на чьи-то идеи. Каждый включается в ход беседы, мыслит мысли других и развивает их дальше. Человек тогда часто высказывает то, что в "тот момент могли бы сказать несколько человек. Взаимная карма членов такой группы - также должна в какой-то мере упорядочиться тем, что они узнают друг друга и находят основание для сотрудничества. Т.е., если обратиться к антропософской терминологии, мы имеем здесь в виду людей с развитой душой сознательной, людей самосознающих с пробужденной и ("чищенной душой, открытой духу.

В таких группах люди, несмотря на возможную ограниченность и иллюзии, совместно осуществляют нечто новое. Реальность же наших дней такова, что мы, конечно, еще с трудом можем работать с друг другом. Развивать и просветлять нашу душу - это уже само по себе трудная задача; и многие еще очень далеки от социального импульса. Все же есть люди, которые совместно открывают новые возможности и шаг за шагом готовят новую культуру. Они могут черпать силы друг от друга и их ассоциации могут быть сосудами, куда могут нисходить духовные существа, чтобы действовать через отдельных людей. 23 ноября 1905 года (GA 54) Штейнер говорил о таких вещах, которые мы только теперь постепенно открываем. Люди, которые сотрудничают в братстве, являются волшебниками, так как они привлекают в свой круг высших существ - сказал он в том же докладе. Умершие, а также ангелы и другие духовные существа могут действовать таким образом в социальной жизни через эти группы. Новые откровения духовного мира в будущем будут приходить только в такие сообщества людей, сказал однажды Штейнер. Его сотрудничество с Итой Вегман было первым примером этого нового вида откровений. Таким образом группы сотрудничающих людей могут становиться местами мистерий, где дух действует, животворя, и где духовный мир может инспирировать людей, обновляя культуру.

В современной науке уже давно открыли, что духовные существа могут действовать инспирируя. Формируются исследовательские группы, которые занимаются определенными проектами. При большом давлении сроков и в постоянной конкуренции вокруг средств, выделяемых на исследования, в группе возникает атмосфера, в которой моральное и духовное сознание исследователей омрачается, и они могут воспринимать инспирации идей новых видов вооружения, технологий и прочих подобных изобретений. Хорошим примером является Манхэттэн-проект, когда в Америке производилось первое атомное оружие. Восприимчивости к этим инспирациям значительно способствует личное честолюбие, жажда власти, абстрактное научное мышление, перегрузки и стрессы. Таким образом, в науке возникает темный противоположный образ новых мистерий: анти-Троица. В движении "Нью Эйдж" - также известна групповая работа как путь к новому опыту и знаниям.

Люди, инспирированные антропософией, сделали до сих пор еще относительно мало, чтобы работать в духе новых мистерий и развивать альтернативу внешней науки - духовную науку, указывающую, как действует живой Христос в человеческом развитии и в истории человечества, в процессах оздоровления в природе и в социальной жизни. Осуществлять духовное исследование - было задачей Свободной высшей школы духовной науки, но после смерти Штейнера она коллапсировала, когда Ите Вегман было отказано в праве вести первый класс этой школы. Так как Рудольф Штейнер не назначил преемника, его все еще нужно рассматривать как руководителя Свободной высшей школы. Остается проблема - как с ним связаться.

То, что после второй мировой войны председатель Антропософского общества был назначен также руководителем Свободной высшей школы, не решает эту проблему. Это была лишь попытка сверху, административным путем организовать духовное исследование. При жизни Штейнера руководство сверху было само собой разумеющимся. Теперь Свободная высшая школа может быть вновь основана и построена только снизу, на основе доверия со стороны членов руководителям работы секций. Но для этого должно быть еще преодолено представление, то же, что и в католической церкви - что духовный

мир в ассоциациях действует сверху вниз.

Без социального импульса путь к новым мистериям не может быть найден. Они могут культивироваться там, где люди объединяются в дружеских кругах и общностях и учатся сотрудничеству. Это требует от отдельных людей, чтобы они были готовы совместно идти путем развития, чтобы образовывать сообщества и развивать органы, необходимые для восприятия духовного мира в социальной жизни.

5. Социальный путь развития

В антропософии известен путь обучения, представленный в книге Рудольфа Штейнера "Как достигнуть познания высших миров?". Здесь он рекомендует путь, ведущий к развитию наших душевных сил и к самовоспитанию. На дальнейшей ступени учатся формировать органы восприятия духовного мира. Шаг за шагом этот путь ведет к посвящению, так что открываются органы восприятия, благодаря которым мы можем вступать в связь с духовным миром. Духовный мир может тогда одарить нас определенным опытом и питиями. Поначалу мы, разумеется, не должны представлять себе это как что-то грандиозное. Вначале это лишь утончение, сенсбилизация нашего восприятия, благодаря которому мы становимся внимательнее и лучше понимаем определенные вещи.

На этом индивидуальном пути посвящения и развития в нас растет и крепнет новый, внутренний человек. Дух наш пробуждается. Штейнер описывает различные переживания, которые имеют место в этом процессе. Сюда же принадлежит сознательная встреча с обоими "стражами порога". Со второй половины XIX столетия человечество бессознательно перешло через порог духовного мира. Это значит, что люди также и в повседневной жизни бессознательно переживают опыт, который выступает и на путях обучения; только тогда он переживается сознательно. И важно, чтобы мы приобретали сознание этого в повседневной жизни. Антропософия предлагает нам эту помощь и открывает возможности, чтобы мы сознательно приближались к порогу духовного мира и могли его переходить в состоянии бодрствования. Уроки первого класса Высшей школы имеют, помимо прочего, задачу - поддерживать этот процесс осознания.

Кто идет собственным внутренним путем, тот еще не создает новой культуры. Это возможно только, если мы учимся сотрудничать с другими. Это сотрудничество ставит нас перед совершенно новыми проблемами, но одновременно предоставляет также совершенно новый духовный опыт и новые прозрения. Здесь становятся зримыми черты совместных путей исследования, дополняющих индивидуальный путь посвящения, который легко "кончить эгоизмом, если не развивать никаких моральных и социальных сил. Эти новые пути, естественно, не делают индивидуальный путь излишним; ведь мы должны быть в состоянии сознательно работать с нашими душевными силами и развивать нашу индивидуальность, сотрудничая с другими, чтобы на совместных исследовательских путях достичь духовного познания.

Существо этих путей исследования мы можем видеть, рассматривая сотрудничество Рудольфа Штейнера и Иты Вегман, которое началось в 1923 году и вело к инаугурации новых мистерий. В августе 1924 года Штейнер с благодарностью упоминает об этом сотрудничестве в докладах о верных и ложных путях духовного исследования ("О сознании посвященного", *Торпай, GA 243*). Он указывает здесь на большое значение этого нового пути исследования, наряду с индивидуальным путем, описанным им в "Как Постигнуть познания высших миров?". На этом новом пути люди могут совместно открывать тайны внешнего мира, на основании современного, объективного сознания и глубокой внутренней (и кармической) связи.

На этом пути, который был подготовлен в конце средних веков розенкрейцерами, существенно то, что мы при исследовании внешнего мира сообщаем друг другу свои духовные переживания, восприятия и прозрения. Если мы не разделяем их в процессе беседы, то, как предупреждал Штейнер 21.8.1924 (в *GA 243*), мы снова их теряем. Они должны проходить через душу другого человека и возвращаться к нам. Так сотрудничали Штейнер и Вегман, предприняв то, что мы теперь можем развивать далее во всех областях исследования явлений природы. Этот путь исследования внешней природы имеет свой

противополос на новых путях исследования мира внутреннего и мира социального. В докладе "О формировании социального суждения" от 16 августа 1920 года ("Gegenwart", 7-9/1950) Штейнер говорил о различиях между формированием суждения в духовной, правовой и хозяйственной областях. На основании этих суждений, которые ведут к истинному познанию в этих трех сферах социальной жизни, должен, по Штейнеру, строиться новый социальный порядок.

В духовной жизни два человека могут друг друга взаимно оплодотворять и формировать суждения о духовных вопросах, как это хорошо видно на примере двух поэтов, Гёте и Шиллера. В правовой жизни зрелые люди противостоят друг другу. Во взаимодействии между ними возникает правовое суждение, соответствующее их правовому чувству. В хозяйственной жизни можно прийти к суждению только в сотрудничестве с группой людей, каждый из которых имеет практический опыт в своей области хозяйствования.

Нужно учиться этим различным способам формирования суждения в сотрудничестве. Согласно Штейнеру, формирование суждения в экономической жизни должно происходить в ассоциациях, где потребители, распространители и производители совместно регулируют производство, обращение и потребление товаров. В духовной жизни также могут сотрудничать больше, чем два человека. Из этого могут возникать тесные связи кармического характера, которые могут способствовать решению общей задачи, например - основанию школы.

Штейнер предлагал группам сотрудничающих антропософов выяснять в дальнейшем совместные пути исследования и познания в их попытках работать в духе новых мистерий. Без непосредственной помощи такого посвященного, как Штейнер, это трудно. Многие конфликты свидетельствуют здесь о нашей неспособности; но все же есть группы, которые умеют сотрудничать в любви и братстве. Они прорываются через заржавевшие антропософские мнения и в творческом процессе разрабатывают новую антропософию; например - когда группа педагогов пытается прозревать симптомы времени и изменяет учебный план таким образом, чтобы обучение в большей мере направлялось проблемами детей; или когда группа врачей и терапевтов пытается распознавать образы болезней и развивает новую терапию. Тайна этих групп заключена в социальных импульсах членов, в попытке слышать друг друга и преодолеть установленные иерархические образцы.

В таких группах мы видим некоторые признаки социального пути развития, который образует основание для совместных путей исследования. Этот путь начинается с более или менее сознательного опыта в сфере "большого стража порога": мы ощущаем себя призванными помочь другому или исполнить некоторую миссию в мире. При этом мотивы, связанные с социальными импульсами, могут быть самыми различными.

Конкретное сотрудничество в процессе познания не ведет к посвящению, как это возможно на индивидуальном пути. Возможно, мы должны говорить здесь об ином роде посвящения, когда люди как бы посвящают друг друга. В беседе и в сотрудничестве люди дарят друг другу определенный духовный опыт. То, что говорит один, откликается в душе другого человека и ведет его к новым переживаниям и идеям. Партнеры по беседе при этом взаимно оплодотворяют друг друга. Каждый человек связан с определенными аспектами духовного мира и разделяет их с другими. Этим люди открывают друг другу доступ к духовному миру, и группа может становиться чашей, в которую вливаются откровения духовного мира.

При сознательном применении социального прафеномена в общении и искусства групповой беседы сфера межчеловеческого становится органом, которым мы можем воспринимать духовный мир. Тем не менее, результаты этих бесед не следует слишком преувеличивать. Новые мистерии начинаются с очень малого: с коротких инспиративных моментов в беседе и с небольших ответов на маленькие практические вопросы, например при консультировании детей или пациентов, когда педагоги или терапевты беседуют друг с другом и обмениваются своим видением ребенка или пациента. Иногда эти восприятия ведут к действительному прозрению, которое они образуют совместно. В принципе, каждая группа, которая в состоянии вести инспиративную беседу, может получать ответы из духовного мира.

Этот новый тип посвящения основывается на возможности просыпаться в другом. Новые прозрения и переживания возникают тогда во встрече с человеком, который с любовью

принимает наши мысли: со-мысля, он помогает их развивать далее. Остается большим вопросом - что же все-таки необходимо для того, чтобы мы могли пробудиться друг в друге. Похоже, представить это себе весьма непросто. Это удастся весьма редко, чтобы мы полностью пробудились в беседе с кем-либо, тем более - познавали себя в этой беседе. Большей частью мы приобретаем самопознание на пути внутреннего развития, в обсуждении или в конфронтации с кем-то, кто становится для нас своего рода "зеркалом".

В практической жизни сознательное пробуждение в другом человеке происходит лишь изредка. Испытавший это однажды знает, что тогда между двумя людьми или в группе могут возникать совершенно новые прозрения и переживания. Несколько условий, при которых возможны такие прозрения, упомянуты в этой главе. Мы должны идти индивидуальным путем развития, который позволяет созреть нашей душе сознательной, мы должны сознательно обращаться с социальным феноменом и на конфликтах учиться сотрудничать друг с другом. Мы должны быть готовы взаимно воспринимать и как бы зеркально отражать друг друга, а также воспринимать и обсуждать социальный процесс. Мы должны развивать формы сотрудничества, в которых мы можем переживать принципиальное равенство и шаг за шагом прояснять кармические связи друг с другом, которые мы уже ощущаем или в которые мы хотим вступить. Когда мы стремимся совместно идти этим социальным путем развития, мы получаем совершенно иной образ друг друга. Мы начинаем видеть другого человека таким, каким он внутренне хотел бы быть, и он становится для нас вратами в духовный мир.

Чтобы приводить другого к пробуждению во мне, я должен быть способен сдерживать себя. Напомним здесь слова Иоанна Крестителя, указывающего на Христа, которые стали его девизом: "Ему - расти, мне - умяляться" (Иоанна, 3.30). В социальной жизни этот девиз означает: я становлюсь меньше, чтобы другой мог расти во мне. Иоаннов день, 24 июня, стоит в начале лета. Это касается пути сообщества Пятидесятницы, которое, вовлекая в мир отдельных индивидуумов, ведет к празднику Михаила 29 сентября. На этом пути мы можем переживать Крестителя как инспиратора сообществ, в которых люди совместно идут социальным путем развития и строят преисполненные духом острова новой культуры.

Эта сдержанность ради развития другого человека - одна из характерных черт Рудольфа Штейнера. Он постоянно сдерживал осуществление своих намерений, и переходил к действию, только исходя из вопросов и нужд приходивших к нему людей. Во встречах с ними он отдавался им полностью, Он слушал их - и люди приходили в себя; он понимал их - и они пробуждались в нем. Они чувствовали его поддержку, видели свою собственную цель жизни и, как люди, чувствовали себя возрожденными, укрепленными и здоровыми в своем существе. В этих встречах они побуждались им к духовным переживаниям. Задавая несколько вопросов и выслушивая собеседника, он мог через свою душу вводить другого в духовный мир, даруя ему малое посвящение.

Если мы хотим обращаться с другими людьми из социальных импульсов и строить общность в сотрудничестве, тогда развитие сил сердца должно быть нашей повседневной работой. На Рождественском собрании Штейнер дал Медитацию камня основы, и мы можем медитативно заложить этот Камень основы духовной работы в наше сердце. Эта медитация формирует силы нашего сердца.

В книге "Как достигнуть познания высших миров?" Рудольф Штейнер уже указывал на развитие сил сердца, описывая шесть вспомогательных упражнений к индивидуальному пути посвящения. Эти упражнения укрепляют душу тем, что наше Я овладевает душевными силами мышления, чувствования и воли. Это упражнения в овладении мышлением и волей с целью развития в себе невозмутимости и выносливости, терпимости и положительности, беспристрастности и отрешенности. Если мы упражняем эти качества, в сердце приходит спокойствие, и мы можем воспринимать, что происходит в душе другого человека. Сердце тем самым становится органом познания. Сотрудничество с другими возможно только, если мы постоянно так или иначе проделываем эти упражнения. Они также принадлежат социальному пути развития и могут выполняться в каждой беседе. Они тогда способствуют выработке искусства беседы. Они напоминают нам о том, что принято в общении: уважать другого, воздерживаться от безоговорочной критики, позволять высказываться другому, не говорить более длинно, чем "то необходимо, придерживаться темы и регламента, не воздействовать на эмоции другого и так далее. Эти естественные

вещи должны также находить место и в правовой жизни.

Сотрудничество также требует, чтобы мы были в состоянии воспринимать мир и образовывать суждения с ясным сознанием. Штейнер апеллировал к ясным мыслительным способностям и к развитию нашей способности суждения. Путь к этому он указал в своей "Философии свободы". Мы можем читать ее как сборник упражнений, следуя по ходу текста и постоянно спрашивая себя, понимаем ли мы ход мыслей автора. Если прерываем чтение на том месте, где мы больше не понимаем текста и концентрируемся на нем, в нас высвобождаются силы, помогающие нам лучше понимать мир и себя и действовать из действительного видения. Не важно, как быстро мы в ней продвигаемся или как много времени понадобится нам для ее прочтения. Это помогает нам переживать наши мысли в сердце, справедливо судить и позволять моральным интуициям нашего сердца действовать в наших делах.

В древних мистериях были известны два пути познания, которые в антропософии соединены, а именно - путь вовнутрь, ведущий к переживанию и познанию внутреннего мира, к самопознанию, и путь вовне, ведущий к исследованию внешнего мира, к познанию его. В средние века они назывались - путь мистический и путь алхимический. Платоник, например, живущий во внутреннем мире своих мыслей, чувствует себя как дома - на первом пути, Второй путь - издавна является областью аристотелика, который достигает познания из восприятий внешнего мира и которого к исследованию побуждает любопытство или стремление решить практическую проблему.

Ранее мы должны были следовать этими путями в одиночестве. В антропософии ими можно идти также и совместно; отсюда возникают новые возможности, которые и осуществляются в новых мистериях. Можно и в одиночестве пытаться осознать то, что живет в собственной душе. Но все же это удастся только частично. Штейнер указывал, что собственная душевная жизнь может отчетливее осознаваться в беседе с другим человеком. Процессу преображения души, ведущие к рождению внутреннего человека, могут быть этим значительно ускорены.

Пути познания внешнего и внутреннего мира, синтезом которых является розенкрейцерский путь посвящения, в своей основе содержат связь мышления и воли. В сердцевине нашей души, в чувстве, живут наши "женские" душевные качества, которыми мы внутренне общаемся с миром и с другими людьми, Мышление и волю можно развивать медитацией и концентрацией, но это ничего не значит для чувства. Последнее имеет собственный путь развития в преобразовании сил сердца. Это и есть обсуждавшийся выше социальный путь развития, на котором сердце направляет нашу жизнь чувств и в любви проявляет свои высочайшие силы: это путь развития социального импульса, который ведет к построению общностей и этим делает возможным совместное исследование.

Сердечный путь социального импульса связан с манихейством и ведет к воспламенению внутреннего Солнца; его корень - к практик" повседневной жизни, ибо только в ней мы можем учиться быть социальными. Социальный путь развития представляет непосредственный путь ко Христу, путь подражания Христу, и начинается он с омовения ног - служения другим.

В средние века был возможен мистический путь посвящения - путь пробуждения в себе чувств, переживаемых Христом на Его страдном пути. Этот христианский путь чувства, для которого нужно было в течение долгих лет отделяться от мира, не может стать современным путем посвящения антропософии. Сегодняшний путь связан с развитием социального импульса. Социальный мир скорее, чем хижина отшельника, является сегодня центром мистерий, где сердечные силы облагораживаются в общинах нового типа.

Этот современный путь социальной жизни, ведя к осознанию присутствия Христа в нашем сердце и сердцах других, проходит через жертвы и страдания и делает нас особо чувствительными к обращению людей друг с другом. Валентин Томберг описал жизнь Штейнера как крестный путь. Это путь, который Штейнер прошел в социальной жизни в непонимающей окружающей среде, которая высмеивала и осуждала его глубочайшие импульсы.

Русская культура несет идею о Христе как брате человеческом, которого мы встречаем в любом страдающем человеческом существе. Наш путь в социальной жизни постоянно

приводит нас к встрече со Христом, но мы лишь бессознательно, смутно ощущаем это, зачастую не переживая этого в наших сердцах. А ведь те страдания, которые мы из-за нашей ограниченности доставляем другому человеку, мы фактически доставляем Христу. И тем самым каждый человек, как часть человечества, толкает Христа на новый страдательный путь. В сочувствии и в сострадании тому, что каждый человек доставляет другому и, тем самым - Христу, что человечество в целом доставляет Христу, заключается, как отмечает Дитер Брюль, возможность нового христианского пути - пути чувства. В то время, как средневековые пробудило чувство исторических Страстей Христовых, в котором можно было получать посвящение, сегодняшний социальный импульс может воспламениться при сострадании другим, и обрести силы в сочувствии и сострадании Страстям, которые человечество заставляет претерпевать Христа сегодня. В будущем мы все больше сможем переживать социальный мир как мир страдающего Христа, и это переживание будет вести нас в Его сферу.

Из этого сочувствия и сострадания Христу и из сознания, что во всех наших страданиях с нами страдает Христос, в нас могут рождаться новые силы, которые мы принимаем от Христа, чтобы обрести новую позицию в социальной жизни. В ряде докладов, которые Томберг читал летом 1939 г. в антропософском обществе в Роттердаме о явлении Христа в эфирном мире, он указывает на то, что эти новые силы являются метаморфозой страданий Христа на Его крестном пути. Это - кармические последствия Его распятия, которые проявляются, начиная с XX столетия. Будучи сам осуждаем, Христос пробуждает в нас совесть и мы сами становимся своими судьями. Бичевание дарует нам утешение и мужество для новых деяний. Возложение тернового венца побуждает к даянию другим из любви. Несение креста ведет к исцелению наших иссушенных эфирных тел, чтобы мы могли развить богатую внутреннюю жизнь и черпать оттуда силы для несения нашего собственного креста (и в конечном счете - помогать нести крест другим). Наконец, через распятие на кресте Христос предоставляет нам новое - эфирное ясновидение, чтобы мы знали, что мы творим с другими, чтобы мы гармонизировали карму и были способны видеть кармические последствия своих дел.

Благодаря нашему союзу со страдающим Христом в наших сердцах к нам могут притекать новые силы социальной жизни. Тогда мы можем переживать Его как властелина кармы, заботящегося о том, чтобы для оставшейся части земного развития могло быть создано величайшее человеческое благо путем уравнивания наших кармических долгов, как указывал Штейнер 2 декабря 1911 года (в GA 130). Особое значение это приобретает, когда мы пытаемся гармонизировать карму антропософского движения. В прошлом в социальной жизни многое было скрыто, и многое не осуществилось из того, что должно было быть высказано открыто и прощено.

V. КАК АНТРОПОСОФИЯ МОЖЕТ СТАТЬ КУЛЬТУРНЫМ ФАКТОРОМ?

1. Формирование сообществ

В XX столетии сотрудничество становится все более трудным. Ассоциируясь с группами или инициативами мы испытываем много разочарований из-за конфликтов и разобщенности в социальной жизни. Общины, построенные на традициях - разваливаются, поскольку мы все больше склоняемся к индивидуализму. Старые, инстинктивные социальные силы исчезают, и на их месте появляются силы антисоциальные, эгоистические. Мир внутренний и мир социальный вследствие этого теряют свои общинно-формирующие устои.

Раньше общины использовали душевные силы, которые бессознательно объединяли людей. Начиная с конца средневековья крепнет индивидуальное сознание, но Я при этом поначалу проявляет себя совершенно эгоистически. Индивидуальное в человеке соединяется тогда с инстинктом самоутверждения и с антисоциальными склонностями, и, если социальные силы не развивать сознательно, это приводит к борьбе за выживание, к войне всех против всех. Попытки поддерживать старые и создавать новые сообщества путем манипулирования бессознательными душевными силами - не соответствуют духу

нашего времени и лишь вызывают силы, разрушающие самосознание. Развитие большевизма и фашизма в XX столетии демонстрирует демоническое действие этих сил. Мы должны признать, что в XX столетии упорядочивающие социальные силы из сферы Бога-отца - отступили, и социальная жизнь теперь может быть обновлена только новыми общино-формирующими силами из сферы Христа.

Подобно всем движениям, которые пытаются объединить людей, чтобы новым, сознательным образом, реализовать некоторые цели, антропософское движение страдает от раскола. По своему духу - оно должно развивать новую спиритуальность, подготавливая духовную жизнь новой культурной эпохи. Для этого необходимы новые социальные формы, которые уже существовали в зародыше на Рождественском собрании в 1923 году; но далее эти формы не развивались. Старые иерархические и централистские формы теософского периода не могли быть преобразованы и вследствие этого - вместо спиритуальности новых мистерий стали действовать темные духовные силы.

Чаще всего антропософы знают только путь "антропософского формирования сообществ". Мы уже видели, что этот путь должен быть соединен с социальным путем развития, чтобы могли возникать общины, несущие импульс обновления нашей культуры. Включаясь в поток современного культурного развития, этот путь развития проявляется прежде всего как движение против "американизации" мира (действия американского двойника). На этом пути дело не только в сознательном применении социального прафеномена и в приобретении определенных душевных качеств, социального поведения и добродетелей: он включает в себе совершенно определенный антропософский социальный импульс. Этот социальный импульс охватывает элементы, в которых мы нуждаемся, чтобы в конкретном сотрудничестве строить новые общности, и позволяет новым мистериям действовать в социальной жизни.

На этом всеохватывающем социальном пути развития, шаг за шагом проложенным Штейнером, мы можем в сегодняшнем социальном хаосе сознательно формировать объединения. Эти общности не должны быть "антропософскими вообще". Здесь важно выдержать, с одной стороны, соответствующие духу времени условия, которые могут быть выполнены четырьмя элементами антропософского социального импульса: указанных выше двух законов, сознательного применения социального прафеномена и осуществления триединства социальных отношений. С другой стороны - дело в новых, внутренних связях, которые могут возникать между людьми в силу выполнения этих условий.

Основной социологический закон и основной социальный закон относятся к духовному и хозяйственному аспектам построения общности. Новые общности должны служить свободному развитию индивидуальностей своих членов. Это значит, что мы, согласно основному социологическому закону, так их организуем, чтобы люди в свободной духовной жизни могли развернуть свои потребности и способности. В результате применения основного социального закона увеличивается благополучие сотрудничающих людей. Это является следствием все большего разделения труда и дохода. Труд становится даром, который мы радостно преподносим человеку, нуждающемуся в продукте Нашего труда. В общности, в которой мы работаем друг для друга, мы должны обеспечивать друг другу средства существования и возможность дохода. Это значит, что в сотрудничестве нужно учиться открыто говорить о деньгах и доходе.

Едва ли можно утверждать, что мы уже можем сознательно обращаться с социальным прафеноменом, но в будущем, при дальнейшем развитии наших душевных способностей, это станет возможным. Это позволит нам чувствовать другого человека с его потребностями и понимать, что в нем живет. Но без конкретной практики реальной беседы мы не придем к взаимопониманию в области права и к согласованию индивидуальных импульсов. В социальном прафеномене возникает возможность нашего пробуждения друг в друге, т.е. встреча с нашей внутренней сущностью, когда мы внимательно и с глубоким интересом слушаем друг друга. В таких беседах мы можем взаимно пробуждать наше высшее существо, освобождая при этом социальные силы и импульсы.

Задача социального триединства - социально оформлять в сообществе наши отношения с другими людьми, пока мы еще не стали внутренне социальными. Это достигается тем, что между духовной и хозяйственной жизнью общности мы строим правовую сферу, в

которой совместно и в условиях равенства выносим решения, предоставляем мандаты и взаимно определяем права и обязанности. Для отдельного индивидуума возникает возможность самовоспитания, когда он стремится сознательно придерживаться того, о чем друг с другом договорились и что постановили. Воспитание наше еще зачастую непреднамеренно, когда в нашей социальной жизни слишком слабо осознание нашего собственного отношения к другому человеку. Аспекты двойника тогда приводят к конфликтам и конфронтациям, к неприятному "пробуждению в общении с другим". Социальное триединство дает нам возможность обезвреживать такие конфликты и изымать их из человеческой сферы, определяя соответствующие социальные формы и правила, в которых мы сами можем себя воспитывать. Конфликты от этого не исчезнут, но тогда они действуют уже не столь разрушительно, и на них учатся. Тем не менее, это происходит лишь тогда, когда триединство органически вырастает из правосознания, а не вводится как схема.

Чтобы поставить общность на еще более глубокий духовный фундамент, мы нуждаемся в пятом элементе; этот элемент Штейнер мог бы дать, примерно, в 1926 году как завершение и обобщение антропософского социального импульса; возможно это произошло бы при учреждении второго класса Высшей школы духовной науки. Когда люди объединяются в общность, они должны прояснить свои взаимоотношения. С некоторыми людьми у нас уже есть кармические связи, с другими - возникают новые. В этой связи Штейнер говорил о необходимости гармонизации, согласования кармы, как условия развития нового антропософского общества Рождественского собрания. Говоря обычным языком, мы пытаемся сотрудничать, даже если мы все столь различны, и, возможно, даже были в прежней жизни врагами. Пятый элемент социального импульса тогда бы выразился в преобразовании старой кармы в новую - в сознательном формировании кармического сообщества.

На социальном пути развития мы можем более осознанно формировать наши связи с другими людьми. Это может привести к открытию, что мы принадлежим к определенным кармическим кругам, и мы можем в полной свободе формировать новые связи. Каждая встреча может изменить нашу судьбу. Но зачастую мы недостаточно пробуждены, чтобы понять все значение встречи. Мы тогда просыпаем возможность лучше познакомиться с другими людьми; также и они в отношении нас. Тогда не возникает никакой общности с людьми, которые могли бы принадлежать к акушерам нашего высшего Я.

Развивая осознание того, что происходит во встречах, мы сможем разрешать конфликты с одними людьми и постепенно углублять отношения с другими. Предпосылка этого - развитие глубокого интереса к тому, что живет в душах других, сочувствие и внимание к их судьбе. Когда мы открываемся другим, перед нами могут возникать образы этих людей и картины их кармических ситуаций. Человеческое сообщество вырастает из того, что мы создаем вместе; прошлая карма может постепенно стать плодотворной: отрицательные силы преобразуются, к нам приходят от других положительные силы и создается новая карма.

Чтобы конкретно и сознательно переживать процесс построения сообщества и укреплять человеческие отношения и существующих общинах, весьма полезно придавать специальным Встречам и сборам праздничный, культовый характер. Например, в Восточной Европе всегда было традиционным, чтобы гость (посланный Богом) присоединился к трапезе. Ритуалы могут способствовать новому осознанию значительности встреч. В каждом человеке мы можем встретить Христа, господина кармы, который умножает последствия служения другим людям. Как возможный пятый элемент антропософского социального импульса, это способствует осознанию формирующейся кармической общности. Сообщество развило бы тогда свой собственный (эфирный) организм, защищающий своих членов и себя - как центр новых мистерий, связанный с духовным миром. В этом смысле понятны еженедельные библейские вечера, учрежденные Карлом Кёнигом в кэмпхилл-общинах. На этих вечерах сердце каждого члена сообщества может открыться присутствию Христа. Эта социальная форма позволяет нам все в большей мере переживать кармическое сообщество, в котором люди переносят взаимные несовершенства и несоответствия кармы друг друга, после чего мы входим в сферу большого стража порога.

Ганс Мюллер-Видеманн в своей биографии Карла Кёнига описывает, как возникли в кэмпхилле библейские вечера (стр. 180-187). По словам Кёнига: "По субботним вечерам каждое домашнее сообщество собирается вместе - что может быть также их работой - чтобы подготовиться к воскресенью. Все собираются вокруг стола, трапезничают простой пищей, обсуждают события прошедшей недели и затем обращаются к той части евангелия, которая будет читаться в воскресенье. Каждый готовится к библейскому вечеру в течение недели и приглашается, чтобы поделиться с друзьями своими переживаниями от чтения евангелия и размышления над ним."

В сообществах, где карма в определенной мере упорядочена, создается атмосфера, в которой можно переживать Христа. Это могло быть достигнуто в антропософском движении к 1933 году, когда, согласно Штейнеру, должно было начаться второе пришествие Христа в эфирную сферу земли. Даже при том, что антропософское движение в общем не может создавать условия для этого, группы могут в определенные моменты испытывать это целебное и укрепляющее присутствие Христа и воспринимать инспирации других духовных существ.

Таким образом антропософский социальный импульс ведет к специальным кармическим общинам, в которых люди черпают силы друг от друга и где через отдельные индивидуальности могут действовать духовные существа. Это - манихейская социальная форма христианской жизни, где между людьми могут действовать новые социальные силы. Такие общины являются образом будущего сотрудничества людей. Сознательно объединяться в этой форме мы, повидимому, еще не можем, ибо мы все еще испытываем недостаток сердечных сил, которые будут развиты единением во Христе. Тогда к нам будут притекать силы, необходимые для построения сообщества такого рода.

Самовоспитанием и практикой мы можем строить общности на манихейском пути социального импульса, создавая основы для новой духовной культуры, которая подготавливается в новых мистериях. Роль Манихейства в развитии новой культуры в антропософском движении почти упущена.

Это привело к недопониманию социального импульса и пренебрежению им.

Однако манихейские импульсы обязательны для созидания новой духовной жизни.

В истории течение Мани, умершего в 276 году в иранском городе Гондишапур, малоизвестно. К этому течению принадлежат богумилы с Балкан и в России, патарены в Италии, катары и вальденсы с юга Франции, тамплиеры и другие. Его ответвления: голландское братство совместной жизни, рейнландское движение бегинок и чешское богемско-моравское братство. Они соединяли духовную жизнь с жизнью, посвященной заботе о других. Мы можем также встретить манихеев среди строителей средневековых соборов.

В докладе 11 ноября 1911 года Штейнер описывает связующее начало этих групп (GA 93): культивирование внешней формы жизни, попытка развить форму сообщества, которое сможет воспринять будущую христианскую жизнь. Мы находим такие общины в первоначальном, апостольском христианстве. Они занимались освящением и христианизацией социальной жизни в малых сообществах. Каждый их член мог развивать чистое отношение к другим людям и духовному миру. В широком смысле манихеи работают во искупление зла, помогая людям на их путях развития и в их потребностях.

Манихейское течение строит социальный храм как попечитель внешней формы жизни. В этом смысле антропософский социальный импульс может быть понят как новый импульс строительства социального храма в межчеловеческой сфере. Каждый из его элементов являет манихейские мотивы. Чтобы помочь индивидууму на его пути, мы можем развивать новые социальные формы по основному социологическому закону. Основной социальный закон - ведет к социальным формам, где труд становится дарением другим людям. На социальном прафеномене мы учимся принимать другого человека в наше сознание и приводить его дух к пробуждению; это может происходить взаимно или - в терапевтическом процессе - более односторонне. Реализуя социальное триединство мы создаем социальную форму, в которой люди могут оставить свои властные притязания и создают правовые условия, основанные на принятии особенностей и человеческого достоинства других людей.

Затем мы формируем кармическое сообщество, где люди в свободе кармически

объединяются друг с другом и принимают друг друга в свои сердца, чтобы из сердечных сил строить социальный храм. Эти кармические связи возникают в пробуждающих дух беседах, как это имело место в общении Рудольфа Штейнера и Иты Вегман, а также в сообществах с более чем двумя членами. Эти объединения возникают ступенчато; они защищают своих участников и приглашают духовных существ нисходить и соединиться с сообществом. Сегодня мы нуждаемся в современном манихействе, чтобы развивать новые формы социальной работы и социального оздоровления, чтобы поднять карму в сознание и гармонизировать ее в новых сообществах.

Литургия обеспечивает сообщество, где культовая форма позволяет духовным существам нисходить в социальное пространство. Это сообщество - как бы дар свыше. И наоборот, путь строительства сообщества через социальный импульс антропософии требует, чтобы мы сознательно строили социальный храм в сообществе, чтобы в него могли входить духовные существа, и, встречаясь с людьми - инспирировать их. Социальный храм новых мистерий в кармическом сообществе будет построен, когда манихейская модель обеспечит возможность новой культуры, возникающей как плод этих встреч.

Социальные храмы - центры мистерий, где Свободная высшая школа духовной науки может работать в повседневной жизни. Школа была основана на Рождественском собрании 1923 года, и должна была работать в кармических сообществах. Высшая школа как школа мистерий - также "дар свыше". Чтобы создавать соответствующие условия для ее будущего функционирования, мы нуждаемся в социальных храмах, в которых источник антропософии может струиться снизу вверх в нашей духовной работе. Тогда могут возникать культурные острова, которые обновляют культуру и строят мост в будущее.

Резюмируя этот процесс строительства сообщества, мы можем представить развитие его различных аспектов как процесс изучения, осуществляющийся в определенном порядке. Но прежде, чем будет реализован предыдущий аспект, может уже начинаться работа на следующих этапах. Следуя социальному импульсу антропософии мы имеем следующие шаги:

1. Сообщество начинает с создания образа нового сообщества. В 1891 году Рудольф Штейнер нашел этот образ в "Сказке о зеленой змее и прекрасной Лилии" Гёте. Змея живет в подземном храме и жертвует собой, чтобы создать мост между двумя мирами и в результате из земли возникает храм.

2. Сообщество должно быть сообществом развития. Оно должно служить развитию индивидуумов, которые составляют сообщество, как Штейнер сформулировал в 1898 году в своем основном социологическом законе. В сообществе люди могут поддерживать друг друга в их развитии.

3. Сообщество должно быть сообществом работы, где благо целого зависит от степени разделения труда и дохода, как указал Штейнер в 1905 году в главном социальном законе. Все практические дела сообщества, включая вопросы денег, должны приниматься при тщательном обсуждении.

4. Сообщество должно быть местом встречи, где люди стремятся сознательно применять социальный прототип. В реальном общении люди могут пробуждать друг друга и открывать значение любви для ноющей, социальной жизни, как это описано Штейнером в 1912 году.

5. Сообщество должно быть правовым. Оно нуждается в принципах социального триединства, чтобы быть здоровой структурой, как Штейнер это представил в своей книге в 1919 году.

6. Сообщество должно быть кармическим, в котором люди учатся жить и плодотворно сотрудничать несмотря на несовершенства друг друга.

7. Сообщество должно быть социальным храмом, где возможна связь с духовным миром. В этом сообществе люди могут создавать новую культуру,

На каждом из этих шагов должна быть принесена некоторая жертва, преодолена часть нашего эгоизма. Эти жертвы нейтрализуют нашего двойника и связывают нас с нашим высшим Я. В каждом сообществе, которое следует этим путем, имеется соответственно 7 задач, которые могут решаться различными людьми:

1) формирование совместного видения;

- 2) защита внутреннего развития членов;
- 3) восприятие потребностей членов, которые могут быть удовлетворены сообществом;
- 4) улучшение коммуникации;
- 5) предотвращение применения неконтролируемой власти (защита правовой жизни);
- 6) разрешение конфликтов;
- 7) восприятие присутствия духовных существ.

2. Культурные острова

Когда Штейнер на Троицу 1924 года проводил сельскохозяйственный курс в Кобервице (ныне - Польша), он в застольной беседе говорил о будущем Германии; об этом сообщается на стр. 70 уже упоминавшейся в гл. III книги "Koberwitz, 1924". Штейнер тогда сказал: "заводские трубы рухнут, и Германия опустится до сельскохозяйственного государства! Встанет вопрос о создании островов уединенных монастырей в сельских местностях, где еще сможет взращиваться немецкая культурная духовная жизнь.(...) Заграница будет отдавать туда своих сыновей и дочерей на воспитание". После второй мировой войны американский "План Моргентау" в августе 1944 года, так и предполагал в структуре будущей немецкой экономики - сельское хозяйство и мелкий бизнес. Этот план был оставлен, и с 1947 года немецкая экономика стала восстанавливаться, чтобы противостоять советской экспансии.

Вместо сельскохозяйственного общества с духовными оазисами возникло технократическое общество, шаг за шагом подчиняющее духовную жизнь экономике. В связи с увеличивающимся технократическим регулированием общества опасность грозит европейским антропософским инициативам и учреждениям. До недавнего времени, если антропософское учебное заведение или учреждение признавалось государством - антропософы были счастливы. Сегодня мы знаем, что признание это связано с серьезными последствиями технократического управления: инициативе грозит опасность потери ее антропософской природы. В современном обществе свобода духовной жизни исчезает, и путь к духу становится для индивидуума все более и более трудным.

Духовная жизнь должна найти новую ориентацию в клонящейся к закату культуре. Если антропософское движение хочет выжить, оно должно концентрироваться в центрах, где могут быть развиты новые мистерии. Мы используем здесь образ культурных островов. Например, в Ите Вегман жил импульс строить в каждом городе терапевтические центры как культурные острова, где люди могут быть действительно всеобъемлющим образом излечены. Образ этих островов новой духовной культуры определяется формированием сообществ в духе антропософского социального импульса. Большинство европейских антропософских учреждений таковыми не являются.

У них обычная иерархическая структура и они связаны с государственными фондами и государственным контролем. Если они смогут реструктурировать себя и защитить свою идентичность, если связи между людьми, несущими эти учреждения могут быть далее развиты в сознательные кармические связи, то культурные острова смогут возникнуть.

Пути к культурным островам в антропософском движении едва ли исследуются. Многие все еще неясно и незакончено. Социальный импульс антропософии не был понят как путь построения сообществ и социальное триединство не было признано средством сломить структуры власти. Триединая структура Общества, основанного в 1923 году на Рождественском собрании, не была понята и разрушилась. Свободная высшая школа духовной науки осталась незавершенной и не смогла развиваться в эзотерический центр новых мистерий. Совместные пути исследования остались в значительной степени неизвестными, и многие антропософы вообще не имеют никакого конкретного представления о новых мистериях, основанных на Рождественском собрании.

Хотя новые мистерии не были доведены до завершения, многие уже имеют в сфере новых мистерий некоторый опыт. И это не только антропософы, монополии на новые мистерии нет. Новые отношения с духовным миром в новых мистериях переживает все человечество, и это должно практиковаться в антропософском движении. Мы должны удерживать Я-сознание, входя в духовный мир, а затем и вся группа сможет формировать органы восприятия духовного мира. Индивидуальное посвящение и индивидуальное

духовное исследование не исчезнут, но групповая работа станет в будущем важным новым путем в духовный мир. Наряду с индивидуальными упражнениями, которыми мы должны вносить сознание в ночной мир, все больше идет речь о том, чтобы расширить сознание также и для мира межчеловеческих отношений.

Духовный мир начинает говорить, когда мы строим надлежащие формы в социальной жизни, где мы в кармических сообществах задаем друг другу вопросы и в беседе получаем духовный опыт. Конечно, мы должны быть достаточно активны, чтобы его понимать и удерживать. Это требует наличия души сознательной, в которой "мужские" и "женские" качества объединены и сбалансированы, и чтобы среди членов этого сообщества господствовало равноправие. Здесь не подразумевается равенство, поскольку его в духовной жизни не существует. Каждый должен жертвовать своей властью и ставить свои способности на службу другим. Так Штейнер стал помощником Иты Вегман в основании новой медицины. В новых мистериях более развитый человек становится слугой менее развитого.

В каждой группе, которая пытается решать проблемы или развивать новые идеи, в беседе могут возникнуть прозрения, которые нельзя приписать отдельному человеку, но которые, так сказать, внезапно "нисходят" из духовного мира. Это может быть группа педагогов, обсуждающая детей, или группа врачей и терапевтов, обсуждающая пациента, или группа, исследующая проблему, или же, к примеру - родители, беседующие о проблемах воспитания. Все участники объединяют свои восприятия, каждый обретает от других новую перспективу, мыслят мысли других, и внезапно кто-то может высказать то, что обобщает всю картину и содержит решение. На этих путях исследования мы переживаем новые мистерии в малом масштабе, когда отдельные индивидуумы могут высказывать определенные интуиции и вся группа отражается в зеркале каждой души.

В кармических сообществах эти группы могут сосредоточиться на определенных задачах. Это может быть школа, терапевтическое учреждение, крестьянское хозяйство, научно-исследовательский или учебный институт, или просто сообщество людей, живущих вместе. Из этого может возникнуть культурный остров, когда пытаются развивать то, что важно для мира. Два человека уже могут сформировать культурный остров и сотрудничать, чтобы решить некоторые проблемы, культивируя связь с духовным миром, например родители, воспитывающие своих детей с должной ответственностью. Каждая группа может строить культурный остров, и при этом антропософы и не антропософы: могут сотрудничать друг с другом. Решающим при этом является то, что члены группы желают развиваться вместе. Эти культурные острова будут все больше оказывать помощь людям, которые ищут поддержки в нынешнем хаосе и душевных неурядицах, и которые ищут новых путей развития. Культурные острова - маяки для людей, ищущих новой спиритуальности в гибнущей культуре, а также и для духовного мира, ищущего сообщества, через которое он может действовать.

Антропософское движение может исполнять свою задачу как движение культурного обновления, основывая культурные острова во всех областях культурного развития. Это возможно лишь тогда, когда это связано с людьми, настолько продвинувшимися в антропософии, что они могут практически с ней работать. Это люди, прошедшие путь от древних мистерий - к новым. На этом пути мы знакомимся с антропософией в трех аспектах, а именно - в аспектах Отца, Сына и Святого Духа.

В аспекте Отца антропософия выглядит как мировоззрение и учение, как христианская теософия и как резюмирование древних мистерий мудрости, которые усваиваются под руководством духовного "отца" (например - Штейнера). Здесь действуют принципы иерархии и авторитета, которые должны быть преодолены. Где этого преодоления не происходит, мы; находим фундаментализм, догматику и централизм, образование сект и групповой дух. Антропософия застывает тогда в субкультуру, продолжающую жить в определенных представлениях, привычках, традициях и манерах двадцатых годов. Таким образом возникают карикатуры на антропософов, выпадающих из окружающего мира.

Аспект Сына - связан со свободой. Антропософия является тогда "сознанием истинной человечности", которое мы хотели бы назвать сознанием обновляющего, исцеляющего действия: Христа в человеческой душе (в широком смысле - также в межчеловеческих отношениях и в природе). Это действие Христа ведет к полному преображению души,

обретающей в сердце новый центр, в котором может жить антропософия, Антропософия, как ее развил Штейнер, предлагает много видов помощи: шесть вспомогательных душевных упражнений, упражнение в ретроспективном обзоре дня, путь "Философии свободы" и художественного и религиозного опыта. Антропософия становится живым опытом, соединяющим "мужское" и "женское" начала в нашей душе. Это - сфера культивирования душевной жизни, которое должно происходить во встречах и вести к рождению в сердце нового, духовного человека.

На этом пути преобразования души мы можем переживать аспект Духа антропософии. Когда мы общаемся и сотрудничаем в любви, антропософия появляется как духовная наука, как путь познания, который ведет к духовному знанию на новых путях совместного исследования. Это возможно, ибо Дух действует между людьми изнутри наружу. Все мы пребываем тогда в сфере новых мистерий, в которых антропософия является живым практическим опытом духовного мира, который мы в кармических сообществах разделяем с другими. Теософский эзотеризм становится живой духовностью, которая активизируется, когда мы осознаем целящие силы Христа в человеке, в социальности и в природе и применяем их - в педагогике, в терапии, в социальной работе, в сельском хозяйстве, в медицине или в изготовлении лекарств. В этом смысле антропософ - это тот, кто в практической работе инспирируется антропософией. Теперь нам понятно замечание Штейнера, сделанное когда-то молодым людям: эзотеризм - это действие - сказал он, - действие на основе конкретных импульсов из духовного мира.

Путь от древних мистерий к новым ведет не только к индивидуальным преобразующим процессам. Установленная структура древних мистерий в новых мистериях также существенно преобразуется. Общество Рождественского собрания 1923 года было прелюдией фактической духовной деятельности Штейнера. Мы должны очень просто (без всяких рекомендаций) становиться членами Общества, чтобы знакомиться с антропософией. Мы должны так культивировать душевную жизнь, чтобы каждый мог преобразовать и развивать новое сознание, новые социальные силы и импульсы. Мы должны объединяться с другими людьми и развивать эти силы в конкретных областях, в группах или в инициативах.

Через членство в Свободной высшей школе духовной науки мы можем принимать участие в духовном исследовании и нести ответственность за антропософскую работу в мире. Были созданы секции для работы в различных областях и Штейнер должен был вести эти секции через их лидеров. Ко времени его смерти социальная секция все еще отсутствовала. В этой секции главным предметом исследования должен был быть антропософский социальный импульс, как основание для образования любых сообществ и учреждений. Это могло бы способствовать реализации духовных импульсов других секций в антропософских социальных формах.

Свободная высшая школа, по замыслу Штейнера, появляется как духовный центр современного ордена, ордена Михаила, с делением на секции. Каждая секция должна была иметь свой эзотерический путь обучения и, возможно - также эзотерический культ. Возникает образ будущего ордена, где каждый культурный остров - преобразованный монастырь с светским "священством", в свободе обслуживающим человечество. Штейнер говорил здесь о новом священстве в отличие от церковного культового духовенства. Так возникает мистериальная культура будущего, возвращаемая группами, строящими социальные храмы в формах манихейских сообществ, а не во внешних храмах. Теперь духовный мир действует не из закрытых мистерий, но соединяется с кармическими сообществами, действующими во всем мире. То, что Штейнер на Рождественском собрании хотел принести на землю в праобразе триединого общества, вскоре стало духовными руинами. Этот праобраз снова должен стать действительностью его первоначальных намерений.

3. Перспективы после 1989 года

Эта книга написана в памяти об Обществе Рождественского собрания 1923 года. 29 декабря 1925 года оно было фактически отменено, чем завершается исчезновение сферы, в которой, культивируя душевную жизнь, можно было переживать преобразующие души

силы живого Христа. С тех пор семена новой культуры, посеянные Штейнером, не могут прорасти, и группы участников движения не могут выполнять свою задачу преобразования древних душевных сил. Без этой сферы, в которой могут действовать Христовы силы воскресения, Антропософское общество становится добычей противодействующих и парализующих сил. Весьма слабая жизнь теплится в большинстве европейских групп членов Общества.

Социальные намерения Штейнера не были ясны участникам Рождественского собрания; но мы не можем вменять им это в вину. Последовала драма-мистерия, насыщенная неприятными конфликтами, в ходе которой Общество в 1935 году разрушилось. С конца пятидесятих годов, а затем снова - в восьмидесятые годы, антропософы ищут путь от древних мистерий к новым. В последнем десятилетии XX столетия снова ощущается новый импульс - вывести антропософское движение к новым мистериям.

Этот новый импульс инициирует попытки развить в антропософских учреждениях и инициативах новые социальные структуры, чтобы они могли жить далее как культурные острова и подготавливать в технократическом обществе новую духовную культуру. Структурные принципы сотрудничества в духовных группах, которые Штейнер стремился реализовать в Обществе Рождественского собрания, снова должны быть разъяснены. Они соответствуют самосознанию, которое должно быть развито в эпоху Михаила. Общество Рождественского собрания представляет собой типичный прообраз будущего свободного сотрудничества людей, которые из своих духовных сил хотят творить новую культуру. Во всех спиритуальных кругах и общностях все еще существуют борьба за власть, авторитарные и иерархические структуры; они должны быть преодолены. Поэтому социальные мысли Штейнера имеют громадное значение для всех групп, стремящихся к обновлению духовной, а также правовой и хозяйственной жизни.

В этой книге были упомянуты некоторые аспекты этих новых мистерий, в основном из перспектив социального импульса. Другие были затронуты вкратце, например, потребность новых мистерий в действенной эзотерической школе и в связи с духовным учителем. Из-за неожиданной смерти Штейнера могло быть заложено лишь начало, которое может быть спасено и, возможно, будет развиваться дальше, если социальная жизнь внутри антропософского движения будет очеловечена социальным импульсом антропософии. Там, где этого не происходит, антропософские инициативы остаются в плену авторитарных и иерархических форм, принадлежащих к духовной жизни прошлого. Тогда антихристианские силы, которые после смерти Штейнера, соединившись с человеческими слабостями и силами двойника, стали действовать в обществе - преодолеть почти невозможно. Благих намерений участников движения недостаточно: должны развиваться также и внешние формы, в которые может изливаться христианская жизнь.

В течение ряда лет некоторые группы в антропософском движении обнаруживали некоторые качества новых мистерий, откуда могло родиться их новое понимание. Многие предполагали, что это зависело от социальных процессов в этих группах или от возможностей пробуждаться друг в друге и пробуждаться другими во встречах. Некоторые поняли, что новая духовная жизнь может иметь место только в новых социальных формах, другие открыли, что и в нас самих также должны быть рождены новые социальные силы, прежде чем мы сможем объединяться друг с другом в духе новых мистерий.

Участники Движения пытаются прорваться через иерархические социальные формы, чтобы создать место для истинных встреч и простор для социальных импульсов. Они пытаются развить в себе самих новые социальные силы, связанные с пробуждением духа. Это новое сознание позволяет Обществу Рождественского собрания воскреснуть в его первоначальной триединой форме. Общество (как и утраченное первохристианство) может быть возвращено к жизни только с самых основ. Тогда духовная жизнь снова сможет получать новые импульсы. Это должно исходить от людей, которые в себе самих и друг в друге нашли доступ к духовному миру и внутренне преодолели потребность в авторитете. Тогда то, что Штейнер из духовного мира инициировал в обществе, теперь снова, в свободе и из самих себя, может быть завоевано внутренней активностью членов антропософского движения.

Пожар первого Гётеанума, ранний уход Штейнера, отсутствующий преемник для

руководства Свободной высшей школой и разрушение Общества Рождественского собрания - ясные признаки того, что все, пришедшее извне и сверху - должно было отпасть, чтобы снова быть возрожденным изнутри и снизу. Мы можем духовно и социально восстанавливать Гётеанум в практической работе. Штейнер как внешний авторитет - ушел с физического плана, но он остался духовно доступным для людей, которые хотят соединиться с духовным миром своими собственными силами. Духовное Общество Рождественского собрания может снова возникать между людьми, которые хотят совместно встать на путь к новым мистериям. Также и Свободная высшая школа духовной науки может быть снова восстановлена снизу людьми, которые сотрудничают таким образом, что между ними действует дух. В том же смысле и социальное триединство должно быть завоевано снизу, из переживаний и катастроф современной социальной жизни. Представитель Человечества, статуя Христа работы Штейнера, должна была быть видна всем в первом Гётеануме. Скрываемая до сих пор в запаснике второго Гётеанума, она снова должна стать видимой всем, обретая свое должное место.

Когда Штейнер в 1923 году на Рождественском собрании стал председателем Антропософского общества, Общество и дочерние движения, которые развились из него с конца первой мировой войны - могли снова объединиться друг с другом. Общество должно было стать носителем всего Антропософского движения, каковым оно является в духовном мире. В индивидуальности Штейнера Общество и Движение - были объединены, и это объединение должно было все больше происходить также и на практике. Это должно было стать возможным благодаря триединой структуре нового общества. 13 января 1924 года Штейнер в *Nachrichtenblatt* (Информационный бюллетень Общества) писал, что намерение Рождественского собрания состояло в том, чтобы дать Антропософскому обществу форму в которой Антропософское движение нуждается для своего роста и развития.

Жизнь Движения в практических областях представляет волевой полюс Общества, ориентированный на актуальные вопросы. Он противостоит "мыслительному полюсу" Свободной высшей школы, где должно иметь место духовное исследование практических областей и могут вырабатываться решения актуальных вопросов. Группы членов Общества должны тогда образовать область сердца, куда может стекаться целое, живущее во всем Движении, и где в культивировании душевной жизни должны были бы возникать социальные и духовные силы, необходимые для новых мистерий. Это триединство Общества не только не развивалось, но даже шаг за шагом структурно ликвидировалось. Общество стало унитарным. Можно предположить, что это связано с неожиданной смертью Штейнера. Общество, в котором он хотел работать, не стало живой действительностью, и он должен был отступить в духовный мир.

Начиная со смерти Штейнера, Общество больше не совпадает с Движением. Живая антропософия может существовать также и вне сегодняшнего Общества. Многие инспирированные люди не желают становиться членами Общества. Мы тогда пытаемся культивировать душевную жизнь в практических областях и находить замену духовного углубления, которое должно было бы иметь место в секциях Свободной высшей школы. Следовательно, Антропософское движение в целом едва ли может развить духовные импульсы, необходимые для работы в мире. Общество не соответствует образу свободного духовного сотрудничества. Много людей внутренне чувствуют себя членами первоначального Общества Рождественского собрания. Они не понимают, почему они должны стать членами административного Общества, которое испытывает недостаток свободной и современной духовной жизни, и страдают за Движение, лишенное душевного пристанища или духовного центра.

Чтобы стать действительным носителем Антропософского движения, сегодняшнее Общество должно было бы возвратиться к Рождественскому собранию и из своей унитарной структуры позволить снова возникнуть триединой структуре, которая может быть носителем Антропософского движения. Это не просто, так как аппарат с его природой функционера и социальным невежеством пассивных членов оказывает сопротивление. Тем не менее в последние годы многие антропософы, и даже члены форштандов пытаются ориентироваться на намерения Рудольфа Штейнера, связанные с Рождественским собранием. Поэтому положение Антропософского Общества еще не совсем безнадежно, хотя приходится констатировать, что изменений сверху больше

ожидать не следует. Путь к Рождественскому собранию заблокирован, и Общество становится бетонной крепостью, в которой нет места для инакомыслия; часто мы уже даже не можем критиковать функционеров. В дискуссиях о будущем Общества самые существенные вопросы и всю возникшую патологию в большинстве случаев тщательно обходят стороной.

Мы должны также спросить, почему бы нам снова не основать общество Рождественского собрания с его статутами, которые оставляют нас свободными. Сегодняшняя унитарная форма стала бы тогда триединой структурой, где каждый из трех сотрудничающих форштандов выполнял бы свою задачу.

Осознание этого вопроса формы - уже было бы первым необходимым шагом к исцелению социального организма, в котором нуждается существо Антропо-Софии, чтобы стать действенным. Второй шаг - вопрос: как осознать и преодолеть упомянутые выше силы "двойников", действующих в антропософском движении. Особо речь здесь идет о силе римского, арабского, теософского, но также и немецкого двойников. Антропософия получила глубокий (и односторонний) немецкий отпечаток, который препятствовал ее открытости и деятельности в мире. Как можно преодолеть эти силы "двойников" и тем самым сделать антропософию более доступной общественности? Нужно спросить также - почему люди часто сильно меняются после того, как они становятся членами форштанда? Как они оказываются под влиянием "двойника" Общества? Какую роль здесь после получения власти играют такие характеристики, как честолюбие, амбиции, властолюбие? Что могло заставить нас думать, что демонические силы, которые разрушили Общество, уже преодолены?

Третий шаг - вовремя распознавать псевдо-эзотеризм и тенденции к ложам. Что заставило нас полагать, что мы имеем в Гетеануме эзотерическое правление? Как мы можем ощущать, что Рудольф Штейнер и сущность Антропо-Софии - все еще связаны с сегодняшним Обществом? Может ли правление, которое усиливает спиритуальный централизм и восстанавливает сверху Свободную высшую школу, как новую римскую церковь, к которой должны принадлежать все активно действующие антропософы, вообще притязать на компетентность и духовный авторитет Штейнера? Почему условием участия в собраниях часто является лишь формальное членство? Почему имеются отдельные мероприятия для приглашенных членов класса и "круга" избранных членов класса? Почему имеют место стремления без помощи посвященного основать второй класс Свободной высшей школы? Форштант, открытый для обратной связи с членами Общества, мог бы быть четвертым шагом. Не миновало ли уже давно время традиционного управления, и не пора ли нам ожидать от членов Форштанда, чтобы они заседали в кругу, открытом для критики и содействовали своим социальным поведением внутренней коммуникации и развитию правовой жизни?

В-пятых - социальный организм антропософии требует денег, пожалованных из любви, и не только на укрепление здания, но чтобы позволять людям работать в свободной духовной жизни. Все еще слишком часто мы ждем предоставления денег государством или Форштандом. Не более ли плодотворно для развития инициативы, если деньги жертвуются кругом людей, которые считают инициативу важной, чем когда они традиционным способом "спускаются сверху"? Это и было бы шагами Антропософского общества к становлению "самым свободным и наиболее современным Обществом, которое только может существовать", шагами к восстановлению утраченного, к Рождественскому собранию.

Рождественское собрание было началом новой спиритуальной культуры, завершение которой - лишь в отдаленном будущем. Всюду, где активно действовали группы, должны были возникать острова новой культуры. Ретроспективно мы видим, что большинство участников не переживало это своим дневным нормальным сознанием и проспало момент духовного и социального обновления. Но импульс Рождественского собрания обладает собственной динамикой; он может пробуждать нас в 33-летнем ритме, обновляя духовную жизнь.

В первый период импульс продолжал жить в отдельных людях - участниках Рождественского собрания. С 1956 года он начал действовать также в группах. Пример этого подал Зейльманс ван Эммиховен и другие, чьими усилиями был ликвидирован

раскол 1935 года. С 1989 года начался третий период, когда дух времени потребовал нового основания культуры с возможностью включения первоначальных импульсов. Многие члены стали искать истинных встреч в антропософских группах. Активные члены стремятся снизу духовно углублять свою работу и развивать зачатки новой работы в секциях в духе новых мистерий. Из всего Антропософского движения возникает импульс - вновь основать Общество согласно его архетипической форме.

Это совпало с освобождением Средней и Восточной Европы от коммунизма. Восток, изголодавшийся по новым идеям и духовному опыту, приходит в движение. У нас еще есть время искать способы обновления духовной жизни, пока западная экономика не оккупировала также и эти области. Культурные острова должны быть построены на Востоке, если мы хотим посеять семена будущей культуры.

Антропософы посещают Центральную и Восточную Европу, чтобы встречаться с людьми и разделять их духовные импульсы. Из этих встреч явствует, сколь ограничена "западная" антропософия и насколько глубокая спиритуальность живет на Востоке. Мы не можем экспортировать западную антропософию, потому что интеллектуализм и догматизм едва ли могут вдохновлять восточноевропейцев. Антропософия должна быть представлена так, чтобы она нашла теплый прием. Открытость, осознание проблем других людей и знание языков и культур - обязательны.

Восточноевропейская антропософия все еще упорно живет в древних мистериях. Она выходит из катакомб и демонстрирует отчетливые теософические черты: закрытые группы, иерархия, лидеры с качествами "гуру" и тенденцией оставаться в сфере идей. Это частично обусловлено их прошлым и приспособлено к духовному климату Восточной Европы, где преобладают "платонические", "женские" душевные качества.

Западноевропейская антропософия, которая появляется теперь на востоке - имеет совершенно другой характер и часто совершенно не стыкуется с духовной жизнью востока. Это - изрядно "мужская" антропософия практической деятельности, с хорошей организационной, интеллектуальной и финансовой основой. Она имеет склонность привносить свои модели, опекать и контролировать духовную жизнь своей организацией, например, назначая определенных людей с запада управлять, к примеру - вальдорфской педагогией. На востоке становится ясно, насколько трудно во встречах людей из различных культурных областей позволить возникнуть новому духовному сознанию антропософии; куда проще - "миссионерски" его проповедовать.

На стыке Востока и Запада не хватает истинной средневропейской антропософии, антропософии сердца. Это антропософия, которая без теософских обиняков и без поверхностных моделей обращается к сердцам людей, антропософия, переживаемая так, что учит нас находить путь к сердцам других людей. В этой антропософии речь идет о пробуждении нового человека во встрече и в сотрудничестве. Она требует вместо контролирующих структур

- живой связи между людьми, и нуждается в интеграции женского элемента (переживаемого опыта), который столь интенсивно живет на востоке.

Так как с 1989 года возникает сознание необходимости духовно объединить восток и запад на основании здоровой европейской антропософии, может возникнуть новая антропософия (включая африканскую, американскую, азиатскую и австралийскую антропософию), в которой все культурные области могут вносить свой вклад в построение культурных островов.

С начала XX столетия антропософия жила в мире идей, в сфере древних мистерий. Для перехода к практической антропософии, в которой могут развиваться новые мистерии, Штейнер ожидал существенную помощь с запада, даже из Америки. С помощью западных недогматичных и деловых людей антропософия может стать мировым движением. Немецкая склонность

- все контролировать свыше, все же очень сопутствует этому. В последние годы жизни Штейнер испытывал большую радость во время своих визитов в Англию от встреч с такими практиками, как Дениэл Дэнлоп, которого он называл "братом". Ита Вегман также была практиком. У практиков мы часто находим аристотелизм; и вместе с тем здесь возникает опасность интеллектуализма, который легко исключает "женский" элемент. Этому противостоит восточноевропейская антропософия, которая удержала многое из

теософского периода. Здесь мы находим платоническую позицию, которая связана с древними мистериями. Восточноевропейская антропософия, будучи связанной с русской культурой - интимно близка силам Софии (Св. Премудрости). На востоке живет тоска по общности (соборности) и склонность к культовому, сакральному. Антропософия востока, которая развивается в России и в Азии, может помочь "с востока возгореться тому, что на западе формируется", как гласит Медитация камня основы. Но она может легко застревать в мистике и в иерархическом мышлении и терять из виду практическую действительность.

Западная и восточная антропософия едва ли в состоянии строить культурные острова своими собственными силами. Западная антропософия провела важные исследования процессов душевного и социального развития (например - работы Бернарда Ливехуда), но ее понимание антропософского социального импульса и рождения духа в душе - весьма слабо. Восточная антропософия мало знает о том, как она по-новому должна формировать социальную жизнь и имеет склонность пренебрегать душевным развитием, хотя она вхожа в мир духа и лепечет великие идеалы общности (соборности). Обе они нуждаются в помощи истинной европейской антропософии, которая имеет корни в средневропейской культуре и может связывать воедино душу и дух, "женский" и "мужской" элемент и знает пути к построению сообществ. Течение Мани возникает как соединение течений Платона и Аристотеля.

Главная задача Центральной европейской культуры - воссоздание социальной жизни. В то время, как антисоциальные силы уничтожают человеческие сообщества, антропософский социальный импульс предлагает непредвиденные возможности построения новых сообществ, еще не располагая социальной силой будущей культуры - Самодухом. Социальное триединство позволяет нам создавать социальные отношения, развивая правовую жизнь в социальной динамике общества или учреждения. Социальный организм возникает в живой правовой жизни, источник которой - во встречах между людьми. Это формирует сердце социального порядка, сферу, в которой вопросы, имеющие отношение ко всем, решаются совместно. Тогда христианская социальная жизнь, которая проистекает из наших социальных сил, может течь в триединных социальных формах. Эти силы образуются на сердечном пути социального импульса.

Если эта манихейская помощь социальному обновлению *т* будет принята, в социальной жизни останутся обычные централистские структуры. Эти структуры препятствуют развитию новых социальных и духовных сил также и в антропософском движении, ибо в них не может существовать равенство и здоровая правовая жизнь. Поэтому дух не сможет разворачиваться свободно, сотрудничество остается затрудненным и духовная жизнь не испытывает никакого обновления.

4. Возрождение антропософии

В конце XX столетия мы приблизились к упадку свободной духовной жизни. Антропософия не стала культурным фактором в том смысле, как: это предполагал Рудольф Штейнер, хотя следует отметить, что в современной культуре антропософские инициативы творят чудеса. Сотрудничество на повороте тысячелетия платоников школы Шартра и аристотеликов, о котором Штейнер говорил летом 1924 года - под вопросом. Он указывал на зависимость этого сотрудничества от действия импульса Рождественского собрания а также от того, "сумеет ли Антропософское общество с истинной самоотдачей питать антропософию" (18 июля 1924 года (GA 240)).

Духовный импульс, чтобы глубже воплотиться в культуру, через каждые 100 лет (3x33,3) нуждается в обновлении. Антропософия, спустя столетие -также хочет быть возрожденной (возможно даже под новым названием). Отсюда правомерен вопрос, сможет ли новый антропософский социальный импульс и реинкарнация Рудольфа Штейнера работать в застывших структурах Антропософского общества? Без необходимых изменений это Общество идет к упадку; дух в нем - не веет. Силы прошлого, живущие в нем, изолируют его от деятельности живого Христа. Существование многих антропософских учреждений - также под угрозой, особенно потому, что христианско-социальные импульсы антропософии были недостаточно реализованы в социальных условиях и структурах. Почти повсеместно социальная жизнь весьма проблематична. Уже становится очевидным, сколь мало

учреждений и образовательных центров выживут и уберегутся от государственного контроля. Лишь немногие из них через десять-двадцать лет уцелеют, если продолжатся внутренние конфликты, размывание антропософии и давление государства.

Если в течение ближайших лет не возникнет триединое Антропософское общество в смысле Рождественского собрания, существо Антропо-Софии полностью покинет существующее Общество, которое будет существовать как простая внешняя, духовная власть, подобно анахроничной церковной или ложе-подобной структуре.

Мы должны растворять древние формы и строить новые, чтобы создавать пространство для духовного течения новых мистерий. К этому призваны круги друзей, где могут происходить преображения душ, крути, где мы можем снять наши социальные доспехи. Мы должны отказаться от традиционного образа существующего Общества, где Форшланд управляет Школой духовной науки, группами членов и движением. Унитарная структура должна распасться, чтобы духовная жизнь текла свободно. Мы должны ограничить аппарат его фактической задачей - обслуживать и создавать соответствующие условия. В своем духовном завещании "О спасении души" голландский антропософ Бернард Ливехуд предвидел в конце XX столетия антропософский импульс, намного превосходящий Антропософское общество; во всем мире мы находим людей, которые развивают духовную науку - сказал Ливехуд. Новый антропософский импульс может исходить из совсем иных направлений, чем могли бы ожидать антропософы.

В течение нескольких лет новый импульс уже живет на периферии антропософского движения. Мы можем встретить его у молодых людей, иногда у людей постарше, у людей с художественными и христианско-социальными идеалами. Большею частью это платонические души, которые находят мало христианско-социального в интеллектуальной аристотелианской антропософии. Среди них могут быть также и так называемые "платоники"; но в любом случае многие из них проявляют социально-манихейский импульс, Они ищут открытости в беседах и встречах с другими в своих инициативах и группах и ищут ответов на жизненные вопросы - без абстрактных концепций и догматизма. Они ищут своей собственной внутренней антропософии. На своем поле деятельности они пытаются реализовать открытые, неиерархические структуры и самоуправление, которое позволяет как открытые финансовые обсуждения, так и ассоциативные соглашения в хозяйственной жизни.

Для них это не легко - найти: этот путь в своей жизни; они открыты, уязвимы; чтобы реализовать свои импульсы, им нужно время, чтобы понять свои мотивы. Люди с более аристотелианской душой - намного более целенаправлены и легче управляют своей интеллектуальной силой мышления. Платонические души нуждаются в специальной помощи и поддержке, чтобы они могли развернуть свою деятельность в антропософском движении как духовные исследователи, художники, деловые люди, в новых социальных и терапевтических профессиях. Они нуждаются в пожертвованиях, и, чтобы следовать своим путем развития - должны оставаться в определенной степени финансово свободными.

События 1989 года существенно изменили антропософское движение. Они создали пространство для новых импульсов; ветер с Востока ослабляет интеллектуальную и догматическую антропософию. Западная антропософия вынуждена обратить внимание на вопросы славянского востока Европы, потому что ее собственные модели здесь бесполезны и опасны. Восток нуждается не в западных антропософских колониях, но в живой антропософии, которая предлагает пути развития: и исследования для решения конкретных проблем разрушенного общества и нездоровой душевной жизни. Тысячи людей в восточной Европе восприимчивы к антропософии и надеются на ее помощь. Главным образом это души с платонической тенденцией, с артистическими и социально-христианскими импульсами. Их появление в антропософском движении и на встречах антропософов Востока и Запада освобождает новые силы и обостряет осознание проблем дальнейшего развития платонических душ. Часто им нелегко духовно пробудиться и реализовать свои идеалы: в практической жизни. Но тем не менее можно ожидать, что антропософы с востока сыграют важную роль в одушевлении и одухотворении односторонней западной антропософии.

Начиная с 1989 года людей Востока и Запада, которые не чувствуют себя на месте в существующем Обществе, объединяет импульс обновления, выраженный Рождественским

собранием 1923 года. Это архетипическое общество живет в эфирном мире. Если мы чувствуем себя объединенными как свободные антропософы, формальное членство в существующем Обществе теряет свое значение. Особо важно сотрудничать в сообществах, которые привлекают существо Антропо-Софии.

Тогда возродится Общество Рождественского собрания, и постепенно станут видимыми его участники и форма расширяющихся кругов и сетей. Члены существующего Общества, освобождаясь от сил его двойника, также стремятся обновлять антропософию. Им и надлежит искать или создавать свои: собственные эзотерические группы в областях практической деятельности и исследования. Они могут слушать и классные уроки Школы духовной науки, так как эти тексты теперь общедоступны.

В этих кругах образуется новое Антропософское общество. Мы можем только надеяться, что сегодняшнее Общество также возвратится к намерениям Рождественского собрания и установит триединую структуру. Если оно не инспирируется импульсами, которые с 1989 года входят в жизнь в Центральной Европе, свободные антропософы могут ассоциироваться с новой версией устава Рождественского собрания. Антропософия может жить только в свободных кругах. Полагать, что обновление Общества может быть инициировано сверху, было бы иллюзией.

Новое Общество будет состоять из так называемых платонических и аристотелических душ. Это потребует от последних отдавать свои способности на службу другим людям и помогать платоникам на их путях развития. В этом сотрудничестве они сами также разовьют новые душевные качества, и из этого сотрудничества в XXI столетии может быть возрождена антропософия. Она появится на земле не в облачениях теософской терминологии и не в виде управляемой иерархической структуры, но как духовное сознание, рожденное непосредственно из требований духа времени. Штейнер указывает, что великие платоники и аристотелики будут нести за это большую ответственность.

Антропософия будет возрождена в духовной битве, которая в 1989 году вступила в новую фазу. Падение железного занавеса удовлетворяет - как ни странно это звучит - стратегии, которая стремится уничтожить духовную жизнь Европы. Новая волна американизации рвется к зародышам новой христианской культуры в Центральной и Восточной Европе. Мы должны спасти европейскую культуру. Она была создана в средние века христианским миром и предоставлена самой себе без прямого руководства духовного мира. В XX столетии она приходит к своему закату, будучи не в силах решить проблемы, которые вызвали этот закат. То, что было предпринято в начале XX столетия, оказалось тупиком: право на самоопределение наций привело к ужасному национализму, большевизм привел русскую нацию к разрушению, а хозяйственное и культурное государственное регулирование привело к необузданной бюрократии. Европе угрожают также с Востока. После волн вторжений гуннов и монголов, надвигается третья волна из Восточной Азии - духовно, и, частично - также физически. Она выстраивается, начиная с середины XX столетия, сопровождаемая движением из областей Ислама. Рудольф Штейнер предупреждал о неизбежной конфронтации Америки и Восточной Азии, которая могла иметь место в регионах Тихого океана или Европы. Бернард Ливехуд был серьезно обеспокоен этим в последние годы своей жизни. Он полагал, что только христианская инфраструктура могла бы духовно защитить Европу от нападений с Востока и Юга. В своей книге "Через игольное ушко" он сказал, что эту инфраструктуру должны строить антропософские учреждения. В этом смысле мы должны иметь и виду учреждения во всех областях жизни, которые развиваются и кармические сообщества и в истинные оазисы культуры, основанной на антропософии социальном импульсе. Это - центры, где люди могут следовать своими путями развития, совместно вести исследования и строить в социальной жизни храмы новых мистерий.

Социальный мир стал центром мистерий, где добрые и злые силы рвутся к нашему сознанию. Мы должны строить сообщества, чтобы служить добрым силам. Архангел Михаил ждет от нас, чтобы мы были вооружены для внутреннего сражения против сил, разрушающих нашу душу и основали новую духовную культуру на культурных островах. Это - всеобъемлющие задачи, требующие для своего решения многих столетий. Мы - только в начале и еще не имеем в своем распоряжении социальных и духовных сил, которые должны быть развиты в следующих столетиях. Необходима скромность и

понимание несовершенств, как наших собственных, так и других людей. Это все еще довольно трудно, но станет более легким для будущих поколений, если мы попытаемся объединиться в душе и в духе.

Миллимы индивидуальностей принадлежат к движению Михаила и ищут антропософию. Не требуется их обращать, надо только искать путь - как соединить их с их же глубочайшими импульсами на понятном им языке. Старый антропософский балласт должен быть отброшен, чтобы антропософия могла быть узнаваемой в мире и пробуждать людей, которые хотят духовно объединиться в ближайшем будущем. Они будут стремиться пережить новый праздник Пятидесятницы> который ведет к сознательному отношению к новому явлению Христа в эфирном мире и прорыву в новую, духовную эру. В этом новом празднике Пятидесятницы должно участвовать все человечество. Это означает, что антропософское движение должно искать связи с другими движениями, в которых также живет михаэлическое сознание. Оно должно указать сообразные времени и доступные человечеству пути развития, ведущие к новому соединению с живым Христом и к обновлению культуры.

На первом празднике Пятидесятницы среди учеников Христа присутствовала существо Софии, воплощенное в Марии. С начала XX столетия оно присутствует среди людей как Антропо-София, чтобы открыть им путь к новым мистериям через новое переживание Пятидесятницы Рождественского собрания. Мужские силы познания недостаточны, чтобы провести в душе новый праздник. Мы нуждаемся: в женских силах Марии, силах восприимчивости и сострадания, смирения и преданности, молитвы и сердечной мудрости - для Софии, которая будет рождена в нашей душе, которая должна быть одухотворенной душой сознательной. Тогда смогут действовать силы, строящие социальное сообщество,

Только на этой религиозной почве мы сможем социальным импульсом антропософии гуманизировать социальную жизнь, и она обретет сакральный характер, как в древних мистериях. Мы можем предполагать, что религия будущего будет все более присутствовать в социальной жизни. 27 ноября 1916 года Штейнер сказал, что профессии снова станут сакральными, когда наши дела станут богослужением, когда мы будем жить в сознании, что Христос стоит за всем, что мы делаем (GA 172). Это может существенно изменить профессиональную жизнь, жизнь Преподавателя, лечащего педагога, фермера или врача. Это означает, что силы Христа будут действовать через них, и что Сам Христос учит, излечивает и работает на земле.

Сакраментализм - сфера Уриила, и этот ноток еще Ив развил многих ясно определенных профессий. Эта его миссия - все еще в стадии приготовления, процесс которого связан с возрастающим сознанием антропософского социального импульса. В принципе, каждая профессия, каждая человеческая деятельность может приобретать священнически-сакральные характеристики. Штейнер, например, свой последний курс, так называемый "Пасторально-медицинский курс" (GA 318), посвятил сотрудничеству врачей и пасторов. Много аспектов пасторской работы были включены в социальную работу уже в ходе XX столетия.

В потоке Уриила формируется неконфессиональное, светское духовенство, помогающее другим людям на их путях развития. Это может быть работа с биографией и биографически-психологическая консультация, уход за людьми с проблемами развития, профессиональная и социальная консультация, работа с молодыми людьми, желающими раскрыть и развить способности, поддержка процесса умирания и т.д. Это может также вести к взаимной дружбе, поддержке и взаимной рефлексии наших путей развития. На социальном уровне появляются профессии в духе социального триединства, такие, как социальный советник, социальный оформитель, деловой консультант и компаньон для новых инициатив.

Эти относительно новые профессии и непрофессиональные формы сопровождения и человеческих отношений прежде всего озабочены кармической помощью другому человеку, ни в коем случае не желая изменить его. В области социального импульса мы должны принимать другого человека, как он есть, - пишет Дитер Брюль в коротком эссе об уриилитах (в его книге по социальному сакраментализму). Во-вторых, мы можем помочь сделать личную карму другого человека видимой и понятной, чтобы ее можно было упорядочить и гармонизировать. Ариман в наше время стремится сделать карму

хаотичной, но Христос может усиливать на благо человеческих существ то, что мы кармически сбалансировали. В-третьих, человеческие душевные процессы могут быть вновь активированы в урилическом действии беседы. Многие люди увязли в своем душенном развитии и не имеют доступа к духовному миру и духовным переживаниям. Открытость духу исчезает, поэтому должен быть найден совершенно новый религиозно-социальный доступ к культивированию душевной жизни; это касается также и антропософских кругов. В-четвертых, мы можем так Преобразовать социальные процессы и формы, в которых мы живем и работаем, чтобы в них возникла правовая сфера. Социальные пути развития тогда становятся прозрачными и социальный импульс может действовать везде, где собираются люди. С этим связана пятая задача потока Уриила. Она касается исцеления сил сердца, которые пострадали от интеллектуализма современной культуры и от эгоизма современного человека. Антропософское движение эти силы развивало недостаточно. Регенерация сердца может быть достигнута новым социальным сознанием, которое поможет нам возжечь в нашем сердце внутреннее Солнце Христа. Имя Уриила тогда может означать "Свет Христов", который светит через нас в социальный мир.

Течение Уриила занимает в социальной жизни свое место наряду с тремя другими: с течением Михаила, которое развивает социальные идеи и преобразовывает их в дела; течением Гавриила, ведущим к социальному искусству и к новым социальным формам, и течением Рафаила, которое действует исцеляюще в социальной жизни. Все течения принадлежат движению Михаила. Когда они объединяются в антропософии, антропософское движение может решающим образом: содействовать освобождению человека от тьмы его обстоятельств и одухотворению культуры. В этом - задаче индивидуальностей, которые в новом столетии хотят объединиться с Антропософским движением.

Только в том случае, если антропософия сможет духовно пробуждать людей и помочь преобразовывать хаотическую карму наших времен, она может стать культурным фактором. Каждый для себя должен обнаружить, что сердечный путь социального импульса, как необходимое дополнение к культу познания - ведет к духовному пробуждению. Многие уже это пережили и признали, что упомянутые "женский" и "мужской" пути построения сообщества - две стороны одной медали. Антропософия живет как сознание Христа, преображающего человека, землю и человечество. Люди, которые развили это сознание в своей душе и соответственно поступают, могут быть признаны как антропософы. Никаких других критериев нет.

Эти новые, сознательные люди, которых мы можем встретить всюду, переживают социальный импульс как импульс Христа нашего времени, дремлющий в сердцах людей в ожидании пробуждения во встречах с другими. Этот импульс создает в социальной жизни место для другого человека, а значит - для Христа. Он пробуждает и освобождает в человеке интерес к другому, сострадание, прощение и любовь, с которыми потом можно строить сообщество Пятидесятницы новых мистерий. В них живет новая, возрожденная антропософия и обновляется культура.

Эпилог

Пробуждение в новую эпоху

Начиная со второй половины XIX столетия в духовной жизни произошли многие события, которые нам еще предстоит осознать во всем их значении. Человечество подсознательно перешло порог духовного мира; в 1879 году началась эпоха Михаила; в 1899 году истекла "Кали-юга" ("темная эра") и началась новая, светлая эра, когда духовный мир снова начинает инспирировать людей. Первый плод этой эры - Антропософия. Она готовит нас к встрече со вновь являющимся в эфирном мире Христом, и открывает нам пути к сфере Святого Духа. Это было предано гласности при основании Антропософского общества на Рождественском собрании 1923 года.

За более, чем семьдесят лет, прошедших с тех пор, многих людей посетило предчувствие того, что социальный мир становится центром мистерии, в которых дух хочет объединить людей для нового праздника Пятидесятницы, чтобы обрести место в

человеческих душах. Это произойдет, как только мы вступим на путь совместного с другими людьми построения сообщества, то есть на путь расширения сознания в групповой работе и развития новых социальных сил во встречах и в сотрудничестве с другими. Процессы формирования сообщества только начались, и мы все еще едва ли знаем, какого рода воспитание душ, и какие социальные формы здесь необходимы. Мы не можем упрекать тех, кто все еще пойман старыми структурами душевной и социальной жизни. У каждого свой собственный темп. Но мы знаем, что через устаревшие социальные структуры и устоявшиеся мнения могут действовать противодействующие силы. Поэтому сознание в социальной работе теперь необходимо.

В третьей главе были определены некоторые фундаментальные характеристики новых мистерий, которые сохраняют свое значение в течение новой эпохи. Они связаны с освобождением человеческой индивидуальности от оков авторитета и традиции. Духовность должна иметь для социальной жизни практическое значение, вплоть до денежных отношений. Люди ищут реальных встреч, чтобы познавать себя и других и пробуждаться. Необходимы новые социальные формы сотрудничества и совместной жизни, чтобы обеспечить живую правовую сферу. Наконец, между нами развиваются сознательные кармические связи, чтобы на их основе могли возникать сообщества нового типа. Все это озаряется присутствием Христа, который появляется как внутренний учитель и помощник, утешитель и советник и дает нам все, о чем бы мы Его в этом смысле не просили.

Современный человек в новую эпоху может развить свои силы познания, свое мужество, моральность и сердечные силы. Тогда он становится михаилитом. Это позволяет свету воссиять в духовных сражениях нашего времени. Рудольф Штейнер провидел начинающееся в 1933 году затмение культуры и надеялся, что антропософское движение будет достаточно сильно, чтобы европейскую культуру все же спасти. В этом же году должно было начаться откровение Христа в эфирном Мире, и первый цикл 33-летнего ритма от начала новой светлой эры. Нацизм перечеркнул этот ритм.

Второй цикл истек в шестидесятые годы. Многие люди тогда открылись духовному миру и обрели новый смысл жизни. Индивидуальная свобода, самобытность и приоритет индивидуальности, свободное поведение, личная ответственность, открытость новому опыту, радикальная критика материалистического общества и надежды на культуру общения и братства стали главными ценностями. Эту новую культуру часто называют "Нью Эйдж" или "культурой Водолея". Алиса Бейли, вдохновленная "тибетцем", объявила, что уже в двадцатом веке будет совершен переход к эре Водолея. Позже она связала это со вторым физическим воплощением мирового учителя, Христа Иисуса, о воплощении которого в начале 20-го столетия утверждали в Теософском обществе.

Астрология указывает на 2375 год как на начало эры Водолея. Штейнер подтвердил это, но отметил, что культура Водолея на земном плане начнется на 1200 лет позже, вместе со следующей, славянской культурной эпохой. Инспирации требуют времени, прежде чем они начнут действовать на физическом плане; тем не менее выдать себя за приход следующей культуры пытается существующая сегодня так называемая культура "Нью Эйдж". В ней всплыло множество форм дохристианских путей посвящения и духовности; некоторые из них в принципе могут быть "христианизированы", как это пытался сделать Штейнер с теософией; но кроме этого появились также антихристианские элементы, отвергающие человеческую свободу и развитие души. Особо это касается психотехник и некоторых методов лечения в культуре "Нью Эйдж", где нет места Христу как целителю и преобразователю человеческой души. В свое время Штейнер также был вынужден разоблачить антихристианские тенденции в Теософском обществе, когда там было объявлено второе воплощение "Христа".

В конце 20-го столетия истекает третий цикл этого 33-летнего ритма. Мы снова видим попытки отклонить силы света, на что указывает внутренняя сигнатура девяностых годов. В апокалиптических образах Штейнер говорил о 1933 годе, о конце 20-го столетия и о времени, последующем далее. 20 сентября 1924 года он предупреждает: "прежде, чем эфирный Христос будет правильно понят людьми, человечество должно подготовиться к встрече со зверем, который поднимется из бездны в 1933 году." (GA 346). Незадолго до этого, 19 июля 1924 года, он сказал: "В ходе этого столетия, первого столетия после

наступления конца Кали-юги, человечество окажется либо у могилы всей цивилизации, либо в начале эпохи, в которую борьба за импульс Михаила воспламенится в душах людей, соединивших в своих сердцах интеллект со спиритуальностью" (GA 240).

Апокалиптический Зверь из бездны хочет уничтожить эту духовность и уже инспирировал самоуничтожение Антропософского общества в 1935 году. Это коснулось самосознания Антропософского движения, которое было столь помрачено в тридцатые годы. Шестидесятые годы принесли первое пробуждение духовными импульсами, прошедшими через весь мир. На рубеже столетия это самосознание должно пробудиться еще больше, чтобы мы смогли объединиться на основе действительного осознания деятельности Христа в душе, в природе и в обществе.

Отправная точка для обновления антропософии - культивирование душевной жизни. В наше время все мы, включая антропософов - более или менее душевнобольны. Обычные формы антропософской групповой работы часто усиливают наши болезни. Мы нуждаемся в формах работы, исцеляющих художественным творчеством и искусством беседы, в формах, в которых люди могут открываться себе и другим и объединяться; эти формы включают обмен опытом на различных путях обучения и взаимную помощь на основе душевной дружбы.

Существуют индивидуальный и совместный пути душевного развития. Мужское и женское начала могут объединиться в каждом человеке, если мы следуем обоими путями одновременно. Развитие включает в себя как путь индивидуального расширения сознания так и социальный путь, связанный с развитием антропософского социального импульса. Душевное развитие ведет к тому, чтобы пробудить нового, внутреннего человека, к раскрытию сердца и к построению новой общности. Тогда пути исследования, принадлежащие новым мистериям, могут сосредотачиваться на решении актуальных вопросов времени и на понимании противодействующих сил в социальной жизни. Эти новые пути исследования должны также быть открыты усвоению конструктивных аспектов других духовных и социальных потоков и соединению их с антропософией.

Духовный мир снова хочет инспирировать человечество. Мы должны не совершать прыжок в следующую культурную эпоху, но действительно вращаться в задачи нашей существующей культуры и затем находить путь в следующую культуру в нас самих. Это означает, что мы должны твердо стоять на земле, познавать скрытые углы и грани нашей души и проливать в них свет сознания, чтобы развивать и преобразовывать нашу индивидуальность. Тогда духовные и социальные силы также будут возрастать. Мы будем способны коснуться сферы Святого Духа в беседах и на совместных путях исследования и откроемся инспирациям духовного мира.

Мы - лишь в начале, и силы прошлого еще не преодолены; они препятствуют пробуждению в поной "ре. Римский дух и интеллектуализм, все еще активные в духовной жизни и в антропософской работе, должны быть преодолены социально и духовно для духовной жизни, чтобы продвинуться в новое столетие. Перед лицом вырисовывающегося исчезновения культуры, Шествующего № миру, пришло время зажечь в нашей душе новый огонь Пятидесятницы, чтобы пробудить людей духовно и основать культуру сердца. Надежды миллионов людей обращаются к антропософии, которая должна возжечь этот огонь. Перед ламп - задача освобождения антропософии из саркофага социальных и духовных форм, которые принадлежат старой эпохе, чтобы она стала возрождающейся силой в людях, ощущающих ответственность за происходящее в мире.

Указатель литературы

Von Beckerath, Gerhard: Die Anthroposophische Gesellschaft als lebendiger Leib für die anthroposophische Bewegung, in: Info3, 1986/7-8

von Beckerath, Gerhard: Unser Nichtergreifen der geistig-sozialen Gestalt der Gesellschaft der Weihnachtstagung 1923, in: Mitteilungen aus der Arbeit der Anthroposophischen Gesellschaft in Deutschland, Michaeli und Weihnachten 1992

Belyi, Andrej: Verwandeln des Lebens, Basel 1975

Brull, Dieter: Der anthroposophische Sozialimpuls, Schaffhausen 1984

Brull, Dieter: Im Lichte des Dreigliederungsimpulses - über Urieliten, in: Lazarus,

- 1989/2
Brull, Dieter: Waldorfschule und Dreigliederung - Der peinliche Auftrag, *Raisdorf/Leiden 1992*
Dunlop, Daniel N.: *Mein Weg zu Rudolf Steiner*, in: *Thomas Meyer*: D.N.Dunlop, *Domach 1987*
Gsanger, Michael: Individuum und Gesellschaft, *Schaffhausen 1987*
 von *Keyserlingk, Adalbert (Hg.)*: Koberwitz 1924, *Stuttgart 1974*
Leist, Manfred: *Zur Konstitution der Anthroposophischen Gesellschaft*, in: Was in der Anthroposophischen Gesellschaft vorgeht, *Nachrichtenbeilage zu Das Goetheanum*, 66Jahrgang, Nr. 7 (12. Februar 1989)
Lievegoed, Bernard: *Durch das Nadelöhr*, *Stuttgart 1992*
Lievegoed, Bernard: *Ober die Rettung der Seele*, *Stuttgart 1993 (Русский перевод: Бернард Ливегуод, О спасении души, Калуга, 1998)*
Muller-Wiedemann, Hans: *Karl Kцnig - Eine mitteleuropдische Biographie im 20. Jahrhundert*, *Stuttgart 1992*
Polzer-Hoditz, Ludwig: *Rede vom 14. April 1935*, in: *Erde und Kosmos*, 1986/1
Polzer-Hoditz, Ludwig: *AUS den Aufzeichnungen nach Gesprдchen mit Rudolf Steiner*, in: *Erde und Kosmos*, 1986/4
Сергей О. Прокофьев: *Рудольф Штейнер и краугольные мистерии нашего времени*, *Ереван, 1992 (в немецком переводе впервые - Stuttgart 1982)*
Saacke, Rolf (Hg.): Was in der Anthroposophischen Gesellschaft vorgeht, *Dessau*
Salman, Harrie: *Die Heilung Europas*, *Schaffhausen 1999*
Steiner, Rudolf (Труды по каталогу полного собрания сочинений - GA):
 * GA 4 *Философия свободы (1894)*
 * GA 10 *Как достигнуть познания высших миров? (1904-1905)*
 * GA 11 *Из акаша-хроники (1904-1908)*
 * GA 14 *Четыре драмы-мистерии (1910-1913)*
 * GA 23 *Коренной пункт социального вопроса (1919)*
 * GA 24 *Aufsdtze ьber die Dreigliederung des sozialen Organismus und zur Zeitlage (1915-1921)*
 * GA 28 *Мой жизненный путь (1923-1925)*
 * GA 31 *Gesammelte Aufsdtze zur Kultur- und Zeitgeschichte (1887-1901)*
 * GA 34 *Lucifer - Gnosis (1903-1908)*
 * GA 54 *Die Weltrдtsel und die Anthroposophie (1905-1906)*
 * GA 93 *Храмовая легенда и Золотая легенда (1904-1914)*
 * GA 99 *Теософия розенкрейцера (1907)*
 * GA 130 *Эзотерическое христианство и духовное водительство человечества (1 91 1-1912)*
 * GA 135 *Перевоплощение и карма (1912)*
 * GA 143 *Erfahrungen des ьbersinnlichen - Die Wege der Seele zu Christus (1912)*
 * GA 172 *Das Karma des Berufes des Menschen in Anknupfung an Goethes Leben (1916)*
 * GA 182 *Der Tod als Lebenswandlung (1918)*
 * GA 186 *Die soziale Grundforderung in unserer Zeit (1918)*
 * GA 187 *Wie kann die Menschheit den Christus wiederfinden? (1918-1919)*
 * GA 191 *Soziales Verstдndnis aus geisteswissenschaftlicher Erkenntnis (1919)*
 * GA 192 *Geisteswissenschaftliche Behandlung sozialer und pдdagogischer Fragen (1919)*
 * GA 194 *Die Sendung Michaels (1919)*
 * GA 196 *Geistige und soziale Wandlungen in der Menschheitsentwicklung (1920)*
 * GA 206 *Menschenwerden, Weltenseele und Weltengeist, Zweiter Teil (1921)*
 * GA 223 *Der Jahreskreislauf als Atmungsvorgang der Erde und die vier groьen Festeszeiten (1923)*
 * GA 229 *Das Miterleben des Jahreslaufes in vier kosmischen Imaginationen (1923)*
 * GA 233 *Mysterienstдtten des Mittelalters (1924)*
 * GA 236 *Esoterische Betrachtungen karmischer Zusammenhдnge, Zweiter Band (1924)*
 * GA 240 *ibidem, Sechster Band (1924)*
 * GA 243 *Сознание посвященного (1924)*
 * GA 257 *Anthroposophische Gemeinschaftsbildung (1923)*

* GA 260 Die Weihnachtstagung zur Begründung der Allgemeinen Anthroposophischen Gesellschaft (1923-1924)

* GA 2603 Die Konstitution der Allgemeinen Anthroposophischen Gesellschaft und der Freien Hochschule für Geisteswissenschaft. Der Wiederaufbau des Goetheanum (1924-1925)

* GA 265 Zur Geschichte und aus den Inhalten der erkenntniskultischen Abteilung der Esoterischen Schule von 1904 bis 1914

* GA 331 Betriebsräte und Sozialisierung (1919)

* GA 338 Wie wirkt man für den Impuls der Dreigliederung des sozialen Organismus? (1921)

* GA 346 Apokalypse und Priesterwirken (1924) Steiner, Rudolf und Boos, Roman: Die Bildung eines sozialen Urteils, in: Gegenwart, Oktober-Dezember 1950

Tomberg, Valentin: Sieben Vorträge über die innere Entwicklung des Menschen. Schonach 1993

Tomberg, Valentin: Die vier Christusopfer und das Erscheinen des Christus im Ätherischen. Stuttgart 1983

Wachsmuth, Gunther: Notwendige Abwehr, in: Nachrichtenblatt des Goetheanum vom 30 April 1950

Wegman, Ita: An die Freunde, Ariesheim 1968

Zeylmans van Emmichoven, J.E.: Wer war Ita Wegman. I-III, Heidelberg 1990, 1992